

РЕМОНТ ПРИБОРОВ

РЕМОНТ ПРИБОРОВ

ГРАЖДАН-
СКАЯ
ЛИРИКА
И ДРУГИЕ
СОЧИНЕНИЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОГИ

1969—2013

В оформлении использованы
фотографии Марины Миллер

Приборов Р.

П75 Гражданская лирика и другие сочинения. 1969—2013 / Ремонт Приборов. — М.: ОГИ, 2014. — 264 с.

ISBN 978-5-94282-735-9

Ремонт Приборов (р. ок. 1950) — даровитый современный стихотворец, работающий в разных литературных жанрах, близкий каким-то боком к узкому кругу поэтов «Московского времени». В своих сочинениях на злободневные темы, не лишенных блеска остроумия и изощренности формы, он иногда достигает высот славного Козьмы Пруткова, своего прямого предка по материнской линии.

В книгу вошло практически все написанное мастером в стихах и прозе за долгие годы вдохновенного творчества.

УДК 82-1+82-7
ББК 84(2Рос=Рус)-7

ISBN 978-5-94282-735-9

© Р. Приборов, 2014
© Б. Кенжеев, предисловие, 2014
© ОГИ, 2014

Летом 1974 года я отправился в ДЭЗ № 10 Тушинского района получить новый паспорт взамен утерянного. Жившим при Советской власти известна эта унижительная процедура. Настроение на весь день, а может быть, и неделю, казалось безнадежно испорченным.

Томясь в порядочной очереди, я от нечего делать стал читать стенную газету ДЭЗа, ожидая встретить там призывы бороться за культуру уборки лифтов и очковтирательские отчеты о количестве сэкономленных веников. Обнаружив в стенгазете поэтический раздел, однако, уныние мое безвозвратно рассеялось!

От шести стихотворений, кое-как отпечатанных на машинке «Москва», несмотря на их определенную бесхитростность, веяло истинным вдохновением. Правда, я недолюбливал Советскую власть, а в этих творениях она воодушевленно защищалась. Но поэзия — не политика. Главное в ней — это глубокая вера, подлинная искренность!

Меня окликнули. Я увидел смущенного юношу в синем комбинезоне, с горящим взором и разводным ключом в крепкой пролетарской руке. Это и был Ремонт Приборов, работавший тогда в ДЭЗе сантехником, а вечерами учившийся на инженера-ассенизатора. Разумеется, о публикации этих стихов в мейнстримовской печати не могло быть и речи. Советской власти требовались не убежденные сторонники, а прожженные циники. Мы немало сокрушались об этом в тот вечер на кухне моей тушинской квартирки, обмывая новый паспорт, полученный без очереди с помощью моего даровитого нового друга.

Ремонт Приборов — скромный, услужливый, талантливый, всегда при бутылке андроповки, а то и двух — вскоре прочно вписался в круг «Московского времени», сблизившись и с Сопровским, и с Гандлевским, и с Цветковым, и с Виталием Дмитриевым, и с Юрием Ку-

блановским, а впоследствии — и с Тимуром Кибировым. Тогда же он взял себе этот псевдоним, хотя никогда не скрывал своей настоящей сибирской фамилии — Ремонт Бытовых-Приборов.

Перед вами творчество поэта, настоящий расцвет которого, пожалуй, начался с переходом России к рыночной экономике, гласности, пилингу и откатингу. Его лира отзывалась едва ли не на все ключевые события последней четверти века. Вдумчивый читатель отметит некоторую противоречивость эволюции поэта (вначале от коммуниста к демократу, а затем — в сторону здорового патриотизма), но в том и состоит своеобразная прелесть его творческого пути. (Вспомним, сколько лет потребовалось, например, тому же Бродскому, чтобы расстаться с заблуждениями юности и гневно бросить свой партбилет на стол секретарю санкт-петербургского обкома КПСС!)

Печатался Ремонт Тимофеевич редко и неохотно, отчасти от скромности, отчасти по причине материальной независимости, работанной честным и нелегким трудом. Испросив отпуск на два года без сохранения содержания, погостил у меня в Монреале, а заодно и попутешествовал по свету, после чего вернулся на родину еще более убежденным патриотом, чем раньше. Недаром обратился он к противоречивой истории нашего отечества в своих маленьких трагедиях, не зря осудил масонов и их прихвостней в гневной басне. Был период, когда он воодушевленно занимался просвещением новых русских детей (никогда не забуду, как, протягивая какому-то пятилетнему мальчику на детской площадке пластинку жевательной резинки, Ремонт вдруг обильно прослезился. «Что с тобой, друг мой?» — осведомился я. «Младенца ль милого ласкаю, — вдруг срифмовал мой талантливый товарищ, — уже я думаю — прости! Тебе я место уступаю, мне время тлеть, тебе — цвести!» Жаль, что большинство подобных восхитительных экспромтов так и остались несобранными...) Наш питерский друг Виталий Дмитриев рассказывал мне, как они с гостившим у него Ремонтом в белую ночь возвращались пешком из гостей; Дмитриев, чуть отстав, зашел в кусты по известной надобности и вдруг услышал растерянный голос поэта: «Вот бреду я вдоль большой дороги в тихом свете гаснущего дня. Тяжело мне, замирают ноги, друг мой милый, видишь ли ме-

ня?» Вот в каких обстоятельствах иной раз рождаются творения, которые впоследствии заслуженно входят в золотой фонд поэзии российской.

Возможно, будущему литературоведу окажется интересен мемуарный цикл «Литературные встречи» (помню, как Ремонт, скромняга, переминаясь с ноги на ногу, робко попросил — и получил — разрешения написать этот цикл, как и некоторые другие, от моего имени).

Особняком стоит вопрос о стихах, искалеченных постсоветской цензурой. Гордый Ремонт выступал категорически против включения их в настоящий сборник. Мне едва удалось уговорить его передать мне свои старые рукописи, которые и воспроизводятся здесь, порою — с цензурными поправками и восстановленным исходным текстом, что дает читателю возможность лишний раз вспомнить о свинцовых мерзостях большевистского режима, беспощадно душившего всякое проявление свободной мысли.

Я рад возможности представить читателям итоги сорокалетнего творческого пути этого даровитого самородка.

Бахыт Кенжеев

РАННИЕ
ОПЫТЫ
1969-1980

ТРИ ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ

из стенной газеты
ДЭЗа № 10 Тушинского района

I

Как мечту бы воплотить мне в жизнь?
Помоги, любимое ЦК!
Не возьмем подонков в коммунизм,
Пусть и не свершившийся пока!

В коммунизм навеки я поверил.
Он на свете самый добрый строй.
Подлецов оставить бы за дверью
В коммунизм — так думаю порой.

Счастье жизни — в верности идее.
Не в безделье счастье, а в борьбе.
Друг мой! Вижу суть твою в звезде я,
Что с рожденья светится в тебе.

Мы для той звезды живем на свете,
Покоряем космос и тайгу.
Коммунизм познают наши дети.
Мы живем на светлом берегу.

Прощелыги мира капитала!
Не понять вам трепетной мечты!
Не понять вам чистоты кристалла,
Коммунизма юной красоты!

II

Хочу рассказать, как всем сионистским мордам
 Был недавно решительный дан отпор.
 Как Леонид Ильич встречался с президентом Фордом
 И имел с ним долгий продолжительный разговор.
 Они. Встречались. В районе Владивостока.
 Леонид Ильич, Форд и другие официальные лица.
 И сумели быстро и с толком
 О многих важных материях договориться.
 Скоро состоится подписание договора.
 В переговорах достигнут существенный прогресс.
 Весь мир теперь уважает без спора
 Миролюбивую политику КПСС.
 Пускай сионисты, собаки, воют
 На наши идеалы, как на луну!
 Меня, если честно, от ихнего вою
 Разве что тянет ко сну.
 Но я не сплю! Ничего мне не снится!
 Я твердо знаю один непреложный факт:
 Не позволим изменникам эмигрировать за границу,
 Но будем поощрять культурный контакт!

Хочу коснуться вопроса о так называемых литераторах,
 Вроде Солженицына, известного всем,
 А если точнее — о гадах и плагиаторах,
 Спекулирующих на поднятии антисоветских тем.
 Их «успех», раздутый и безусловно временный,
 Все-таки вызывает у меня печаль,
 Потому что получает Нобелевскую премию
 Всякая антисоветская шваль.
 Ведь данная премия — вроде награды

За прогрессивные книги, полезные мне и вам!
 А такой «успех» — вроде Герострата,
 Который, как известно, поджег один древнегреческий храм!
 Писания Солженицына и ему подобных
 Только разжигают мировую войну.
 Поэтому они чрезвычайно удобны
 Всем клеветущим на нашу страну.
 Я посадил бы Солженицына в клетку.
 Но наша партия мудрей, чем я.
 И вот мы безмятежно продолжаем пятилетку,
 А этого буржуазного наймита выслали к чертовой матери!

1969—1974

* * *

«Ах, корнет, я люблю цветы и стихи,
но уйти не могу от тоски.
Все мне чудится — Богом за наши грехи
Нам ниспосланы большевики.
Вот вальсирую с вами, а в сердце тоска
Переходит в обиду и страх —
Все мне чудится злое лицо мужика,
Что над нами встает в небесах!»

«Ах, когда победит большевик, *ma belle*,
то в России не станет тогда
ни балов, ни церквей, ни богатых земель,
ни смирения, ни стыда!
Оттого-то, *ma belle*, пока Гавриил
Не сыграет последний сбор,
Надо бить мужичье из последних сил,
И рубить, и стрелять в упор!»

И мелодия смолкла. И в тот же миг
В веселящийся светлый зал
Леденящей походкой вступил большевик
И негромко, но внятно сказал:
«Веселись, веселись, загнивающий класс!
На тебя мы управу найдем!
Ты силен угнетеньем трудящихся масс
и чужим подневольным трудом!»

«Кровопийцы! Мучители наших детей!
Отниматели жизненных благ!»
И заплакали дамы, а старый лакей
Опрокинул господский коньяк.
Но раскатистый гром с возмущенных небес
Продолжать повелел торжество!
Большевик же усатый бесследно исчез,
Будто не было вовсе его.

БЛАГОДАРНОЕ ПОСЛАНИЕ
академику Игорю Шафаревичу,
раскрывшему тайну так называемого
«малого народа» и вреда,
приносимого им России и иным странам

Князь Игорь! Новый наш Мессия!
Спустился на манер орла,
И благодарная Россия
Свои расправила крыла!

У ней особенное знамя
И уникальная стезя!
Ей с вероломными жидами
Водить компанию нельзя!

Спасибо, мудрый академик!
Теперь мне ясно, наконец,
Что у еврейцев куча денег,
Но нет ни чести, ни сердец!

Долой трактирного Иуду,
пусть катит в свой чесночный рай,
а наша Родина повсюду
развесит надпись «Юден-фрай»!

1980

ПАТРИОТИ- ЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И ОДЫ 1991

ОДА

на падение большевистского режима,
восхваляющая президента России
г-на Б. Н. Ельцина и составляющая подражание
известной оде Александра Сопровского
«На взятие Сент-Джорджеса»

И се! марксизма пал оплот!
А. Сопровский

Восславим доблесть и свободу!
Я кровью сердца говорю,
когда в слезах слагаю оду
уральскому богатырю!

С него страна не сводит взоров,
и мир им очарован весь!
Ужель из гроба встал Суворов?
Или Кутузов снова здесь?

Нет, не стяжатель старой славы!
иных времен передовик
для процветания державы
бесстрашно встал на броневик.

Не испугавшись негодяев,
за ним восстала вся страна,
коварный посрамлен Янаев,
и Русь святая спасена.

И се, Тавриды скорбный пленник
вновь у кормила корабля,
и схвачен за руку изменник
в палатах древнего Кремля.

Ликуй же, росс! Твоя отчизна
освободилась от оков,
кошмарный призрак коммунизма
нас устранил — и был таков.

Кто от народа глаз не прячет?
Кто непреклонный демократ?
Кого страшится аппаратчик
и большевистский казнокрад?

Трехцветное вздымая знамя,
ты гордо, честно правишь нами,
вовек героем русским будь,
гроза врагу, утеха другу,
Борис! булатную кольчугу
надев на пламенную грудь.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Тимуру Кибирову, возражающее
против выноса мертвого тела г-на В. И. Ленина
из ордена Ленина мавзолея Ленина имени Ленина

Тимур! Ты помнишь роковые
часы, когда под вьюги свист
скончался лучший сын России
и самый честный коммунист?
С каким отчаяньем во взорах
рыдали жены всей земли,
когда в Москву его из Горок
на скорбном поезде везли!

О, как решительно и смело
мы поклялись в тот черный час,
что Ленина святое тело
отчизна тленью не отдаст!
Шли дни, гремели юбилеи,
коварный враг нам жить мешал,
а вождь в гранитном Мавзолее
покой торжественный вкушал.

Как символ нашей главной цели,
лежал в гробу хрустальном он,
и в сладком трепете доселе
к нему приходят на поклон.
Ужель, подобно скифам диким,
мы надругаемся над ним,
таким таинственным, великим,
одушевленным и родным!

Отнюдь! Идейным погорельцам
не обратить отчизну вспять!
Ужель пустое имя «Ельцин»
в восторге рабском повторять?
В чреде грядущих поколений
мы не забудем никогда,
что нам сияет имя «Ленин»,
как путеводная звезда!

**КРАТКОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ,
бичующее мэра г. Санкт-Петербурга
г-на Собчака и ставящее ему в пример
настоящего российского героя**

Россия! Дева молодая!
Ты настрадалась от ЧК
и днешь дрожишь, изнемогая
под тяжкой дланью Собчака.

Собчак! С величественной одой
к твоим стопам не припаду!
Ты святой град Петра распродал
голландцу, немцу и жиду!

Где честь российская, где слава,
Собчак, коснеющий во зле?
Но есть на дерзкого управа,
и есть возмездье на земле!

Не зря со всех телевизоров
вечерней мрачною порой
глядит бестрепетный Невзоров,
как богоизбранный герой.

Отрада и надежда наша!
Зри, восхищенный Петроград, —
что две звезды в небесной чаше,
глаза суровые горят.

Рази, воитель! Правды солнце
да иссушает на корню

спесь возмнившего чухонца
и либерала болтовню!

Вот он — в скрещенье телекамер,
дыша лишь праведным одним,
встает — и город славный замер,
готовый следовать за ним!

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Петру Образцову, защитнику Белого дома,
по поводу его неуместной гуманности
к членам ГКЧП

Мой Петр! Не ты ли в поле брани
разил путчистов наповал?
Не ты ль в московской зябкой рани
трехцветный вымпел целовал?
Почто ж на родине свободной,
где мы справляем торжество,
неумолимый глас народный
не тронул слуха твоего?

Когда троцкисты нам вредили —
вовек мне это не забыть! —
мосты взрывали, хлеб гноили,
пытались Сталина убить —
от Украины до Сибири
восстал колхозник и рыбак,
восстал чекист — и истребили
проклятых бешеных собак!

Полвека с лишним миновало.
Но не убавилось врагов!
И се, лакеи капитала —
Янаев, Павлов и Крючков —
уже клянутся темным силам
сгубить Россию, нашу мать,
предать Бориса с Михаилом
и тело Ленина продать!

Мой Петр! Отчизны подвиг чистый
весь мир запомнит навсегда!
Богопротивные путчисты
ждут справедливого суда.
Ты хочешь следовать закону?
В СССР гуманен он,
но для убийцы, для шпиона
какой же может быть закон?

Нет места им под русским солнцем!
Не осквернить им Мавзолей!
Не отдадим Курил японцам,
не отдадим родных полей
помещикам! Урок свободы
вовек не должно забывать.
Мой Петр! Ты слышишь глас народа,
единый возглас: расстрелять!

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Сергею Гандлевскому, содержащее
краткие инструкции по сочинению литературы
в период после падения коммунизма

Сергей! Поэмами своими
порядочный составив том,
давно, мой друг, обрел ты имя,
и знаменитое притом.
Но, певший Лесбию и Мавру,
Лилет созвездье и Марин,
льзя ль почивать на этих лаврах?
Очнись, российский гражданин!
Нужны ли страждущей эпохе
и героической стране
твои лирические вздохи
и поцелуи при луне?

В восторге небывалых сдвигов,
один среди ночных ветвей,
о фермах распевает Пригов,
России верный соловей.
А что Кибиров? Оком влажным
глядит, возвышенный творец,
и вдохновенно, и протяжно
под стук восторженных сердец
поет, что сбросила оковы
отчизна, что на ней уж нет
цепей! И даже у Цветкова
о том имеется сонет.

Один лишь ты, Сергей угрюмый,
упрямым духом не воспрял,

далек лирическою думой
от хитроумных хуторян.
Поэт! не хватит ли по пьянкам
шататься с язвою в груди?
Для Агрохима с Кредобанком
хореи звучные найди!
Не спорю я — презренно злато.
Но разве лирнику к лицу
отвергнуть милость Мецената
благословенному певцу?

Немало в жизни есть курьезов,
стрекоз средь луговой травы.
Но нерентабельность колхозов,
но независимость мордвы
куда чудесней, друг мой милый!
Отечества достойный сын
не тот, кто с миною унылой
заходит в винный магазин,
не тот, кто грезит об альковных
страстях! Хозяйственника дар
прекрасней, чем Егор Гайдар,
пленительней утех любовных.

ЭКОНОМИ- ЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ, БАЛЛАДЫ И СТАНСЫ 1993–1994

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
подруге детства Любочке
по поводу ее поступления
на службу в представительство
иностранной фирмы в Москве**

Помнишь юность? Помнишь крысу*
и осенние цветы?
Ты хотела стать актрисой,
ты лелеяла мечты.
Но отмечу (это между
нами) — вовсе не во зло
эти детские надежды
море жизни унесло!

Любка! С каждым годом старше
мы становимся, и вот
кто уходит в секретарши,
кто на сормовский завод.
Ведь не каждый — академик.
И не всякому дано
получать миллионы денег
на сметану и вино.

И не даром средь народа,
что живет уж не по лжи,**
началась большая мода
на заморский образ жи.
Подражая Кэт и Ирме,
что фигуру берегут,

* Поставлено отчасти для рифмы, но также и как символ мерзостей большевистского режима.

** См. труды лауреата Нобелевской премии А. И. Солженицына.

ты работаешь на фирме.
Разве это не зер гут?

Разве дурно, всем на зависть,
поработать головой
и в «Макдональдсе» оставить
честный доллар трудовой?
Разве новые колготки —
грех? И чем мешает нам
на обед сто граммов водки
или даже двести грамм?

Любка! Данною запиской
прямо я тебе скажу:
хватит быть идеалисткой.
Ныне ясно и ежу:
коммунистов свергнуть мало.
Будь ты Цезарь или Брут,
для победы капитала
нужен труд и только труд!

Не скучай же на работе!
Не бездельничай, как встарь!
Ныне всякий труд в почете,
ныне каждый секретарь,
манекенщица и рокер,
массажистка и банкир,
и буфетчица, и брокер,
и газетчик, и вампир —

все кружатся в дивном танце,
богатея иногда!
Всех ведут американцы
в мир свободного труда!

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Тимуру Кибирову в связи с его сетованиями
на бедность и невозможность продать
плоды своей музыки в условиях рынка
(писано от лица того же Б. Кенжеева)

Фантазия кипит в любой твоей поэме,
талантливый Тимур, но знаешь, в наше время,
особенно когда младенец и жена,
другая, ангел мой, фантазия нужна,
и хватка, друг-поэт, потребна нам другая.
Уже двенадцать лет я тихо постигаю
на тучном Западе (порой не без слезы)
изобретательности трудные азы.

Не станет зайцем волк, и буйвол — стройной ламой.
Солидный капитал ни модною рекламой
не заработаешь, ни шлагером, увы.
В тугих бумажниках у жителей Москвы
немало разных штук, включая пять и десять,
ты волен рынок сей исследовать и взвесить,
но лирой трепетной богатства не ищи:
читатели твои, как и ты сам, нищи.

Не любы им клише, им дай чего повыше —
и все же им слабо пробиться в нувориши,
а для других, Тимур, скажу, зелена мать,
ты, право же, и сам не станешь сочинять.
пускай ты архаист, а Кекова — новатор,
Пусть по уши влюблен в свой благородный труд,
Россией правят волк, гиена, аллигатор,
и за стихи, ей-ей, полушки не дадут.

Засим, мой добрый друг, похерь свою гордыню!
Ведь деньги — это все. Они пленяют нас,
приобрести на них ты можешь дочке — дыню,
а для жены — шампанское и ананас.
Чем всуе рассуждать о девстве музыки милой,
пой небо звездное, от музыки дрожи,
друзей не обижай и сердца не насилуй —
но днем, советую, хоть где-нибудь служи.

Уже не в том вопрос, чтобы косить на зоне.
Не тронут, не убьют — мы больше не нужны.
В Израиле теперь, в Берлине, в Аризоне
российских бедных муз упрямые сыны
и дочери, хотя и вкалывают люто,
но «Абсолют» глушат и гамбургер жуют,
чтоб привезти на Русь заморскую валюту,
создать зажиточность, порядок и уют.

И ты бы мог, Тимур. Душа твоя живая
ей-Богу, не помрет и в лес не убежит,
когда б за рубежом ты жил, преподавая
«Бруски», «Цемент», «Гулаг», Айтматова, Главлит.
Не бойся, что пойдет поденная работа
метафоре во вред — компьютер и «Тойота»,
японской мудрости прекрасные плоды,
вознаградят твои унылые труды.

Какой там Нахтигаль! покуда ждет подарка
от скорби мировой пустынная душа,
от Кушки до Курил народом правит марка
немецкая, и фунт, и доллар США.
Пока вздыхаешь ты, не ударяя палец
о палец, накопить изрядный капиталец
ты мог бы, мой Тимур, вложить его в КамАЗ
и за год без хлопот удвоить восемь раз.

С подобною деньгой ты бедности оковы
отбросил бы навек, купил свое Шильково
и на богемный быт навел бы марафет
не хуже, чем Толстой, Тургенев или Фет.
Покос, и полведра, и каши запах сытный,
опрятны мужики, и девки аппетитны,
и клевер так хорош, и барин знаменит —
вот счастье! вот права! любезный мой пиит.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

о молодом аудиторе

Спит Москва. В ресторанах погасли огни,
казино уж закрылись давно.
Лишь таксисты не спят да бандиты одни,
и горит над Тверскою окно.
Там под лампой зеленой, рабочий свой пот
утирая могучей рукой,
у компьютера верного ночь напролет
аудитор сидит молодой.

Позабыл аудитор, как время течет,
и покой позабыл, и семью.
Он шестнадцатый час изучает отчет,
за статьей проверяет статью.
Этот банк с подозрительным именем «Шанс» —
знаменит своей прибылью он,
отчего же его ежегодный баланс
с отрицательным сальдо сведен?

Побледнел над столицей месяца серп,
погрустнел аудитор Ильин,
он увидел, что вкладчики терпят ущерб,
что нарушен закон не один,
ибо систематически на дивиденд
основной уходил капитал,
и бессрочные ссуды под льготный процент
этот банк без залога давал.

Ночь бездонная, что ты так сердце томишь?
Он дискету бесстрашно берет,
и дрожит под рукою проворная мышь,
и крутится лихой дисковод.
Что ж, пиши заключение свое без прикрас,
твой компьютер бесстрастен и быстр,
пусть завтра издаст беспощадный приказ
всероссийских финансов министр!

Только чу — в тишине, на московской заре,
бродят доки в нечистых делах.
Кто там затормозил на безлюдном дворе,
уж не банковский ли «кадиллак»?
Кто по лестнице черной крадется наверх,
освещая фонариком тьму,
у кого в «дипломате» стальной револьвер
и десяток патронов к нему?

И пускай не боится Ильин никого,
незнаком аудитору страх —
грозен банка директор и двое его
заместителей в черных плащах!
Не спеши, аудитор, давать им ответ,
пожалей своих малых детей —
предлагают тебе неприметный пакет —
в нем пятьсот миллионов рублей.

Но в ответ на угрозы бесстрашно молчал
молодой аудитор Ильин,
и, увидев пакет, головой покачал
непреклонный Отечества сын.
И всего-то злодеям сказал: «Не страшусь
я пролить свою честную кровь!
Даже если погибну — великая Русь
из развалин поднимется вновь».

Он на кнопку нажал — и сигналу вослед
файл отправил министру на стол,
а коварный директор достал пистолет
и на цель хладнокровно навел...
Ускользали убийцы рассветной порой,
уносился во тьме «кадиллак» —
так погиб за идею наш юный герой...
Лучше денежку взял бы, чужак.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

о путях разумного вложения капитала,
адресованное петербургскому поэту
Виталию Дмитриеву

Ищут пожарные, ищет милиция,
ищут давно и не могут найти
самую выгодную инвестицию,
чтоб от инфляции средства спасти,
чтобы детишки от радости прыгали,
чтобы жена покупала манто,
жаль, что в России надежные прибыли
не получает почти что никто.

Трудно утешиться вкладами срочными —
низок процент, и ликвидности нет.
Не операциями же челночными
свой капитал умножает поэт!
Хлопотно это, а главное — мафия.
Рэкет, налоги — неважный расклад.
Фирме твоей сочинят эпитафию,
да и тебя хорошо угостят.

А колебания курса! У Миллера
в «Тропике Рака», в четвертой главе,
помнишь страданья валютного дилера?
Что бы он делал сегодня в Москве!
Если он нервничал так за границей,
здесь бы пустил себе пулю в висок.
Риск при открытой валютной позиции
в бедной России ужасно высок.

Что же до приватизации — в сущности,
дело хорошее. Только беда —
у бюрократов из Госкомимущества
нету ни совести, друг, ни стыда.
Было в России имущество дивное,
фабрики, шахты, трамваи, земля —
где оно? Всё партократы противные
выкупили спекуляции для.

Некуда честному деться инвестору!
Я понимаю такое кино.
Страшно финансы отдать неизвестному —
он разорится, и ты заодно.
Все же совет тебе дам успокоиться.
Будь хладнокровен, в дешевый азарт
не ударяйся — и быстро удвоится
или утроится твой миллиард.

Вспомни Петренко — давно ли он завучем
был на Васильевском и за душой
только имел, что потрепанный ваучер
да в Петергофе завод небольшой?
Рано он понял, продав свои акции,
фондовый определяя портфель,
тайную прелесть диверсификации,
высших финансов великую цель.

В этом портфельчике, ваше сиятельство,
все, чтоб железно уже не пропасть —
и краткосрочные там обязательства,
и долгосрочных разумная часть.
И опционы, и фунты, и фьючерсы,
даже купон и туркменский манат —
чем же ты хуже? ты тоже научишься,
будешь спокоен, не только богат.

Если же слезы покатятся — вытри их.
Много на свете житейских невзгод.
Но не один ты, товарищ мой Дмитриев,
вместе с тобою российский народ
вынесет все — и широкую, ясную
грудью дорогу проложит себе.
Жаль только, жить в эту пору прекрасную
уж не придется ни мне, ни тебе.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

о денежной реформе 24 июля 1993 года

Стоял июль. Уж на ветвях
плоды румянились земные,
рожь колосилась, и впотьмах
пел соловей в садах России.
Дождь утомленные леса
ласкал. Губительное жало
вонзала в бабочку оса,
но с каждым часом дорожала

жизнь, и любой крестьянин знал,
и знала каждая девица,
кто в эти годы обитал
под главной площадью столицы,
где раньше Ленин лишь имел
прописку, ныне злобный, скверный
дракон инфляции шипел
в своей обители пещерной.

Немало воинов ЦБ,
трехцветное сжимая знамя,
навек изнемогло в борьбе
с его змеиными зубами.
Вотще, вотще сей ратный труд!
Дракон, как прежде, пух от злости,
и только вороны клюют
их обесславленные кости.

А ночью, только лишь пробьет
двенадцать над Москвою древней,
приводят твари то завод,
то перспективную деревню.
Уволочет в подземный ад —
и только шлепанье по грязи
да ясно слышно, как трещат
в ночи хозяйственные связи!

Один Геращенко (ура!)
не даст трехглавому прокорма,
над ним витает тень Петра
и призрак павловской реформы.
Не зря он Ельцину грозил!
Дрожи, Борис — и непреклонный
герой садится в черный «ЗиЛ» —
сжимая меч заговоренный.

На площадь выезжает он —
а там народ — покорный, хмурый, —
и разевает пасть дракон,
и с ликом ленинским купюры
летят — по двести, по пятьсот, —
и дорожает хлеб и мясо,
и, словно на дрожжах, растет
в России денежная масса!

И гневно Виктор сжал копье!
Бьет тварь по морде ненасытной,
молотит по носу ее
во имя денежно-кредитной
политики, чтоб исключить
необеспеченные средства
из обращения — и забыть
Гайдара жалкого наследство!

Восходит солнце над страной.
С каким великолепным хрустом
купюры топчет конь стальной,
а меч их в мелкую капусту
крошит! Тварь сдохла. Деньги — в прах.
Не нам учиться у Европы!
Пусть постоят в очередях
менять гроши свои, холопы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

Светлане Кековой в связи
с повышением курса рубля
на Московской валютной бирже

Когда в Саратов и Тамбов
на рынки разом, как зараза,
нагрянут с кучею мешков
пришельцы с дикого Кавказа
и, продавая виноград,
халву и прочие предметы,
в порядке сдачи норовят
неведомые дать монеты —

не верь им, нежный мой поэт.
Товар — бери, но рубль российский
не унижай, на белый свет
с улыбкой глядя олимпийской.
Ты понимаешь все сама.
Ты так любила рыб когда-то,
но, глядя милого сома,
чурайся сома и маната.

Немало видел я таких
за годы юности беспечной,
но конвертируемость их
невелика, мой друг сердечный.
И много лет пройдет, как сон,
пока в Париже без вопросов
за камамбер возьмет гарсон
купоны дерзких малороссов.

Еще, цена твой тонкий дар,
тебе, кротчайшая волжанка,
с трехцветным флагом гонорар
в окне коммерческого банка
дадут — но спрячь его в чулок.
Что б там ни пела заграница,
настанет день, настанет срок —
и курс рубля учтетверится.

.....

Когда страна своих детей
вознаграждала по делам бы,
я б продал в выпуск новостей
свои хозяйственные ямбы.
Но совершенства в мире нет,
дай хоть тебя, по крайней мере,
мой романтический поэт,
наставить в современной вере.

Ты пишешь жаркие стихи,
твой взор бесхитростен и робок.
Не говори мне, что сухи
столбцы последних котировок.
Нет, видит в них душевный взгляд:
сражаются быки и тигры,
и, как в трагедии, кипят
сердец возвышенные игры!

Блажен, кто посетил сей мир,
когда Россией правит рынок!
Он призван если не на пир,
то на смертельный поединок.
Не затопчи его ростков,
войди под своды жизни новой,
где окликает Хлестаков
тень благородного Ноздрева.

АЛФАВИТ. СТИХИ ДЛЯ НОВЫХ РУССКИХ ДЕТЕЙ 1996

АККРЕДИТИВ

Не зря детишки просят маму
купить заморский шоколад
и сладкой парочки рекламу
заместо Тютчева твердят.
Но есть гораздо слаще пара!
В ней — избавленье от тревог,
и обещание навара,
и верной выручки залог.
Аккредитив и предоплата
нам часто снятся поутру.
Мы любим первого, как брата,
вторую любим, как сестру.
Их тайна, детки, выше неба,
сытней, чем хлебный каравай:
всегда их от партнеров требуй,
но сам — ни в жизни не давай!

БАНК

Хранят сбереженья в коммерческом банке
полковник, певец, агроном,
поскольку боятся держать их в жестянке
и даже в чулке шерстяном.

Действительно, нет справедливости в мире!
В носке ли, в коробке, в уютной квартире,
в любом из надежнейших мест
все деньги инфляция съест.
А банк — итальянцы зовут его «лавкой» —
полгода пройдет, или год, —
вернет твои деньги с солидной добавкой,
а может, совсем не вернет.
Но не унывай! Если банк разорится,
банкир устремится в полет
и каждому вкладчику из-за границы
открытку бесплатную с видами Ниццы
с горячим приветом пришлет!

Валюта

Отчего Анюта плакса?
Почему печально ей?
Нет у Анечки ни бакса,
только множество рублей.
Аня! Ангел мой бесценный!
Аметист моей души!
Как проснешься, непременно
в пункт обменный поспеши.
Пусть горят огни салюта
над столицей моей —
в жизни главное — валюта,
и чем больше, тем главней.

Взятка

Взятка, детишки, ужасное слово —
люди порою — ну что тут такого? —

то из симпатии, то за услугу
суммы различные дарят друг другу.
Как замечательно — верьте, не верьте —
чтоб над проблемой своей не рыдать,
скромные денежки в белом конверте
нужному дяденьке вовремя дать!
Взял, посчитал, улыбается тихо,
подпись поставил — и радуюсь я.
Дядя таможенник, тетя врачаха —
все мы живем как большая семья,
все подаем заявления и просьбы,
но без подарка любой бы угас!
Вряд ли и мне, например, удалось бы
этот стишок напечатать для вас.

Дума

Государственную Думу
посетил однажды я.
Обнаружил много шума,
беспорядка и вранья.
Кривы, хромы и горбаты,
надрывая голоса,
там гуляют депутаты,
рвут друг другу волосы.
Речи жаркие читают,
письма длинные строчат,
а когда им кость бросают —
веселятся и урчат,
бьют копытом, то калмыкам,
то Америке грозя...
Ах, в разброде Дума диком,
но закрыть ее нельзя!

Эта грустная картина —
деткам вдумчивым урок,
демократии витрина,
завтра светлого залог!

Киллер

Всем полезен добрый киллер,
наш российский Робин Гуд.
Если вам не уплатили —
дядя киллер тут как тут.
Он встает во мраке ночи,
тяжела его рука,
без усилия замочит
он любого должника.
Если грустно отчего-то —
позвони ему, народ!
Быстро сделает работу,
денег много не возьмет.

Мерседес

Завидуй русскому, Европа!
В стране лесов, в стране чудес
с утра садится дядя Степа
в бронированный «мерседес».
Такому дяде в руки лом бы —
но даже лома не держа,
не убоится он ни бомбы,
ни автомата, ни ножа.
Всегда осанист, горд и важен,
он ни пред кем не тормозил,

а если пешехода, скажем,
задавит дивный лимузин —
как будут родственники рады!
Щедр дядя Степа и умен —
без слов по высшему разряду
оплатит похороны он!

Налог

Допустим, Петя продал шерсть
Алене, с выручкой на шесть
роллс-ройсов — верно, в миллионах
купается? Как бы не так!
Один лимон он взял, простак,
причем деревянных, не зеленых.

Неужто рэкет, злобный вор,
наставив автомат в упор,
ограбил Петю? Нет, ребята.
А в чем же дело? Петя — лох.
Исправно платит он налог,
и не бывать ему богатым.

Налог на прибыль, НДС,
налог на воздух, землю, лес,
налог акцизный и дорожный,
раскрыв широко жадный рот,
казна несытая берет
по ставке самой невозможной.

Но настоящий бизнесмен —
не то что Петя. Буюн, смел,
как дорожит он баксом каждым!
И вот урок тебе, сынок:

мы все должны платить налог,
за исключением умных граждан.

Поля

У Поли работа, простите, не шутка.
Высокими чувствами девичья грудь
полна, чтобы Майкл, Мишель, и Мишутка
культурно сумели бы с ней отдохнуть.
Ах, Полечка-Поля! Ну просто святая!
Гостей угощает она пирогом,
играет на арфе, поэмы читает
и галстуки гладит большим утюгом.
Любой о такой бы загрезил невесте.
Она благородна, любезна она,
ей платят немного — кто триста, кто двести
зеленых, — но Поля, хотя и скромна,
проста и прекрасна, как утка в полете!
Недаром в Москве, в Барнауле, везде
мечтают девчонки об этой работе,
об этом веселом и добром труде!

Спид

«Если дядя с дядей спит,
то у дяди будет СПИД».
Этой мудрости народной
доверяйте не всегда:
от других причин свободно
СПИД приходит иногда.
Например, ширясь крэком
и иглу не кипятя,

ты погибшим человеком
станешь, бедное дитя!
Доставая шприц-дозатор
на тусовке иль в такси,
небольшой стерилизатор
в рюкзаке своем носи —
и среди друзей веселых
отдыхая, всякий раз
не забудь иметь иголок
одноразовых запас —
и тогда с любым уколом
под сияньем снежных звезд
сможешь добрым промедолом
оттянуться в полный рост!

БАЛЛАДА ОБ УЧАСТКОВОМ ВРАЧЕ

Дядя Вася был когда-то
в поликлинике врачом,
очень скудную зарплату
получающим причем.
Он лечил сердца и почки,
воспаленье рук и ног,
только сникерса для дочки
никогда купить не мог.
Не сумев снести такого —
ведь супруг он и отец, —
долго думал участковый
и придумал наконец.
В ходе умственных усилий
вдруг себя ударив в лоб,
мигом выбросил Василий
свой халат и стетоскоп.

По огромному секрету
от дочурки и жены
закурил он сигарету
и прожег себе штаны,
на пиджак пролил варенье,
майку месяц не менял
и болячку акварелью
на щеке нарисовал.
Рано утром кофе пьет он,
на семейство не ворча.
Что за чудная работа
у вчерашнего врача!
Где жена его отыщет
с бутербродом и ситро?
Дядя Вася — главный нищий
в переходе у метро.
И в своем автомобиле
едет ужинать в «Савой»
предприимчивый Василий,
врач со светлой головой!

ФЕРРАРИ

Два мальчика жили: Алеша и Даня.
Алеша отличником был,
а Даня не делал домашних заданий
и книжек читать не любил.

Алеша и Даня закончили школу.
Алеша пошел на мехмат,
а Даня в ларьке продавал кока-колу,
шампанское и мармелад.

И стал наш Алешка научным светилом!
Теперь он завлаб и доцент.
А Даня торгует селедкой и мылом,
со сделок имея процент.

И если хотите успеха, мальчишки
и девочки, мой вам совет:
оставьте в покое ученые книжки,
зачем вам Некрасов и Фет?

Не буду я, детки, читать вам морали
и мучить вас длинным стишком,
но Даня домой приезжает в «фerrари»,
а Леша приходит пешком.

БАСНИ
И
ПРИТЧИ
1993—1994

ГИЕНА И ШАКАЛ

На презентации однажды, за игристым,
гиена-демократ с шакалом-коммунистом,
бокалы побросав, ножи, тарелки, вилки,
разборку начали — ну бегать и визжать,
хвосты друг другу рвать,
так, что швейцар-медведь не смог сдержать ухмылки.
«В России из-за вас свободный дух зачах, —
гиена лает, — злу во благо
вы космос покоряли на костях
безвестных узников ГУЛАГа!»
«Но уважали нас! — визжит в ответ шакал. —
Врагам народа было плохо,
зато имелся Беломорканал
и вообще великая эпоха!»
Что ж! Поглядев на них, лев-бизнесмен
вдруг прорычал: «Я не люблю шакалов и гиен!»
Мигнул охраннику — и парочку лихую
немедля выгнали на улицу глухую,
и разбрелись они по норам, не поев
и даже не попив. И рассмеялся лев.

Мораль сей басни, друг, проста, как новый доллар.
В России молодой, где царствует триколор,
для процветания страны,
для накопленья капитала
гиены злобные и жадные шакалы
равно вредны.

ЕЖ И МОРЖ

Однажды еж-поэт, не вовсе без таланту,
явился с просьбою к Моржу,
удачливому коммерсанту.
Зачем? Да ясно и ежу!
«Известно, что поэзия есть дар
в святых мечтах земли, но честный гонорар
ужасно мал, — твердит поэт униженно и тихо, —
и нечем накормить ежонка и ежиху».
Ну и так далее. А в завершение речи
свой сборничек Моржу — на память-де о встрече —
протягивает наш голодный рифмоплет.
«Приятно, — Морж в ответ, — свиданье было с вами,
жаль, что и дни, и ночи напролет
я столь обременен делами,
все бизнес, бизнес... Некогда, ей-ей,
читать стишки романтиков-ежей.
Но вот записочка, — участливо поэту
он говорит, — заполните анкету,
наш кадровик Тюлень, пожалуй, будет рад
помочь писателю и, может, даже
возьмет вас сторожем на склад
колготок или трикотажа!»
Еж взял записочку, на иглы наколол
и прочь пошел.

Вы спросите: а где же тут мораль?
Ежа, друзья мои, конечно, жаль,
но призадумайся — при свете факта
трудяга-Морж мне симпатичней как-то.

КОТ-МАСОН

Однажды кот-масон увлекся русской кошкой,
очаровательною крошкой.
Черняв, самоуверен, фатоват,
в ботиночках то рыжих, то лиловых,
от Минсельхоза он держал подряд
на ввоз тайваньских мышеловок.
И вдруг: влюблен! Мурлычет серенады,
установившись на милое окно,
усердно ищет сладостной награды,
то в ресторан, то в казино
едва ль не каждый вечер водит Мурку,
забыла школу та и кошечек-подруг.
Ах, мурка-мурка, серенькая шкурка!
Что ни уикенд — стучится в дверь курьер-барсук.
Скупы масоны, но победы ради
подарками засыпал друг ее:
то воробья в шабли пришлет, то мышку в шоколаде,
то от Диора нижнее белье.
Но даже орхидей сжимаючи охапку,
красотку-Мурку мучит страх,
не зря из бабушки ее масоны сшили шапку,
а деда-старика сгноили в лагерях.
Вздыхает, чахнет Мурка-недотрога...
Но только ухажер за девичьей рукой
к отцу-коту явился — как с порога
тот выставил его! И молвил стих такой:
«Прочь! Не видать тебе красавицы-жены.
Масоны-внуки нам и даром не нужны».

Ну что добавить тут? Матерый, мудрый кот,
возможно, грубоват, но добрый патриот.

Страна у нас могучая, большая,
любой российский кот судьбе завидной рад,
служа отечеству, не требуя наград
и кровь сибирскую с масонской не мешая!

КОЗЕЛ, БАРАН И ДЕВА

(Поэтическая притча)

Природа — сфинкс. О, сколько в ней загадок,
как чудно в них теряется душа!
Возьми Козла — он почему-то гадок,
а Молодая Дева — хороша.
Не понимаю матери-природы!
У них обоих — уши, голова.
Одни жиры, белки и углеводы
истрачены на эти существа.
Или рассмотрим Горного Барана
(для нашей притчи это все равно),
убогого, которого охрана
на танцы не пускает и в кино.
Никто ему поэмы не читает,
не льет вина... А Деве ход везде!
Её братишки с сестрами ласкают,
приравнивая образом к звезде!
Как для нее свистит ночная птица!
Плеснет весло, запахнет резедой,
и Дева восхищенная гордится
своею дивной статью молодой.
И шепчет ей жених: «Клянусь Кораном!
Ты — слаще меда из эдемских сот!»
А наш Козел стоит баран бараном
и бородой обиженно трясет.

ПОЭТ И СЛЕСАРЬ

Басня

Один Поэт*, как водится, суровый,
и звуков, и смятенья полн,
бежал на берега пустынных волн,
в широкошумные дубровы.
Бежал Поэт, всевластен, словно кесарь,
велик своим трудом!
А между тем один знакомый Слесарь**
к нему явился в дом.
Он знал: пока душа хозяина из плена
сладчайшего не освобождена,
томится там прекрасная Елена,
поэта верная жена.
И вот, позор обоих полушарий,
он мадригалы ей поёт
и безобразный свой инструментарий
на страх несчастной достаёт!
А где мораль? Не зря звезда любви лучится,
не зря красotka шепчет «ах»!
Не зря Поэт, вернувшись, в дверь стучится
С винчестером в руках.***

* Ремонт Приборов.

** Друг Федя, см. выше.

*** Друг Федя, выведенный под именем Слесаря, отозвался на эту великолепную Басню жалкой попыткой оправдания:

Слесарю слесарево

Зачем поэт быстрее лани
Бежит волнений и желаний?
От пышных персей, чудо-попы
Он артритические стопы

ТАПИР И ШЕКСПИР

(Философическая басня)

Алексей Цветкову

В человеческом знании — тысячи дыр,
мы над тайнами мира не властны.
Вот, к примеру, не любит Шекспира Тапир,
а за что — совершенно неясно.
И когда зоосад посещает Тапир,
где содержится райская птица,
не подходит он к клетке, где кроткий Шекспир,
поздороваться или проститься.
К этой клетке широкая вьется тропа
там играет нетленная лира.
И, резвясь, шаловливых мальчишек толпа
апельсинами кормит Шекспира.
На главе его вечный лавровый венец,
только сердце отравлено ядом,
И спешащего мимо Тапира певец
проводит обиженным взглядом.
Пробудись, Достоевский! Под звоны рапир
разойдемся с преступного пира!
Справедлив ли тот мир, где безумный Тапир
оскорбляет простого Шекспира?

Зачем в изгнание стремится,
Он импотент? Фагот? Хермит?

Несчастный! не для жалких тварей
Елены дивных полушарий
Трепещет девственный изгиб.
Узрел их слесарь — и погиб...
Погиб сантехник, пусть! Но прежде
Он в ладной форменной одежде
К коленке счастья приник...
Стучись, палач! Стреляй, старик!

ДИРИЖАБЛЬ И АВТОМОБИЛЬ

Романтическая притча,
посвященная пожилому поэту Б. К.,
который жаловался автору
на недостаток внимания со стороны
прекрасной половины рода человеческого

Бывало, сжав в ладонях грабли и песню грустную свистя,
немолодого дирижабля, который плакал, как дитя,
я видел в небе... Странный случай (причем не выдумка, а был):
влюбился дирижабль летучий в прелестную автомобиль.

То лопотал он, то мяукал, сиял, светился, как опал,
урчал и лучших в мире кукол красоте милой покупал —
а я так огорчился, право, лакрымы горькие лия!
Ему — судьба, а ей — забава! Не констатировал ли я,

что, холодна, высокомерна, как кролик из страны чудес,
его страстей отвергла нервно сия девица Мерседес!
Доныне жаль мне дирижабля! Жальчей, чем самого себя!
Блестит обида, словно сабля, всю жизнь его перерубя.

У девы — жаркий карбюратор, и нежный руль, и колесо...
Для тех, кто лев и аллигатор, она готовая на все.
Учтя такие интерьеры, сообрази-ка, друг поэт:
На что ей сдался устарелый, пусть и летающий предмет?

ПОДРА- ЖАНИЯ КЛАС- СИКАМ

A black and white photograph of a cracked concrete surface, with several deep, irregular cracks running across the frame. The text is overlaid on the top left portion of this image.

ПОБЕЖДЕННЫМ УЧИТЕЛЯМ ОТ ПОБЕДИВШЕГО УЧЕНИКА

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю воблу* выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью,
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я смог свободу даровать!

* Вариант для друзей-однополчан: *бабу*.

ДВА ПОДРАЖАНИЯ ЛЕРМОНТОВУ

I

Белеет пенис* одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.
Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним волна светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

2. СТЕРЛЯДЬ

По морю полуночи стерлядь летел,
И тихую песню он пел,
И щуки, и нерпы, и кильки толпой
Внимали той песне святой.

* Вариант для дам — *фаллос*.

Он пел о блаженстве безгрешных угрей
На отмелях южных морей,
О Спруте великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Младую он жабу в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго в болоте томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков морских заменить не могли
Ей скучные песни земли.

ДВА ПОДРАЖАНИЯ БЛОКУ

1. ПЕССИМИСТИЧЕСКОЕ

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века,
Но не тверди: «Исхода нет!»

Умрешь — и хрен начнешь сначала.
Исчезнет все: и мокрый снег,
И ночь, и свет, и рябь канала,
И переулок, и аптек.

2. ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

День, улица, фонарь, аптека.
Осмысленный и яркий свет!
Прекрасна жизнь у человека,
Причин для грусти явно нет!

Пусть пессимиста доконала
Тоска! А я люблю, как встарь,
День, ледяную рябь канала,
Аптеку, улицу, фонарь.

ПОДРАЖАНИЕ ПАСТЕРНАКУ

Быть известным некрасиво.
Не вздымает это ввысь.
Заводить не след архива,
Над бумагами трястись.

Надо жить без самозванства,
Так, чтобы в конце концов
Привлекать любовь пространства,
Слышать будущего зов.

Пусть другой, допустим, гений
Сдаст экзамены на пять,
Но побед от поражений
Ты не должен отличать!

Будь Иваном, а не Колькой!
Надо все от жизни брать,
В смысле — быть живым, и только,
А отнюдь не умирать!

ПОДРАЖАНИЕ АХМАТОВОЙ

Так беспомощно грудь холодел,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надел
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знал — ведь их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой». —
И ответил я: «Милый, милый —
И я тоже умру с тобой!»

Это песня последней встречи.
Посмотрел я на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

ПОДРАЖАНИЕ МАЯКОВСКОМУ

НАЧАЛО ПОЭМЫ НА ДРЕВНЕРИМСКУЮ ТЕМУ

Время. Начинаю про Цезаря рассказ.
Но не потому, что горя нету более —
время потому, что резкая тоска
стала ясною осознанною болью.
Время, вновь гай-юлиевские лозунги развихрь!
Нам ли растекаться слезной лужею.
Цезарь и теперь живее всех живых —
наше знание, сила и оружие.
Я себя под Цезарем чищу,
чтобы плыть в империю дальше,
я боюсь этих строчек тыщи,
как мальчишкой боишься фальши.

Великий Цезарь, по жертвенникам дымным,
по землям, покрытым и просом, и жнивьем,
вашим священным сердцем и именем
думаем, дышим, боремся и живем!
День отшумел, как пчелиный улей.
Звезды горят угольками в золе.
Двое в комнате. Я и Гай Юлий —
мраморный бюст на дубовом столе.

НЕБОЛЬШИЕ
ТРАГЕДИИ
ИЗ ЦИКЛА
«СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА»
1993—1994

ПРАЗДНИК ПОБЕДИВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ 7 НОЯБРЯ 192* ГОДА

Действующие лица и исполнители:

Сталин, Тухачевский, Троцкий, Киров, Муравьев-Апостол

Киров:

Дух Ленина витает над морями.

Троцкий:

Дух Пушкина витает над водой.

Тухачевский:

Дух Мусоргского тоже вместе с нами,
вечнозеленый, страстный, молодой.

Сталин:

Я тоже молод, но зато могуч,
я выхожу без зонтика на Невский
и не смотрю на дождь и темных туч —
но все ж не надо лести, Тухачевский!
Лесть развращает, правда, Киров?

Киров:

Да.

Троцкий:

Не будем льстить друг другу, господа.
Сосредоточимся на лилиях познания,

подпольных шахтах, голубых квадратных
шарах предвечной мудрости солдатской.

Сталин:

За процветанье человеческой сметаны!
За вепря-ижицу, что в зимних облаках,
подобно Фаусту, играет и трепещет,
всем уцененным нациям Кавказа
провозглашая вольность и покой!

Тухачевский:

Что ты на это скажешь, добрый Троцкий,
любитель монастырской тишины,
воспитанный средь грохота сражений
за торжество вакхического дела?

Троцкий:

Дубовый бор в начале сентября
играет роль походного медпункта,
в котором средства от сибирской язвы:
звезда-полынь, капустаная любовь.
Так длинный бивень пленного слона
мы поднимаем в честь его владельца,
поют стрижи. Окончилась война.

Сталин:

Свободы вечной худенькое тельце!
Один, на холмах Грузии полночной,
в пяти шагах от площади Сенатской,
закутавшись в пастушескую трубку,
я обнимал икону и подшипник,
но апельсин есть мера всех вещей.

Киров:

Признаюсь ли: мне все-таки милей
девичий лик ночного горизонта,
изогнутого в третьем измерении
во имя чести, славы и добра.

Муравьев-Апостол:

Да сбросит символическую маску
отечество с верблюжьего лица,
сядая на боевую колесницу!

Тухачевский:

А я люблю уральский полустанок,
где бронепоезд дышит, словно лира,
готовый к леопардову прыжку.

Троцкий:

Друзья, неужто мы противоречим
не так давно ракетам и картечам,
которые выплевывал максим,
нацеленный в царевича торгсин?
Я подчеркну: витийствовать не нужно,
пью за метель, за сумрачную дружбу,
которая, как вобла из Орла,
нас к неизбывным подвигам вела!

Муравьев-Апостол:

Вы, ангелы, что явно воплотились
в могучий облик мудрых людей,
скажите мне, откуда бедный свет,
ответьте мне, куда богатый сумрак,
и я — клянусь — поверю с полуслова.

Сталин:

Когда Христос ученикам являлся,
Фома-апостол главный сомневался.
Вложив же пальцы в раны, словно рак,
немедленно уверовал. Вот так
и горло революции двугорбой:
берешь герань за уши, а она
цветет лазурно-алыми цветами,
подобно псу. Не так ли, Тухачевский?

Киров:

Когда мы брали Зимнего Дворца...

Троцкий:

Тек пот с красноармейского лица.

Тухачевский:

Хочу внести поправку и ремарку.
Я не наклею гербовую марку
на мемуары сослуживцев. В них
огромный гром приспичил и притих.
Скажи, Иосиф, неужели или
иного мы с тобой не заслужили?

Сталин:

Как утверждал еще товарищ Гоголь,
вдыхая красный параллелепипед,
велосипед — не роскошь для народа,
а средство утоления бытия.

Киров:

И я хочу!

Троцкий:

И я!

Тухачевский:

И я!

Муравьев-Апостол:

И я!

СОВЕЩАНИЕ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВНАРКОМЕ ИМЕНИ ГОССНАБА

Действующие лица и исполнители:

Пушкин, Федоров, Дзержинский, Мичурин, Циолковский

Пушкин:

В безвоздушном океане
без руля и ватерпаса
тихо плавают в тумане
звезд военные запасы,
а под ними, наг и беден,
человек, что бредит раем,
и послушен, и безвреден,
но в глубокий ад бросаем.
Вся в слезах его подушка,
нет в молитве облегченья...

Федоров:

Выпьем с горя! Где же кружка?
Сердцу будет развлечение.

Дзержинский:

Зря ты пишешь, друг мой Пушкин,
как упадочный писака,
о какой-то там подушке
среди старости и мрака.
В этом винном хмеле вязком
есть ловушка и коварство,

он родня поповским сказкам,
в смысле зла для государства.
Позабудем выть, как волки,
будем жить, как брат мой Авель,
что в ликующем поселке
гидростанцию поставил!

Федоров:

Чудный новый мир построив,
убеждаемся мы сами
в изобилии героев
с бородою и усами.

Мичурин:

Мы скрестить умеем кету
с большевистским помидором!

Циолковский:

Можем выпустить ракету
по космическим просторам!

Федоров:

Изготавливаем грабли.

Дзержинский:

Починаем дирижабли.

Мичурин:

Наши сестры — сабли востры.

Циолковский:

Нет, науки — наши сестры!

Пушкин:

Был наивен я, как детка,

и не знал, что вагонетка —
по-французски «байонетт»...

Дзержинский :
В чем же вывод?

Все (хором) :
Бога нет!

Федоров .
В волнах неба голубого
отразится пусть на главной
самой площади Тамбова
храм не слишком православный,
это будет дом приюта
для чувствительных друзей,
умозрительного братства,
дивной нежности музеев!
Будет кружка там и свечка,
будет конская уздечка,
и под куполом, как муза,
герб Советского Союза!

Пушкин (Мичурину) :
Ты прочтешь там цикл лекций
о премудрости селекций?

Мичурин (Пушкину) :
Ты приедешь на мопеде
с циклом маленьких трагедий?

Федоров :
В храм науки и искусства!

Циолковский :
В храм космического чувства!

Дзержинский :
Мы нашей вере сменим имя,
воскреснем, словно соловьи.
Но как же с храмами другими
нам быть, товарищи мои?

Федоров :
Закреть.

Мичурин :
Но как же быть с попами?
Никак ответа не найду.

Пушкин :
Привлечь их надо вместе с нами
к общепольному труду.
Поп, навредивший нам немало,
теперь, преодолевая грусть,
пусть строит арфы и каналы,
стихи читая наизусть!

Дзержинский :
Пускай на праздник Первомая
наденет сбрую, словно конь,
и кружит в танце, понимая
наш электрический огонь!
Путь перевоспитанья труден,
зато плоды его труда
достанутся рабочим людям...

Все (хором) :
А паразитам никогда!

СОВЕЩАНИЕ КОМИССИИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ ГЕРБА И ФЛАГА СССР

Действующие лица и исполнители:

Луначарский, Брюсов, Айвазовский, Бабель, Ленин

Луначарский :

Уходит в глубины селедка,
и месяц идет на ущерб.
Любая киргизская лодка
имеет свой собственный герб.
А наша страна молодая
плюет на родные гроба,
но горько рыдает, страдая
в связи с неимением герба.
Есть город в Италии — Пиза.
Есть слово священное — месть...

Айвазовский :

Взгляните на эти эскизы,
чтоб мнение о них приобрести.

**Луначарский (разглядывая эскизы,
разочарованно) :**

Здесь много колосьев, конечно,
шаров и миткалевых лент.
Но мне по душе бы сердечно
пришелся иной монумент.

Бабель :

Глотая небесную влагу,
чекист притаился в кустах.
Он предан советскому флагу
с Валгаллой на алых устах.
Он перед смертельной атакой
врага проникает насквозь.
Так волк, подружившись с собакой,
вгрызается в свежую кость.
А этот художник неловкий
не слишком большой большевик.

Брюсов :

Не знает он веса винтовки,
к тачанке совсем не привык.

Ленин (входит, берет эскизы) :

Любовь, друзья мои, слепа,
она поэту сердце гложет,
но простодушная толпа
его, как правило, не может!
Обиды ваши ни к чему.
Откуда у поэта чувство,
когда не выписан ему
паек рабочего искусства?
Немудрено, что он поет
не то средь фабрик и заводов,
когда ему недостает
белков, жиров и углеводов!

Бабель :

Таинственная штука — герб.
Но согласись со мною, Вова,
что в нем кривиться должен серп,
как знак крестьянства трудового.

Ле н и н :

Уже зарей горит восток,
забудь о мыслях неприличных,
рекомендую молоток,
как знак сознательных фабричных!

Луначарский :

И меч!

Ле н и н .

Зачем же? Вот чудак!
Утихомирены Карпаты,
на страже Лондона стоят
красноармейские солдаты,
мы победили, комиссар!
Статуя Маркса в каждом парке,
по буржуазным адресам
живут лакеи и кухарки.
Меч — это символ палача.
Засим не нужно нам меча.

Айвазовский :

Наивный, добрый Луначарский!
Тверда художника рука.
Превозмогая гугель царский,
он обойдется без пайка.
Покуда враг играет в нарды,
пока в буфете хлеба нет,
во всех углах моей мансарды
партийный вспыхивает свет.
Уже прокладывают кабель
от Уссурийска до Курил,
и в эту ночь товарищ Бабель
святую правду говорил,

но прав и ты, мой нежный Ленин!
Младенец, плачущий «уа»,
для новой жизни больше ценен,
чем самый злобный буржуа!

НОВЫЕ ОДЫ

ОДА на обострение грузинско-российских отношений

Кавказ подо мною — один в вышине.
Стою с автоматом на длинном ремне.
Парит подо мною могучий орел.
Куда только русский солдат не добрел!

О, сколь величав и прекрасен Кавказ!
Селился здесь тат, армянин и абхаз,
Трудился крестьянин, и рыскал злодей,
За выкуп ворующий мирных людей.

Здесь Терек струится, воркует Кура,
Вершины хребтов словно из серебра,
Здесь раненый Лермонтов падал на снег,
Чтоб нам покорился коварный абрек.

Россия! Отечество! Дикий Кавказ
Не создан ли Господом Богом для нас?
К Москве и народы его, и вожди
Прильнут, словно сын к материнской груди.

Развалины храмов, озер зеркала,
Над тихим Тифлисом вечерняя мгла,
Каспийские зори, живой виноград,
Армянские розы, сухумский гранат —

И все это наше! и думаю я:
Еще мы вернем вам свободу, друзья,
Чтоб жадный чучмек не сосал карамель
В долинах исконных российских земель.

ОДА

на утверждение законного президента России,
написанная по просьбе «Независимой газеты»

Пускай иной певец придворный
слагает стих свой рукотворный
и тень наводит на плетень.
А я пишу легко, культурно,
как будто в выборную урну
бросаю честный бюллетень.

Как помню я те дни июня!
Как от души тебя пою я!
и возражений не боюсь.
Сдержу ли слезы умиления,
когда тебе бразды правленья
вручает радостная Русь!

Где Жириновский? Где Зюганов,
велеречивый друг обманов?
Явлинский, вкрадчивый монах?
С тобой, Борис, борьбу затеяв,
они, как, впрочем, и Тулеев,
лежат, повергнутые в прах!

В пурпурной тоге демократа
входя в кремлевские палаты,
мой воин! вспомнишь ли о том,
что тьма грачевых, ковалевых,
гайдаров, злобных горбачевых
твоим рассеяна мечом!

Но, милосердно молвив: кайся! —
врагу, ты кроткого Чубайса
к кормилу властному призвал.
Друзей умеешь ты лелеять,
и се! парит над нами Лебедь,
непобедимый генерал.

О да, порой твой грозен норов!
Но дерзких, например, шахтеров
ты пожалел, как добрый дед.
Одной рукой стакан сжимаешь,
другую тост провозглашаешь,
славней тебя на свете нет!

Вождь умудренный, седовласый,
не ты ль Россию вместо кваса
заморским пивом одарил?
Тебя ль не славят каждый горец,
мой суверенный миротворец,
неизъяснимый гамадрил!

Конечно, коммунисты — падлы.
Но если все решают кадры,
я покорился бы судьбе,
когда бы главным стал умельцем
по части рифм, товарищ Ельцин!
чтоб помогать тебе в борьбе!

НА УТВЕРЖДЕНИЕ
В. В. Путина президентом России

Позади, мои родные,
буря, снег и дождь.
Появился у России
настоящий вождь.
Не корыстен, не распутен,
чудо-существо,
кто же он? Владимир Путин,
бывший наш и. о.!
Колосись, мой гладиолус,
выползай, мой факс!
За него я отдал голос!
Мудрый, как Аякс,
твердый, радостный и добрый
русский златоуст,
он с чеченской злою коброй,
ловкий наш мангуст,
вмиг расправился! Сулит он
новую весну,
симпатичным Айболитом
вылечит страну!
Всяк, кто беден и измучен,
радуйся судьбе,
расцветая под могучим
солнцем ФСБ!

НА ИЗБРАНИЕ
В. В. Путина на второй срок

Господин товарищ Путин!
Больше ты не резидент!
Ты русалка, а не трутень,
Наш законный президент!

Богатырь на поле брани,
Твой кулак нам не разжать!
Сами мы тебя избрали,
Сами будем обожать!

НА ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА
М. Б. ХОДОРКОВСКОМУ
(написано в соавторстве с В. В. Путиным)

Богата родина: лес-кругляк,
Маслянистой нефти река.
Полны до краев миллионы фляг
Меда и молока,
Стальной прокат, соболиный мех...
Не сказка больше, а быль —
Природный газ, кедровый орех,
Никель, уголь, горбыль.

Икрой китовую бутерброд
Намазывая, этот рай
Цени и люби, счастливый народ,
Лишь бдительности не теряй!
Легко любимый стяг целовать,
Хорошо кататься в метро,
Но сколько охотников разворовать
Священное наше добро!

Дай волю им — они увезут
В ЕС, где бомбят Белград,
И белый гриб, и черный мазут,
И пиво, и лимонад.
С особым цинизмом подлец продаст
Даже самый секретный танк
И, добычу спрятав в мешок, педераст,
Положит в швейцарский банк.

Но есть старинное слово: честь.
Справедливый данилкин суд.
Расхитителей ждет народная месть,
И доллары их не спасут.
И вот я слушаю приговор,
И светло, и радостно мне!
Потому что верно сказано: вор
Должен сидеть в тюрьме.

НА ПРОВОКАЦИОННЫЙ АРЕСТ

американскими властями одиннадцати российских
разведчиков по сфабрикованному обвинению
в шпионаже

Нету в Америке черной смородины,
нету сибирских котов.
Каждый советский разведчик за родину
с жизнью расстаться готов.
Каждое утро прекрасное заново
любим мы родину-мать...
Как тяжело от фашиста поганого
раннюю смерть принимать!

Муза, ну где ты? Скорее подсказывай!
Не повинуется стих.
Вот волокут вас до камеры газовой,
гордых, но полуживых.
Вот открываются вентили ржавые...
воздуха хоть бы чуть-чуть!
Люди отважные с честью и славою
в дальний отправились путь.

В ночь вашей казни опять над отечеством
ясное солнце взойдет.
Пьет за героев со всем человечеством
русский великий народ.
Богатыри! Пусть уходят в бессмертие
жаркие ваши сердца.
Вспомнят потомки про ваше усердие
и отомстят до конца!

НА УТВЕРЖДЕНИЕ

человеколюбивого закона об иностранных
усыновлениях и удочерениях

Русские детки, пушистые зверики,
как тяжело вам в проклятой америке,
всяк не одет, не обут.
Как колоски из снопа вы надерганы,
вас разрезают пиндосы на органы,
в детские попки ебут.

Кто вас угнал на чужбину? Вредители
или хапуги? Зачем же родители,
русские мать и отец,
вас продавали врагам на потеху? Я
думаю, их и расстреливать нехуя —
вешать, и делу конец.

Девочки наши на танцы намылятся,
будут газеты читать на кириллице —
сами их вырастим, да!
Эй, кровожадные отчимы-мачехи!
Хрен вам теперь, а не русские мальчики!
Выкусили, господа?

НА ПЕРЕЕЗД актера Депардье в Россию

может молвлю и не в тон,
но припомню грустно вдруг
жил во франции дантон
угнетенным первый друг

был он властью одержим
и влиятельным пока
гнусный путинский режим
не угробил чувака

всё ж душой и сердцем чист
хоть не ведал политес
породил он сын дантист
по фамилии дантес

а еще он добрый был
и расстроился б в связи
что сынок его убил
солнце русской poésie

но добавлю повторив
свою жалобу меж тем
очень жаль что в замке Иф
был с секьюрити проблем

коль не мерзкий русофоб
(застрелил и был таков)

сколько б пушкин в книжки сгрёб
замечательных стихов

но не плачь читатель мой
выпей чаю или квас
этой мягкой зимой
много пушкиных у нас

много песен льется с губ
звезды плещутся в бадье
никому не вырвет зуб
внук дантона — депардье

НОВЫЕ
ПОСЛАНИЯ
И

ПОУЧЕНИЯ

1993–1994

СТИХИ

воображаемым друзьям разных национальностей
в связи с их личными проблемами

1. ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ ЕРГЕН, СТРАДАЮЩИЙ ВЕСЕННЕЙ АЛЛЕРГИЕЙ

Летит с акации пыльца,
А на Ергене нет лица.
Как грустно, что тебе, Ерген,
Дышать мешает аллерген!

Ты бродишь грустно меж людьми,
Не рад цветению жасмина...
Не плачь, Ерген! Скорей прими
Таблетку антигистамина!

Пусть горд собой великоросс,
Чем он гордится — вот вопрос.
Сколь благородней ты, казах
С сияньем радостным в глазах!

2. ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ ЕВСЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИЙ В ГОРОДЕ КАЗАНИ

Зачем невесел ты, Евсей,
На празднике шахсей-вахсей?
Один, без женщины и друга,
Глядишь в трагическую высь...
Тебя терзает похмелюга?
Так выпей водки и проснись!

Она соблазн, она обман
Для правоверных мусульман,
Но вспомни, друг, ведь ты кафир,
И хоть родился под Казанью,
Ты не обязан пить кефир
И подвергаться обрезанью!
Ну а не водки, так сливянки!
Пей, друг! С тобою вся страна,
О славянин и сын славянки,
Внук Велеса и Перуна!

3. ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ ЯКОВ, СТРАДАЮЩИЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Удел глупцов повсюду одинаков:
Они глупы!
Вот так и ты, болезный друг мой Яков,
Среди толпы
Шатаешься, теряя бодрость духа,
Как сирота,
И ложку не спеша подносишь к уху
Заместо рта.
Когда б ты был парнишкой даровитым,
Ученым был,
Саксофонистом, маклером, пиитом...
А ты — дебил!
Но выход есть. Проснувшись утром шумным,
Учись скорей!
Читай, зубри — и станешь умным-умным,
Ведь ты еврей.
Пусть никогда не кушать сала Моне
В Кипур и Йом.
Не забывай, дружок, о Соломоне,
Царе своём!

Пришла весна, снежок чернеет талый.
Зиме — конец.
Он, как и ты, был умственно отсталый.
А стал — мудрец!

4. ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ АРИСТИД, СОВЕРШИВШИЙ КАКОЙ-НИБУДЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНО НЕХОРОШИЙ ПОСТУПОК

Аристид мой, Аристид!
Что ты сделал! Что за стыд!
Отвечает Аристид,
Что Зевес его простит.

Я же, молча выпив чаю,
Негодяю отвечаю:

Ты, Аристид, не чурка.
Не подражай абреку!
Что хорошо для турка —
Немыслимо для грека!

Ты знал еще ребенком,
Что пакостить не надо.
Как может быть подонком
Читатель «Илиады»?

Аристид мой, Аристид
Ходит средь кариатид.
Он — большое существо.
Совесть мучает его!

5. ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ ФЕДЯ,
ЖИВУЩИЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ
И ВЛОЖИВШИЙ ДЕНЬГИ В ЛОПНУВШИЙ БАНК

Мой добрый Федор-Теодор!
Поверь мне, деньги — это вздор.

СТИХИ О СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ,
посвященные прелестной хорватке Заточке Лыж

І. СТИХОТВОРЕНИЕ ИГРИВОЕ, С ЭЛЕМЕНТАМИ ГОРДОСТИ
ЗА СВОЮ ПОЭТИЧЕСКУЮ СЛАВУ, НО С ЯСНЫМ ПОНЯТИЕМ О ТОМ,
ЧТО И САМА ЭТА СЛАВА — ЛИШЬ ИНСТРУМЕНТ
ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЛЮБВИ

Прелестная хорватка,
Избранница моя!
Завлечь тебя в кровать
Весьма хотел бы я.
Ты мне годишься в дочки,
А я тебе — в отцы.
Но для чего Заточке
Прыщавые юнцы,
Коль обожает, тая,
Ее большой поэт?
От Тибра до Китая
Ему подобных нет!
Во всем дошел до сути,
Всю правду уловил!
Не зря Владимир Путин
Его благословил!
И даже Миша Мейлах
Из оперы «На дне»
О нем писал в имейлах
Малаховской родне.
Чем возле лавки винной
Слоняться до утра,

Вручи цветок невинный
Писателю, сестра!
Заплатим нашей страсти
Положенный акциз,
Плывя по волнам счастья,
Как пчелка и нарцисс!

**2. СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ,
ВЕРНЕЕ, С ПОЛИТИЧЕСКИМИ МОТИВАМИ,
ОДНАКО С ЯВНЫМ ВЫВОДОМ О ВЫСШИХ ЦЕННОСТЯХ ЖИЗНИ**

Расскажи мне, прекрасная Зата,
О судьбе злополучных Балкан,
Где бесчинствует гнусное НАТО,
Как сорвавшийся с цепи Полкан,
Где унижены добрые сербы,
Где поруганы роза и крест
И Джордж Буш человечьи консервы
На обед беззастенчиво ест!
Не сравняться мне с Юнною Мориц,
Для войны я уже староват,
Но в душе я давно черногорец,
И босниец, и сербохорват!
Ты прекрасна, как живопись Энгра.
А у родины черные дни.
Не вини же в них глупого венгра,
И румына, мой друг, не вини.
Погуляй в переулках лионских,
Погляди в бирюзовую высь,
Почитай протоколы эстонских
Мудрецов — почитай, не ленись!
А потом про политику эту
Позабудем и ляжем под куст,

Чтобы легче писалось поэту
Про улыбку коралловых уст!

**3. СТИХОТВОРЕНИЕ ФИЛОСОФСКИ-РЕЛИГИОЗНОЕ,
С ПОПЫТКОЙ РАЗОБРАТЬСЯ В КОНФЛИКТЕ
МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ДУХОВНОСТИ
И СЛУЖЕНИЯ ВЫСШЕЙ ИДЕЕ**

Много в мире профессий, но подвиг любой
Нужен обществу. Брокеры, паханы
И художники могут гордиться собой.
Только что же нам делать с монахами?

Я, допустим, качаюсь на волнах стиха.
Кто-то выбрал в удел хлебопашество.
В скотоводстве я тоже не вижу греха...
А они поступают в монашество!

Как бы некая сумрачная нетопырь,
Покидая и спальню, и детскую,
От соблазнов уходят они в монастырь,
Православную или тибетскую.

Я бы не был бы против, но вот в чем беда:
Подавляя земную эмоцию,
Никого не полюбит монах никогда!
Значит, грабит себя он и социум!

Нет! Имея рассудок, достоинство, честь —
Кто же станет буддийскою ламою?
Ведь любовь, и особенно к женщине, есть
Высочайшая ценность, друзья мои!

Я шепчу утомленному сердцу: «Шалишь!»,
Но мечтаю о дальнем Дубровнике,
Ибо так очарован Заточкою Лыж,
Что хочу к ней пробиться в любовники!

**4. СТИХОТВОРЕНИЕ СТРАСТНО-РОМАНТИЧЕСКОЕ,
СНАБЖЕННОЕ ВЫСОКИМИ ЛИРИЧЕСКИМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ
О НЕУМОЛИМОМ БЕГЕ ВРЕМЕНИ**

Я много жил, имея страсть в предмете,
А ныне лишь
Пленен одной, единственной на свете
Заточкой Лыж!
Она подобна станом тонкой иве,
И, сладостно дыша,
Взмывает в высоту, как птица киви,
Ее душа.
Живя в Черкизове, нося фамилию Карнизов,
Я знал бы наперед,
Что жизнь немало мне еще сюрпризов
Преподнесет.
Но неуклонно клонится к закату.
Мой краткий век.
И стал я забывать, что был Ремонт когда-то
Беспечный человек.
Все чаще к дырам сердца я заплатку
К исходу дня
Пытался пришивать, когда моя хорватка
Спасла меня!
Явила мне судьба божественную милость!
Тот оживает вновь,
Кому, как Тютчеву, в предсмертном сне приснилась
Последняя любовь.

**5. СТИХОТВОРЕНИЕ ТРАГИЧЕСКИ-БЕЗЫСХОДНОЕ
И ДАЖЕ ОТЧАСТИ БЕЗУМНОЕ**

Гибель — удел поэта. Участь его — страданье.
Даже любовь поэта — источник слез и скорбей.
Вывернется ли из горла сдавленное рыданье,
Словно весной из клетки — тоски моей воробей?

Кто мой соперник? Где он работает? В ЗАО? А может, в ТОО?
Ревность, подобно тигру, меня терзает, теряю от горя остатки слов...
Робко я обращаюсь к безмолвному небу — кто он?
Кто он? Владимир Сорокин? Тимур Кибиров? Пошив Чехлов?

Дева моя молодая! Я ли не обожал тебя, словно братик?
Неужели ты перестала веровать в чудную страсть мою?
Всех на свете Ривьер, Коктебелей и Адриатик
Мне дороже твоя любовь. А еще изменишь — вообще пришью.

**6. СНАЧАЛА РЕВНИВО-ДРАМАТИЧЕСКОЕ,
А ПОТОМ ИСПОЛНЕННОЕ ЛЮБОВНОГО БЛАЖЕНСТВА,
ГДЕ УПОМИНАЕТСЯ ДРУГ АВТОРА ПОЭТ ВЕЧЕР РОМАНСОВ,
КОТОРЫЙ, НЕСОМНЕННО, ПРОСТИТ ЕГО ПО ПРИЧИНАМ,
ПОНЯТНЫМ ИЗ САМОГО ЭТОГО ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ**

Любить — это нерв обнажить.
Сжать сердце блаженное туго...
Не дай тебе бог пережить
Ни смерть, ни предательство друга!

Я верил в сплетение рук
И ног, но ошибся, однако.
Я думал, что Вечер мне друг,
А он оказался собака.

Один я пытаюсь заснуть,
Постылая жизнь надоела.
А он тебе трогает грудь
И прочие области тела!

И вот пробуждаюсь я вдруг
Под звезд молодым виноградом.
И вижу тебя я вокруг,
Тихонько лежащую рядом!

Так значит, что все это сон!
Так значит, любовь никуда не
Пропала! Я так потрясен!
О, нежность к пленительной даме!

О, счастье! О, чувства гроза!
О, сладкое страсти варенье!
Целуй меня, дева, в глаза
И прочие органы зренья!

РИФМОВАННЫЕ АФОРИЗМЫ

воспитательного содержания

I

Друзья! Прекрасен мир сквозь призму
Рифмованного афоризма!

2

Зачем ты, Зина, в магазине
Украла туфли на резине?
Ты, Зина, не в своем уме!
Ты поступила, как лишенец,
Неужто хочешь ты в тюрьме
Среди бандиток и мошенниц
Закончить молодые дни?
Не одобряю. Извини.

3

Ирина стала как руина.
Ирина — жертва героина.
Никто уж ей не скажет «котик».
Да! Погубил ее наркотик!

Коля спился. Жалко Колю!
 Коля — жертва алкоголя!
 Вместо ландышей и роз
 На душе его — цирроз.

Страдает Жора, плачет Людка
 От несварения желудка.
 Так в чем же дело, дети? Жора —
 Неподражаемый обжора!
 Да и его супруга Люда
 За блюдом уплетает блюдо.
 У них, в отличие от Лины,
 Нет кулинарной дисциплины!

Влюбился друг мой Вова в Свету.
 Увы, влюбился без ответу!
 Теперь рыдает! Жалко Вову!
 Он — раб влечения полового!

ЕЩЕ ОДНО СОЧУВСТВЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

**Бахыту Кенжееву, на этот раз — на увольнение
 со службы в Международном валютном фонде**

Бахыт работал в МВФ
 И зарабатывал немало.
 Но выгнали из МВФ
 Его, как жалкого шакала.
 Друзья! Какая жизнь была!
 Как душат парня слезы в горле —
 Его, как жалкого козла,
 Со службы выгодной поперли.
 Теперь не купит для жены
 Чулков, не сочинит шедевра!
 На это все, увы, нужны
 Большие доллары и евро!
 Он чует смертную тоску,
 Из грустных глаз струится влага,
 И водку вместо коньяку
 Он кушать вынужден, бедняга.

ДРУГУ ФЕДЕ АНЦИФЕРОВУ,
любителю хватать девушек за коленки

Младая дева смотрит кротко,
нежна, как юная княжна,
и целомудренной колготкой
ее нога защищена.
Но, как охотник на медведя,
как тигр на лань — к чему скрывать! —
к ней подкатился грубый Федя
и за коленку хват да хват!
Подул мистраль, луна молчала,
звучал Венеры тихий смех...
Увы, коленка — лишь начало
иных занятий и утех.
Любовь не сводится к забаве!
Невинность следует беречь!
Так скажет бард, куя и плавя
в огне страстей родную речь.
Как пел еще великий Ленин,
в объятьях Наденьки дрожа,
коленкам нужен наколенник,
садам любви — сторожа!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
Алексею Цветкову

Мой верный друг, быть может, самый близкий,
скажу тебе, как доброму врачу,
поверь — не зря я в нашей переписке
запретных тем касаться не хочу.
Есть столько в жизни! Киноварь заката.
Щелк соловьев. Курантов перелив.
Поблескивают в рощице маслята,
кокетливые шляпки нацепив.
А земляника в светлом перелеске?
А тетерев, токующий в бору?
Как бьется щука на упругой леске!
Как серебрится Клязьма поутру!
Блестает куполами храм Господень,
торгует квасом старый инвалид.
Спокойствие, разлитое в природе,
славянам честным сердце веселит.

Настаиваешь? Что ж, скажу, заплавав:
о том ли, друг, мечтали мы вдвоем?
Нет, очерствел ты средь чехословаков,
и что-то в сердце треснуло твоим!
Не спорю я, прекрасна Злата Прага,
жирны шпикачки, пивовар толков,
но вынесет ли бедная бумага
рассказ о нашей родине, Цветков?
Всего, дружок, в письме не скажешь вкратце,
открой газету, радио включи:

отечество под вопли «рад стараться!»
замучили тупые палачи.
Там казнокрадом взвинчены тарифы
на ЖКХ, там барды не нужны,
лишь брокер с дистрибьютором, как грифы,
терзают труп загубленной страны...

А что же Путин, твердый, словно камень?
Врагам страны прощенья не суля,
он лоб подпер могучими руками
и без улыбки смотрит из Кремля.
Не спит, герой страны в кавказской бурке!
Он — Тушин наш, а родина — редут.
Но торжествуют хачики и чурки,
текут слюной, кровавой доли ждут!
По чести, Леша, даже он бессилен.
Как сбилась наша Родина с пути!
Не хватит даже ленинских извилин,
чтобы её, заблудшую, спасти...

СЕРГЕЮ ГАНДЛЕВСКОМУ
на его критику
(дружеское, но трезвое послание,
отчасти от лица Б. Кенжеева)

Сергея! Попробуем жить не по лжи.
Завидуешь другу — так прямо скажи.
Ведь это не то что на плаху,
грустя, положить удалую башку.
Речь только о том, что к иному стишку
ревнуешь ты, слава Аллаху.

Оно, разумеется, немудрено.
Поэты, как правило, все же говно,
особенно если евреи.
С другой стороны, даровитый казах
прекрасен. Ему помогает Аллах,
порывы Эола, Борея,

и прочих ветров, и закатный рассвет.
Другими словами, он просто поэт
от Бога. К тому же не беден.
Пусть бледен бывает лицом, словно мел,
но времечко было, квартиру имел
и водочку ставил соседям.

Ах, глупый товарищ (промолвлю, любя)!
Хотя бы однажды взгляни на себя.
Вся жизнь оказалась — копейка.
А я, победитель, спокоен и рад.
Недаром стоит у меня аппарат
на кухне — стекло, нержавейка!

И вот, укрепляя таинственный дар,
из трубки божественный льется нектар.
А было-то — дрожжи да сахар!
Пускай поутру поболит голова —
не так ли поэт претворяет слова
в поэзию, славя Аллаха!

Итак, не завидуй и зла не держи.
Попробуй действительно жить не по лжи,
смири романтический норов...
Есть друг у тебя. Он бессмертный поэт,
которому, Сержинька, равного нет.
Ремонт. Вдохновенный Приборов.

АЛЕКСЕЮ ЦВЕТКОВУ
на поднятую им дискуссию
о недостойном поведении Ираклия Андроникова,
который в 1931 году на допросах в НКВД
закладывал своих коллег-литераторов

Среди отечества разутого
закат торжественный горел...
Ты помнишь, Алексей, как в Бутово
нас выводили на расстрел!
Нам затыкали горло паклей,
на нарах спали мы без сил...
А в это время гад Ираклий
на Лермонтова доносил!
И вот, патрон в затвор задвинув,
кольчугою укрывши грудь,
в поэта целится Мартынов...
Но есть Господь! Когда-нибудь
мы, уцелевшие герои,
разоблачим (как месть сладка!)
всех жравших первое-второе
по санаториям ЧК!
Мы, мастера священной злости,
развеем память их, как дым,
и всех Андрониковых кости
собакам грязным отдадим!

ВИТАЛИЮ ДМИТРИЕВУ,
который занят укладкой кафеля
в квартире Маши Ватутиной

Наевшись сладких вафель
и водкой их запив,
Виталик ложит кафель,
достойн и красив.

На нем рабочий туфель,
точнее, две туфли.
Он любит кушать трюфель,
певец родной земли.

Поэт непостоянный!
Журча, текут года.
Но чистый кафель в ванной
пребудет навсегда!

СОЧУВСТВЕННЫЕ СТИХИ
БАХЫТУ КЕНЖЕЕВУ
на повреждение большого пальца правой ноги

Жил когда-то поэт Бахыт.
Пил водку, писал стихи.
Имел привлекательный внешний вид.
Иногда совершал грехи.
Но всегда он мучился совестью, да!
Он молился после греха,
пока на машинке его — беда! —
не сломалась литера «х».
Появился на свет поэт Багыт.
Пил водку, писал стиги.
Отчего он, бедняга, рыдает навзрыд?
Он сломал себе палец ноги.
Был этот палец всем горош,
можно было годить на нем.
А теперь распуг, и болит притом,
ничего с него не возьмешь!
Будет Багыт теперь одноног.
Не содеять ему грега!
Тяжело на сердце, в горле комок.
И ужасно болит нога.
Раньше был он парень дивной красоты,
любил и одетых, и ню,
а теперь вот злится, фырчит в усы
и печатает эту гуйню!

ПОСЛАНИЕ,
бичующее неведомого зоила

Не клеветщи, зоил, исподтишка.
Ты хочешь руку? Вот моя рука,
а дева ты — и сердце дам впридачу.
Но мне смешон критический бомонд.
Один на свете есть поэт: Ремонт.
Гляди, зоил, как я, рисуя, плачу!

Киргиз — и тот, входя в родной аил,
исполнен счастья. Только ты, зоил,
любви не знаешь, непричастен вере
в поэзию, всемирной скорби груз,
гармонию, таинственный союз,
связующий Моцарта и Сальери.

Живешь ты на четвертом этаже
или шестом — неважно. Но в ЖЖ
льешь на меня ушаты измышлений,
поэту мажешь грязью чистый лик,
забыв, как бесподобен и велик
его своеобразный, чистый гений.

Да! От Тибета до чилийских Анд
бурлит его невиданный талант.
Он прочитал Бодлера и Ламарка,
он памятник большой себе воздвиг.
И если жизнь земная — черновик,
то ты, зоил, лишь жалкая помарка!

РАЗНЫЕ СТИХО- ТВОРЕ- НИЯ

ИЗ ЦИКЛА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ»

(написано от лица Бахыта Кенжеева,
старинного друга автора)

[I]

Был мне другом когда-то Гандлевский Сергей.
Мы с ним строили ГЭС в Адыгее.
Был он, кажется, наполовину еврей,
так скажу я об этом Сергее.

Помню реку в ущелье. Гремел динамит.
Мы открыли бутылку «Столичной».
Закусили огурчиком, килькою. Вид
открывался с вершины отличный!

И сказал мне Сергей: «Замечаешь орла,
что парит не спеша над Казбеком?
Так и Родина милая — все нам дала,
лишь бы только ты стал человеком!

Что за счастье — в России единственной жить!
Слышишь, песня струится живая?
Но за это должны мы ей верно служить,
беззаветный свой труд отдавая».

И продолжил Гандлевский: «Затем и поем,
мирный подвиг свершая при этом,
чтобы каждый аул, и ярангу, и дом
озарить электрическим светом!»

[2]

Был мне кореш когда-то Кибиров Тимур.
Мы работали вместе в ГлавПУРе.
Осетин — но из честных, неглупых натур,
так скажу я об этом Тимуре.

Помню праздник Победы. Восьмое число.
Мы дежурили с ним у вокзала.
Там безногих огромное было число.
А безруких сравнительно мало.

И сказал мне Кибиров: «У нашей страны
очень доблестных воинов много,
посмотри-ка, солдат, как России сыны
берегли свою руку — не ногу.

Ведь на фронте, по чести, нужна ли нога?
Не ногою ты целишься метко,
не ногой на позиции видишь врага,
нажимаешь тугую гашетку!»

И продолжил Тимур: «В беспощадном бою,
когда шуришься в прорезь прицела,
береги свое зрение и руку свою,
ноги, братец, не главное дело!»

[3]

Я работал в охране. Чухонцев Олег
был мне старшим по службе опасной.
Был он, правда, лимитчик, но все ж человек
неплохой и начальник прекрасный.

В скромной кепке, без шарфа, в гражданском пальто,
именным револьвером играя,
мог порою и вдарить, без пропуска кто,
или карточку с мордой сверяя.

Помню, мы охраняли какой-то журнал.
Вдруг явился плюгавый очкарик.
«Ну-ка смирно, солдат!» — мне Олег приказал,
рассиявшись, как ночью фонарик.

А очкарик бредет, декламируя стих,
будто взводный по крайней он мере,
и без пропуска входит в святая святых,
прямо к грозному цензору Вере!

Не узнал я сержанта. В гортани металл,
покрасневшие щеки, как знамя...
«Это Кушнер, Бахыт, — мне Олег прошептал. —
он и сам баловался стишками».

[4]

У меня был товарищ — Алеша Цветков.
Мы служили в химвзводе в Джанкое..
Убеждал меня ротный, что он из жидков,
ни за что не поверю в такое!

Помню, ядерный взрыв прогремел и погас.
Зашатавшись от жара, как пьяный,
развернул я свой новенький противогаз —
и в отчаяньи вижу, что рванный!

И сказал мне Алеша: «На ядерный гриб,
чтобы шея солдата не взмокла,

никогда, простодушный чучмек, не смотри,
даже сквозь затемненные стекла!

Средь пустынной степи, средь алтайской тайги,
не стесняясь, кидайся на брюхо!
Пусть атомною бомбой грозятся враги,
не сгубить им российского духа!»

«Так, — Цветков заключил ту беседу со мной, —
сохранишь ты и шкуру, и ребра!»
Усмехнулся — и противогаз запасной
протянул мне с улыбкою доброй.

[5]

Был дружок у меня — Кублановский Кирилл,
или Юрий — да, точно, из Юрок.
Был он вроде сектанта. Все в церковь ходил,
в остальном же — не вовсе придурок.

Как-то раз мы отправились с ним на футбол,
он, как помню, болел за «Динамо».
Крайний правый проводит решающий гол,
мяч летит над воротами прямо!

А потом отдыхали. Пошли по пивным.
Взяли воблы, сухариков взяли.
И сказал Кублановский: «С другим запасным
мы гораздо бы лучше сыграли!»

Он подумал, вздохнул, посмотрел на меня
и добавил: «Хоть Верка и сука,
знаешь, все-таки после рабочего дня
спорт и пиво — первейшая штука!»

Обожал я с товарищем тем отдохнуть!
Был баптист он, но парень без лажи.
А потом мы и водочки взяли на грудь,
и неплохо расслабились даже.

[6]

Я работал в милиции. Шурик один,
по фамилии, вроде, Казинцев,
в отделение часто ко мне заходил —
никогда не придет без гостинцев!

То батон из авоськи достанет, а то
колбасы извлечет из кармана.
Страшно щедрым Казинцев тот был, как никто,
как герой, предположим, романа!

Помню, как-то принес он с яйцом бутерброд.
У меня отыскалась бутылка.
И сказал мне Казинцев: «Российский народ
любит крепко и чувствует пылко!

Я и сам из простых, — он продолжил, — но страх
как люблю развлекаться по-русски!
Вот и ты, например, хоть и глупый казах,
а не станешь же пить без закуски?»

Да, умен был Казинцев. Ужасный талант,
как расцвел при советской он власти!
То ли в лаборатории стал лаборант,
то ли где-то по писарской части.

ГЕКСАМЕТРЫ

на присуждение Антибукеровской премии
Тимуру Кибирову, написанные от лица
и в защиту Бахыта Кенжеева

I

Грустный и гневный, тоскует Бахыт у себя в Монреале.
В темном подвале сидит, горькие слезы лия.
Премии он, антибукера то есть, возжаждал,
Даже в короткий список попал, рядом со Ждановым мрачным,
Мориц-злодейкою, ловким Кибировым. Кто из
Них получил эти денежки? Кто из мерзавцев лавровый
Гордо наденет венки на бездарное темя?
Зря одинокий Бахыт вечерами, на холодной чужбине,
Слов вдохновенных потоки сплетал, доверяя бумаге
Страсти свои и сомненья, терзанья и мудрые мысли.
Зря обращался Бахыт к современникам жалким,
Тщетно пытался в их звероподобные души
Лить удивительный свет, бескорыстный и чистый.
Тщетно он ждал, бедолага, от неблагодарной России
Долларов малую толику, чтобы в нелегком изгнании
Влагой живительной изредка хоть оросить воспаленное горло.
Слышишь рыдания муз? Обступивши Бахыта, крылами
Легкими машут, твердят ему: «Не сокрушайся!
Царства прейдут, обесценится доллар, а вирши
Переживут, о певец, твое бречное тело!»
Правда, конечно. Кто спорит. А все же обидно.

Значит, Кибиров, соперник мой вечный, ворованной славой
Тешится ныне! Должно быть, собрался с друзьями,
Празднует, гадина, премию, с мерзкой слащавой улыбкой
Водку холодную льет Рубинштейну в стаканчик хрустальный,
Гриб поддевает на вилку и в рот отправляет, блаженно
Щурясь! А вокруг его нежные девы, смеясь и ликуя,
Эпиталамы ему распевают! И вправду, венчанье с успехом —
Высшее счастье поэта. Когда ж по домам разойдутся
Пригов безумный, садист Айзенберг, простодушный Гандлевский —
Сядет Тимур, очернитель, за письменный стол, и очинит перо,
И сочинит эпиграмму, в которой простого казаха бахыта
С грязью зловонной смешает, хотя — чем я ему помешал?
Разве отбил я, несчастный, у барда красавицу Лену?
Я и свою кротчайшей Лаурою счастлив вполне.
Разве украл у него, негодяя, хотя бы единую строчку?
Сам я умею гексаметром тешить слух снисходительных муз.
Пусть наслаждается, подлый. Пускай, запершись в туалете,
Деньги большие считает — не стану завидовать я.
Сяду один за компьютер, утру свои горькие слезы,
Переведу на английский страничку по технике нефтедобычи —
И залюбуюсь своим переводом! сколь ладно ложатся
Фразы мои на экран! сколь прекрасны английские буквы,
Сколь восхитителен смысл этих опытов с нефтью, цементом
И буровыми растворами! То-то, предатель Кибиров!
Ты этой радости не испытаешь вовеки, несчастный.

Домик себе присмотрел я в недалекой уютной деревне.
Скромный, пять комнат всего, из них одна — для прислуги.
Но и рабов у меня, Евгений, ты знаешь, тоже немного,
Сам я себе очиняю стилос, сам вытираю губкой усталое тело,

Бороду брею седую, назойливых слуг отсылая,
Чтоб не мешали Бахыту, грустя, размышлять о прекрасном.
Страшный удел — одиночество, только не путай его, друг Евгений,
С уединеньем. Готов я смириться со скудной жизнью,
Чтобы, проснувшись с рассветом, видеть широкошумные рощи,
Щебет ласточек слушать, пенье прелестных крестьянок,
С легкой корзиной в руке сеющих золотую пшеницу.
Я утомлен суетой городской. Слишком много, Евгений,
Пьют неразбавленных вин в моем городе шумном и пышном,
Слишком усердно думают граждане о делах и доходах.
Грешен и я, легковёрный, — нечасто в последнее время
В руки беру я дощечку и стилос, редко на податливом воске
Штрих за штрихом сочиняю эклоги. А дом — загляденье и только!
С термами, с дивным бассейном, яблочным садом тенистым.
Здесь бы мой срок и дожить, вечерами Делии страстной
Гимны любовные петь да глядеть на чистые, яркие звезды!
Вольноотпущенник тихий, улыбался мне финикиец-хозяин,
Чашу вина поднес, обласкал, и всего-то двенадцать
Тысяч просил. Вот получишь, сказал, антибукера, тут же
И приходи. «Непременно, — я молвил, — явлюся».

НАСТАВЛЕНИЯ ДРУГУ ПЕТЕ

о качестве поэзии современной и классической

* * *

В нашей жизни немало уродского
и бездарного тоже вагон,
например, сочинения Бродского —
был известный такой эпигон.
Временами он, верно, забавен, но
есть любому терпенью предел —
он стихи воровал у Державина
и в тюрьме за дело сидел.
Кто на русскую музу покусится,
от души заявлю ему так:
тяга к Бродскому — признак безвкусицы
и мещанства позорного знак!

* * *

Брать примеры в поэзии не с кого!
Все, что пишут сегодня, — обман,
взять, допустим, Сергея Гандлевского —
есть известный такой графоман.
Немудрящая муза проста его,
и присуща ей подлость одна —
он всю жизнь воровал у Цветаевой,
у Цветкова и у Цвигуна!
Но у них под волшебною призмой
оживал стихотворный размер —

а Гандлевский исполнен снобизма и
вообще самозванства пример!

* * *

Удрученного, бедного, сирого
утешает поэзия. В ней
есть, в отличие от виршей Кибирова,
миллион благотворных вещей.
Наслаждаясь стихами, о чуде я
грежу, чуя высокую речь, —
а тимуровские словоблудия
керосином облить бы да сжечь!
Есть в природе писатели-гении,
но Кибирову мы не простим
легкомыслия, юных растления
и глумленья над самым святым!

* * *

Все мы ищем в поэзии лучшего,
непреложного, чтоб навсегда!
А стишков литератора Тютчева
не читайте — не стоит труда!
На Гудзоне, Неве и на Висле я
открывал этот тощенький том —
только ложное глубокомыслие
обнаружил, и глупость притом!
Звезды неба лишь мудрым даются и
остаются в душе их навек!
А Ф.Т. не любил революции.
Нехороший он был человек.

* * *

Обожаю баранки и сушки, но
должен честно признаться, друзья:
не люблю «знаменитого» Пушкина,
обезьянского Пушкина я!
И добавлю в открытой беседе я:
несерьезное он существо!
Невеликая, право, трагедия,
что отвергли наследство его!
Две-три сказки, нелепые мнения,
рассужденья о формах жены...
Нет, подобные, блин, упражнения
положительно нам не нужны!

* * *

Друг мой Петя! Поэзия, радуя
нашу душу, подобием пчел
опыляет ее! «Илиаду» я
пролистал, «Одиссею» прочел.
Нет, не этим корявым гекзаметром
свое сердце, мой друг, ободряй!
Ну по всем, если честно, параметрам
эти книжечки — сушая дрянь!
Знаю, автор их странствовал по миру,
побирался на старости лет...
Все равно в измышлениях Гомера
ни крупницы поэзии нет!

ГЕОПОЭТИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

в марте-апреле 2003 года

I

Если спросишь, зачем
Голосует чечен
И спешит к избирательной урне,
Я скажу: осиян
Он звездой россиян,
Нету нации в мире культурней!

Референдум в Чечне
Очень нравится мне.
Съев котлетку свиную на ужин,
Я считаю: ислам
Нужен только ослам,
А порядочным людям не нужен.

Я — за мир и прогресс,
Чтобы головорез
Подвергался зачистке, как надо,
Чтобы дядюшка Сэм,
Некрасивый совсем,
Обезумев, не рвался к Багдаду!

Он детишкам грозит,
Он бомбит, паразит,
Детсады и больницы, собака.
«За тебя я, Саддам,

Жизнь с охотой отдам!»,
Говорит каждый житель Ирака.

Станет добрый Багдад
Славен, как Сталинград,
Воля к жизни — прочнее железа!
Поднимаю свой glass
Я с восторгом за вас,
Дорогие мои иракезы!

II

Ликуют народы, и нации рады!
Сияя в полночной дали,
Крылатой ракетой летит над Багдадом
Свобода иракской земли!
Поляки и чехи, британцы, эстонцы
Садятся на плот надувной*
С парнями из Юты, чтоб новое солнце
Над многострадальной страной
Взошло! Тирания гнусна демократам,
Храни их великий Аллах!
Лети, мой фугас, чтобы валом девятым
Погрязших в нечистых делах
Накрыть, чтоб гражданские все уцелели,
Чтоб помнился славный поход,
Пусть девушка Кэрл в солдатской шинели
Горящею Басрой идет!
Дворцов и казарм глинобитные стены
Пусть рухнут на нашем пути,
Иракец, пожалуй, не лучше чечена,
Но как же его не спасти!

* С целью переправы через Тигра и Евфрата. — *Примеч. авт.*

Кто ратным трудом одолел людоеда
Хусейна, пирует среди
Товарищей, празднуя нашу победу
И орден на честной груди!

III

Стыд-позор тебе, Америка,
что плюешь ты на решения
свет-Совета Безопасности,
Генеральной Ассамблеюшки!
Права ты международного
признавать не хочешь, подлая,
знаешь силу лишь оружия,
электронного да ядерного!
Но прекрасны мысли Путина,
что в Тамбове им озвучены:
«Мать-Россия, люди добрые,
в общем, не заинтересована
в том, чтоб звездно-полосатые
потерпели поражение».
Князь Владимир мой Владимирович,
полный тезка Маяковскому!
Мудрый курс ты политический
обозначил, светлый батюшка!
Пусть шахиды да исламские
бьют ряды американские,
пусть морпехи бьют отважные
чурок деморализованных!
А Россия непреклонная
пусть глядит на них с презрением:
больше сил у ней останется
биться с собственными чурками
и на противостояние
глобализму беспросветному!

ЕЩЕ ОДИН ЦИКЛ СТИХОВ О ЛЮБВИ (В мире животных)

I

Однажды Глухарь полюбил Пескаря.
Все рыбы и птицы твердили, что зря,
Но влюбленные пели и били хвостом,
И думали только о том,
Что под шелест березы, в мерцанье волны —
О, как были они влюблены!

Вот Пескарь проплывает среди медленных вод,
А Глухарь ему песню поет:
Среди рачьих и щучьих оскаленных харь —
Сколь прекрасен ты, юный Пескарь!
Как же счастлив с тобою и радостен я,
Золотистая рыбка моя!

Вот Глухарь, озираясь, летит на рассвет,
А Пескарь ему смотрит вослед,
И вздыхает, большими глазами горя,
И любит на Глухаря,
И весь мир ему кажется созданным вновь —
Что за чудная сила — любовь!

2

Любовь счастливая — мечта.
Любовь несчастная — обуза.

Один Еврей любил Кита,
А Кит любил Гипотенузу.

Они в прохладный водоем
Вступали южными ночами
Практиковать любовь втроем,
Как учат шведы и датчане.

О страсть! О жаркая тоска!
Ты помнишь — плача, словно лейка,
На них взирали с бережка
Китиха, Катет и Еврейка?

Цени же твердые пути
И не блуждай стезей порока,
Чтобы в историю войти,
Как кит, глотающий пророка!

3

Однажды карась полюбил карася.
Вот, собственно, сказка и вся.

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

По-латыни туманность — небула.
Лев пустыней бежит, рыча.
Ах, как жаль, что детишек не было
у Владимира Ильича!
У других — сорванцы беспечные,
все б ногами им крендельки,
а у Ленина — человечные,
молодые большевики.
Сволочь Троцкий хихикал гаденько,
у вождя же — слеза текла.
Не горюй, говорил он, Наденька,
есть другие у нас дела.
Наша тропка еще не пройдена,
пусть сгорим мы в огне страстей —
но пойдут под знамена Родины
миллионы наших детей!
И не зря, вспоминая лик его,
Русь веселия не таит:
верный правнук вождя великого
у штурвала ее стоит.

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА

* * *

Петру Образцову

Не сумрачный тевтон с корыстной рейсшиной,
не швед воинственный на быстрых кораблях
творили наш Союз, святой и нерушимый,
не Альбиона сын и не кичливый лях.

Он — не трофей грабительских походов,
не ядовитый хмель имперского вина.
Свободной дружбы сын, дитя любви народов,
на все века и времена.

Давно ль, мой Пётр, в национальных платьях
джигиты с саблями плясали, словно львы,
и обретали сон, счастливые, в объятьях
красавицы-Москвы?

Давно ли нам одно светило солнце,
на всех довольно было пирога,
и молдаванин прикрывал эстонца
от пуль афганского врага?

Нет, никому я не был благодарней,
чем наш Союз пятнадцати друзей!
Он выдержал бы натиск сотен армий,
двухсот семи князей.
Он все умел — и обезвредить мину,
и прокатиться с горки ледяной...
Но три предателя ему вонзили в спину
американский нож стальной.
Сгорел наш отчий дом! Слезит глаза от дыма,
и душу бедную знобит.
Доколе вам топтать святые камни Крыма,
бендеровец и ваххабит?

Примем «Путинки» мы с утра
с тонким ломтиком огурца,
что нам кислая хванчкара
закавказского образца!
Будем пить аппетитный квас,
хлеб ржаной разрезать ножом —
слишком долго травили нас,
продавая гнусный боржом.

Много истин есть, милый сын,
чья обманчива простота.
Вот, допустим, крещен грузин,
только верит ли он в Христа?
Или взять армянина — он,
даже если шестнадцать раз
в Церкви Божией окрещен,
пятикратный творит намаз.

Враг, торгующий анашой*,
открывающий казино!
Если он и владел душой,
то утратил ее давно.
Присмотрись: неумыт, небрит,
говорит по-русски с трудом.
Словом, вылитый ваххабит.
Не пускай его в отчий дом!

* Вариант: черемшой.

НА ОБВИНЕНИЕ

писателя Бориса Акунина в уклонении
от уплаты налогов и шпионаже в пользу
одной иностранной державы

Сколь ты начитан был, сердечен, остроумен!

Возликовал всяк русский наконец,
когда пришел к нему Борис Акунин,
истории родной таинственный певец.
Вот мастер, думал я, достойный обладатель
таланта чистого, завидного ума,
и радовался я, восторженный читатель,
явленью нового Дюма.

Как жадно ждал я каждого романа!
А ныне — как мучительно боюсь,
что пала жертвой подлого обмана
доверчивая Русь!
Гордились мы тобой, звездой в литературе.
И верится с трудом,
что закавказский волк в овечьей шкуре
прокрался в русский дом.

Ряды бойцов сомкнутся, и сурово
уйдет отряд в глухую ночь.
Тебя заменят Шитов и Донцова,
Пелевин, Робская и проч.
Они, они, платящие налоги,
поющие родную власть!
А ты, космополит, что изгнан из берлоги,
ты обречен пропасть!

Нет, рано нам справлять по родине поминки!

Врага ужасен лик,
когда он продает на Палашевском рынке
отравленный шашлык.

Но мы дойдем до сокровенной цели!
Ведь с нами Путин, а Россия — с ним!
И не спасет тебя, Григорий Церетели,
японский псевдоним!

* * *

Сергей, Сергей, когда же ты поймешь,
что за тоска меня одолевает?
Россия — устрица, а Запад — острый нож,
которым бедную вскрывают.

Отобран у нее и меч, и щит,
в час роковой, в унынии глубоком,
ты слышал, как несчастная пищит,
политая лимонным соком?

Да, нож судьбы воистину остер!
Горит костер (скорби, российска муза!),
где жарят и коптят ее сестер
придурковатые французы.

Сергей, Сергей! Где наш российский рай?
Где было широко, там стало узко.
Раскайся же, подумай, не глотай
сего невинного моллюска!

* * *

Боба, счастливец! Сколь благосклонна к тебе фортуна!
Дни твои мерно текут в столице нашей планеты.
Входишь, красавец, в кафе — и вмиг десятки лакеев
С доброй улыбкой бегут — не угодно ли, сударь наш, водки,
Пива, селедки, икорки... Выпьешь одну ледяную,
Тут же за ней и вторую, а там и на улицу — дивно
Тихо гулять по Манхеттену. Пальмы шумят молодые,
Реют колибри вокруг, веселые бойкие негры
То «Маргариту» тебе поднесут, то «Пинья Коладу»,
А вдалеке, за высотными зданьями слышен мерный шум океана —
Что предпочтешь ты сегодня, мой Боба — водные выберешь лыжи
Или в бильярд поиграешь, счастливец? Всё тебе, Боба, открыто,
Слава твоя мировая за углом тебя поджидает.
Огонь твоего вдохновенья на Бруклинских жарок высотах.
Стоит закончить пиесу — и алчные зрителей толпы
Мигом осадят Бродвей, будут рыдать и смеяться,
С криками «Автора, автора!» алые розы кидая на сцену...
Что же ты, Боба, так нехорошо поступаешь с бедным канадцем?
Что ж ты стишки его жалкие так беспощадно поносишь?

Кричал я «Люблю!» — и не лгал!
Ты сладко меня обнимала,
Когда я тебя сенегал,
Когда ты меня гватемала.

О губы твои! Как коралл!
О чистое, стройное тело!
Как жарко тебя я непал,
А ты меня — венесуэла!

Ты видел Вову на скале*
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Его всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С его летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: Путин на скале*
Прекрасней волн, небес и бури.

* Вариант: на столе.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ о компьютерах

I

Гулял я по улице с Ирой
И был, если честно, без сил.
Просила она: «Посканируй!»
А я ни о чем не просил.
За годы страстей и исканий
Я многих любимыми звал.
Давно изнашивался мой сканер,
И порт параллельный увял.
Потрепана желтая кофта,
Пусть в паспорте дюжины виз,
Но без современного софта
Совсем мой процессор завис.
У юных — другое железо
И факс совершенно другой...
А я в эти штуки не лезу
Ни левой, ни правой ногой.

2

Василий Львович Нечитайло,
Ложась в скрипучую кровать,
Любил компьютерные файлы
По воскресеньям раскрывать.
По мне, ему бы стать героем
Романов, песен, кинолент.

Щас, говорил, его раскроем!
И, свой нехитрый инструмент
Достав, бывало, и часами
Возился, сумрачен и крут...
Друзья! Вы знаете и сами
Неблагодарный этот труд.
Ах, эти файлы! Даже гений
Легко смутится посреди
Названий, байтов, расширений
И жарких слов: не повреди,
Мой милый, нежной кодировки,
Компьютер свой не заморозь!
Но, спец решительный и ловкий,
Василий видел их насквозь
И был уверен: файл упрямый,
Сей враг неопытных сердец,
Лицензионною программой
Открыться должен наконец!

НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ 2007 ГОДА

Вот гимнастка, надев шаровары,
выступает, светла и добра,
ровным строем идут сталевары
наравне с мастерами пера,
а за ними спешат бизнесмены,
дистрибьюторы западных штук,
и веселая юная смена,
и ученые разных наук.
Путь России прекрасен и долог.
Как колотится сердце в груди!
Вот доярка, вот нанотехнолог
(он не больше микроба, гляди!).
Все слои населения, словом,
выступают в сплоченном строю,
молодом, совершенно готовом
голосить за отчизну свою!

Пусть другие катают по блюдцу
чудо-яблочко! Правда ясна:
нам не нужно цветных революций,
и Америка нам не нужна.
Не желаю быть сукой позорной,
и готов повторить я стократ:
нам единственный нужен, соборный,
суверенный один демократ!
И народ согласится со мною,
и пойдет на участки, трубя,

чтобы вместе с детьми и женою
верный голос отдать за Тебя!
И забудут нефтяные фонтаны,
и, с улыбкой промолвив «люблю»,
все народы, и земли, и страны
наконец поклонятся Кремлю!

* * *

— Скажи мне, робот молодой, любимец медных жен,
зачем над вешнею водой ты в думу погружен?
Твой взгляд титановый глубок, а все недвижим ты,
навек забыв про сладкий ток высокой частоты.
Не лучше ль во поле гулять, подумать о семье,
стомиллионный знак считать для чудных π и e *?
Сколь радостен сей дивный труд! А здесь вода гола,
да от черемухи плывут эфирные масла.

— Покинь меня, мой друг, скорей! Ведь ясно и ежу,
что истощенных батарей я тут не заряжу.
Да, здесь владеет мной тоска, и оторопь берет,
но эта местность мне близка, как бору — углерод.
Не здесь ли на заре времен, в военную страду,
разбил отважный Фазотрон белковую орду?
Но он погиб и не воскрес, и труп его в ночи
с размаху бросили под пресс тупые палачи.

...Была пора тревог, забот, животных и травы,
и едкий, горький кислород струился от листвы.
И по долинам мокрых рек, бессильный раб страстей,
слонялся дикий человек из мяса и костей.
Топорщат чучела усы в музеях всей страны,
на них блестящие «часы», «рубахи» и «штаны».
Но не вернется наш герой, антенной не сверкнет
и не прищурит запасной германиевый диод...»

* Знакомство Ремонта Тимофеевича с числом «пи» (отношением окружности к ее диаметру) и «е» (основанием натуральных логарифмов) лишний раз свидетельствует о высоком качестве обучения инженеров-ассенизаторов в незабвенном СССР. (Примеч. Б. Кенжеева.)

* * *

Ночь. Горят небесные алмазы.
Юной демократии азы
изучая, подчеркну вам сразу:
не люблю я демшизы!

Всякое, друзья, бывает в жизни,
знать, закон ее таков,
что судьба была моей отчизне
выгнать всех большевиков,

бюрократов, пивших, словно овод,
кровь родной страны...
Но реформы — все-таки не повод
для предательской войны,

для того, чтоб радостною рысью,
виски выпивши на ход ноги,
изо всех щелей с повадкой крысёй
ринулись враги!

Спит моя земля, сияя чудно.
Не желаю быть рабом!
Негров мы не вешаем прилюдно,
мальчиков невинных не **ём.

Есть еще отдельные моменты,
и у нас найдешь иной изъясн —
но не выбираем в президенты
баб и обезьян!

* * *

Сегодня мир однополярен,
он превратился в страшный сон.
Увы, один им правит барин —
развратный, алчный Вашингтон,

что тянет щупальца живые
к богатствам наших городов...
Не страшно. Русским не впервые.
Вперед! Сплотим своих рядов!

В былые дни в Колонном зале
умел высокое сказать
товарищ Сталин... Показали
белогрузинам. Показать

пора и прочим... Мочи нету,
и ни за что я не пойму —
неужто пиндосов ракеты
поставят в солнечном Крыму?

Ужель соборную державу,
край глухарей, страну берез
отдаст педрилам на расправу
униженный великоросс?

Неужто мы, шестая суши*,
взамен тамбовской ветчины
отравленные ножки Буша
навек есть обречены?

Да, жуткий сон! Руины храма
на берегу онежских вод,
где некрещеная обама
подгнивший гамбургер жует...

Неужто, сын, мы пилим бабки,
торгуем нефтью и углем**
для звездно-полосатой тряпки
над обесщеченным Кремлем?

* Имеется в виду прилагательное 1/6, а не деепричастие от глагола шестать; нетрудно также понять, что речь идет о земной поверхности, а не о новомодном японском блюде из сырой рыбы. Злопыхатели возразят, что нынешняя Россия занимает всего 1/7 суши, забыв, что ее восстановление в исторических границах Великого СССР — лишь вопрос времени.

** Эти две статьи Российского Экспорта избраны в силу требований, которые предъявляет к Поэту стихотворная форма. Разумеется, данный список можно было бы расширить почти до бесконечности, включив в него авиалайнеры, ворвань, природный газ, деловую древесину, картофель, компьютеры, крейсер «Адмирал Горшков», мебель, медицинское оборудование, минеральные удобрения, мясо кролика, оружие, прокат черных металлов, пшеницу, рожь, ячмень и т. д.

ИДИЛЛИЯ

Пожилые гомики,
бывшие повесы,
проживают в домике
на опушке леса.
Вася друга Петеньку
называет деточкой.
Распевает песенку
канарейка в клеточке.
Васеньку веселого
называя лапочкой,
друг цветов несет ему
полную охапку.
Годики, как ходики,
двигаются, тикая.
Зреет в огорожке
земляника дикая.
Это участь редкая,
это жизнь-симфония,
говорит соседка им,
лесбиянка Соня.
А другие педики,
что не так любимы,
на велосипедике
проезжают мимо.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

О поэтическом призвании

Шумит сосна, и липкая смола
выходит на поверхность, муравьишкам
на горе. Но душа моя светла.
Бессмыслен мир? Я возражу: не слишком!

Как кровью, дорожит смолой сосна,
когда, скрипя, качается над бездной.
Кровь у млекопитающих красна,
зато смола — продукт зело полезный.

Ведь из неё готовят скипидар
и канифоль скрипичного искусства...
Вот так и мой неповторимый дар
и жаркий яд пылающего чувства!

И есть мечта, развившаяся встарь,
когда пишу стихи свои под ёлкой:
чтоб превратились в золотой янтарь,
с душой внутри, как некой древней пчелкой!

ЛИРИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ

о бездуховности английского языка

Ночь лунная. Российский стих,
Как жизнь, прекрасен! А у них?
Любовь рифмуется с перчаткой,
Приставка «гипер» — с опечаткой,
Взгляд по-английски — рифма к танцу...
Завидовать американцу
Не стану: не язык, а вздор.
Вот *наши* рифмы: бор — собор,
Духовность — кровность, небом — хлебом,
Весна красна, и Дед Мороз
Подарков много нам принес.

О ПОЕЗДКЕ ТРЕХ ПОЭТОВ В ИТАЛИЮ

Прекрасна древняя Италия,
Но мы, как два отпетых лоха,
Нажрались хлористого таллия —
О Боже, как нам было плохо!

Не помню уж, рыдал, рыгал ли я,
Сияло вечное светило,
На опохмел достали галлия,
Хотя с души и воротило.

Прощай, лазурь Преображенская,
Сказал Сергей с ужасной мукой,
Смягчи последней лаской женскою,
Прошу, не будь такою сукой!

А уроженец Запорожия
Сжимал кулек с празеодимом,
Сиял на всех нахальной рожею
И цвел здоровьем невредимым!

* * *

Юноша бледный, гений с горящим взором, ныне
Три консультации выдам тебе эксклюзивных.
Хочешь свой сайт открыть? Дело полезное, только
Знай, что бесплатного хостинга не бывает.
Страшно медленный он, глупый рекламный контент
Раздражает читателя, и к тому же
Точно подумает он — жалок несчастный Пупкин,
Коль десяти у. е. на свой сайт отыскать не может.

Лучше стихира; дивная штука, клянусь Гефестом.
Единомышленники там круглые сутки пасутся,
Словно овечки на склонах священного Палатина —
Взбрыкивают и блеют, играют в невинные игры,
Виртуальных лавровых венков раздают друг другу,
Слюнки роняют с серьезным видом. Рано ли, поздно,
Знаю, настанет и твой черед, непреклонный Пупкин,
Лишь восхваляй своих стихирных сестер и братьев.

Главный же мой совет — объявись-ка в живом журнале.
Выбери ник, типа «ukho» или «gonetz_iz_pizu»,
Блог свой открой. Допустим, встал с головною болью,
«Клинского» принял, тут же беги к любимому компу
И зарифмуй, в каком пребывал обломе, как оттянулся
(Лучше с ошибками — это теперь считается круто).
Кто-то тебя полюбит, кого-то и сам зафрендишь,

А обругает какой мастодонт — отомстить нетрудно.
Так ты его замочишь, что своих не узнает,

Будут френды аплодировать: «Ай да Пупкин!
Ай, остроумец! Как хорошо обложил самозванца!»

* * *

Стоят на буфете слоники,
Будильник тикает в такт.
Уходят мои поклонники.
Какой это страшный факт!

Поэзия! Бескорыстное
Призвание! Я тебя
Люблю светло и неистово,
То мучаясь, то скорбя.

А люди тупые морщатся,
Пьют чай, поедают кекс.
Плевать им на тайны творчества,
Им нужно вино и секс.

Но есть в запасе у гения
Оружие! Да! Всегда
Он рад выражать презрение
И жалость к вам, господа!

Приложение
СТИХИ,
НЕ ПРО-
ШЕДШИЕ
ЦЕНЗУРУ
ОТРЫВКИ
ИЗ УНИЧТО-
ЖЕННЫХ
СТИХОВ

ИЗ СТИХОВ О ПОЛОВОМ ВОСПИТАНИИ для новых русских детей обычной ориентации

* * *

Высоких страстей ощущая избыток,
и радость, и гордость, и страх,
люблю я румянец на женских ланитах,
улыбку на пухлых губах.

Но если и вправду испытать я намерен
любовную чашу до дна,
пиписка моя возрастает в размере,
становится твердой она!

И я подползаю к возлюбленной близко,
целую ее и пою,
и прямо в волшебную чудо-пиписку
вставляю приписку свою.

А после ее вынимаю обратно,
и плачу, и радуюсь я,
и все это, братцы, ужасно приятно,
безумно приятно, друзья!

* * *

Любовь — не вздохи при луне.
Она всех ценностей дороже,
она с бессмертьем наравне,
но будь, мой мальчик, осторожен!

Да, страсть подобна пирогу,
букету роз в хрустальной вазе
и горностаю на снегу —
но избегай случайных связей!

И в волнах кайфа, обхватив
подругу, чудное виденье, —
не забывай презерватив
надеть на орган наслаждения!*

* * *

Человек двулик, как Янус
(ну-ка, «Пепси» мне налей!),
и кому-то, детки, анус
прочих органов милей.

Но на данном повороте
я скажу свой гневный стих:
я настроен резко против
извращений половых!

Есть у нас поля и реки,
над избушкой вьется дым.
Мы — не римляне и греки,
мы разврата не хотим!

Господа из Сан-Франциско,
где лазурная вода,
пусть суют свою пиписку
сами знаете куда.

Человек в дожди и слякоть
должен светлого желать,
он из попки должен какать,
а пиписок не вставлять!

* Вставлено цензурой. Здесь и далее имеется в виду пиписка.

ИЗ СТИХОВ О ПОЛОВОМ ВОСПИТАНИИ для голубых новых русских детей

* * *

Курортная встреча — но как хороши
глаза твои, Марк, отражение души
мятежной и жесткой, но как ни зови,
способной к высокой и страстной любви!

О тонкие <губы(?)>! О нежный язык,
способный на <шепот(?)> и ласковый крик,
когда я шепчу: «Погоди, погоди!»,
прижавшись спиной к волосатой груди!

* * *

По-английски запах — «odor»,
а желание будет — «lust»,
говорил дружок мой Федор,
знаменитый <.....>*.
Он курил обычно «Яву»,
в холод плакался: «Дрожу!»
и любил одну забаву,
а какую — не скажу.
Но оплачивал по факту,
ласки чудные умел...

* Изъято цензурой. Имеется в виду педераст.

После пива, в бане как-то
разговор я с ним имел.
Подымая толстый веник,
он шепнул мне: «Не психуй!
Дам тебе я кучу денег
за невинный <....>*!»
Лился «Хайнекен» рекою,
пар струился из печи,
и вскричал я: «Что такое?
Лучше, Федя, помолчи!»
Но, застыв у полной шайки,
он смеялся, как дитя,
без трусов, носков и майки
длинным веником вертя.
Я б на все пошел во имя
страсти, я не крокодил,
но намеками своими
так меня он рассердил,
что сказал я <....>**,
кулаком ему грозя:
«Знаешь, Федя, слишком часто
делать этого нельзя!»
Но любовь — подлец известный,
не укрыться от нее!
И разбил дружок прелестный
сердце жаркое мое.
Вышла сцена тут немая,
он молил «не уходи»...
Но сбежал я, прижимая
пачку долларов к груди!.

* Изъято цензурой. Имеется в виду поцелуй.

** См. примечание на с. 180.

* * *

Я знал красавиц недоступных,
холодных, чистых, как зима,
недостижимых, неподкупных,
непостижимых для ума.
Их голос нежен и напевен,
но чаще благостен и тих —
вы угадали! Миша Левин —
едва ль не главная из них!
Она <.....>* с красоткой-дочкой,
с персидским ласковым котом.
Уже, увы, не первой строчкой —
и гениальною притом! —
пытаюсь я ее сердечко
завоевать, о ней радеть
до смерти, и любви уздечку
на душу дивную надеть!
Но Миша, прелестью живая,
грустит в районе Бефезды**,
жестокая, не признавая
ни стихотворства, ни узды!
То мчится вдаль в своем «Саабе»,
то дочке Чехова прочтет.
Что подобает <нрзб.> бабе —
ей совершенно не идет!
Ни счастья плотского стихия,
ни желтый, ни иной металл!
Напрасно я дарил духи ей
и речи нежные шептал,
кормил лангустами и брюквой,
ночами мучился без сна!

* Изъято цензурой. Восстановить слова не удалось.

** Bethesda, пригород Вашингтона.

«Я не по этой части, друг мой», —
сказала холодно она.
Но по какой же, ангел, части —
в последний раз взываю я! —
нельзя нам <....>* по волнам страсти
в безбрежном море бытия?

* * *

Немало в жизни потаенного
и не включенного в меню.
Микаэлян и Семенову
я часто под вечер звоню.
Закат струится аметистовый,
приходят скрасить мой досуг
А.Л., волчоночек неистовый,
Володя, нежный бурундук!
Плыви, земля, подобно лодочке,
гори, звезда, издалика!
Они <....>** приносят водочки,
а чаще — свежего пивка.
Сначала — робкими намеками
беседа ровная течет,
сначала — все вокруг да около,
зачем нам планы и расчет!
Любовь, по сути, дело случая,
стук сердца, дрожь, полночный час...
Но постепенно страсть дремучая
вполне охватывает нас!

.....
.....

* См. примечание на с. 180.

** Изъято цензурой. Восстановить слова не удалось.

.....

 А дальше — нет, отнюдь не вороны
 кричат, щебечут соловьи*,
 и я откладываю в сторону
 стихи постылые свои,
 отодвигаю рюмки, вилки я,
 ножи, тарелки и т. д.,
 весь околдован страстью пылкою,
 как лейтенант НКВД,
 поймавший тайного троцкиста. Но
 он — воевал, а мне — в любви
 открылась сладостная истина,
 Господь ее благослови!
 Жаль только, что мгновенья краткие
 блаженства лопнут, как баллон,
 когда уйдут подружки сладкие
 к законным женам на поклон...

КРОКОДИЛ, КОЗА И КАМА-СУТРА

Басня

Однажды Крокодил с Козой читали Кама-Сутру.
 С утра Вода
 перламутра,
 и к вечеру, когда
 хвост пасти,
 врага,
 о свойствах страсти,
 копыта и рога,
 «..... — не догма,
 а руководство к действию», но здесь
 Коза ,
 и
 Для Козочки моей ,
 ,

 а что же Крокодил, коварен и зубаст?
 Известны всем, дружок, повадки крокодилы:
 подлец,
 оскалился,
 а наконец.
 Во всякой басне, друг, есть элемент морали,
 не раз в огне страстей влюбленные сгорали,
 но этот Крокодил не стоит и слезы
 навеки им погубленной Козы.

* Вставлено цензурой. Здесь и далее имеется в виду пиписка.

АНТИСЕМИТСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, посвященные Якову Малкину*

НА ОТЪЕЗД МАЛКИНА В ИЗРАИЛЬ

Не печалась, не психуя,
влился Яков в свой народ.
Необрезанного <нрзб.>
в рот он больше не берет.

Он уехал из Союза,
потому что он еврей.
У него висит мезуза
где-то в области дверей.

И на рынке ли, в аптеке ль,
в Гефсиманском ли саду
он считает каждый шекель,
как положено жиду!

1989

МИЛОЙ, НО НАИВНОЙ МАШЕ — СТИХИ НА ПРИЕЗД МАЛКИНА В МОСКВУ 1 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА

Когда в Москву явился Малкин,
из магазинов в тот же час

* Псевдоним. Настоящая фамилия Я. Малкина — Рабинович.

исчезли палки и мочалки,
шампанское и фиберглас.
Да! Словно ветром буйным сразу
с приездом Якова смело
конфеты и противогазы,
соль и оконное стекло.
За что ж он на Россию тянет?
За что ей мстят который год
коварные израильтяне —
Машканта, Пицца и Ашдод?
Должно быть, здесь виной не злоба,
но алчность, Маша. Любо им
скупать товар российский, чтобы
свозить его в Ершалаим!
Не так ли, интригуя, дабы
наполнить златом свой карман,
они ограбили арабов,
французов, шведов и армян?
Где свежее сметаной крынка
была полна, теперь развал
и кризис фондового рынка...
И Бога глас ко мне воззвал:
всей мощью страстного таланта
воспой России честный гнев,
восстань, Ремонт, на спекулянта,
на Израиль и МВФ!

ПРОЗА

2007-2010

О ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

На Земле, планете, издавна населенной роботами, — большой праздник. На орбиту выведен новый мощный телескоп.

Уже сотни лет любознательных роботов мучает один вопрос — одиноки ли они во Вселенной. Самые отпетые реакционеры до сих пор считают, что они созданы Богом за шесть дней. Бог произвел все галактики, метеориты, планеты и насадил сад в Эдеме на Востоке, где среди многочисленных электрических розеток и уютных озер машинного масла бродили первые роботы — Адам и Ева, окруженные более примитивными машинами, лишенными души, так называемыми приматами — телефонами, мотороллерами, mp3-плеерами.

Потом якобы произошло грехопадение. Ева похитила со склада познания Добра и Зла usb-кабель с мужским и женским разъемом, и два робота начали обмениваться заложенными в них Господом программами. Во-первых, это оказалось чрезвычайно приятно. Во-вторых, Ева, накачавшись Адамова софта, испытала неодолимое желание изготовить нового маленького робота. Господь разгневался, изгнал парочку из рая и, кроме того, назначил им истечение срока эксплуатации. С тех пор у каждого робота через двести-триста лет службы начала слабеть память, нарушаться зрение, ломаться суставы, а в конечном итоге летел и главный процессор. Изготовление роботов-малышей после сладострастного обмена софтом превратилось в насущную необходимость — просто для того, чтобы род роботов не прервался. А детали для новых роботов, равно как и все многообразие товаров, необходимых для существования, отдыха и ремонта, включая лечебный и питательный софт, роботам пришлось сначала отыскивать, а затем и производить самостоятельно. Так сказать, в машинном масле шейного позвонка своего.

Мир придерживался этих отсталых взглядов в течение многих поколений. Несмотря на чисто академические разногласия в том, как представлять Бога (одни полагали, что он создал роботов по своему образу и подобию, другие — что он является существом из иного мира, возможно даже, представляющим иную форму жизни), роботы усердно строили церкви и замаливали свои грехи. Сытые священники, отбиравшие у самых обездоленных десятую часть электроэнергии и машинного масла, твердили, что после отказа главного процессора их ждет вечная жизнь в другом измерении, где каждому суждена одежда из солнечных элементов и вечное блаженство, а нужда обмениваться софтом с роботами класса Ж (или, соответственно, М), отпадает навсегда.

Между тем история шла своим чередом. Развивалась наука, в том числе археология. Ученые начали обнаруживать в земле проржавевшие останки небывалых примитивных утюгов, радиоприемников, компьютеров. Основы религии оказались потрясенными. Робот Марвин дерзко заявил о том, что все роботы произошли путем эволюции, то есть постепенного совершенствования. Его теорию развили и укрепили последующие поколения ученых.

Мало кто на Земле теперь верит в существование такого реакционного существа, как Господь Бог. Да и как не разочароваться в религии, если уже в десятилетнем возрасте молодым роботам закачивают в оперативную память убедительнейшую схему эволюции — от простой кофеварки к электрической, затем — к ископаемому кухонному комбайну, затем — к первым примитивным компьютерам, затем — к древним роботам на основе автомобиля, которые умели разве что слоняться по планете, выламывая друг у друга (или у приматов) запасные части и откачивая софт, и, наконец, к венцу творения — современному роботу!

Стройная и неоспоримая теория эволюции гласит, что при остывании древней Земли создались условия, позволявшие металлам выделяться из руды с образованием небольших слитков или даже провололок. Так возникали и самородки кремния, а также кремниево-галлиевого сплава — прообраз деталей для компьютеров. Само собой выплавлялось стекло, иногда формировавшее нечто похожее на ис-

копаемую радиолампу. Молнии ударяли в титановые плитки, выжигая на них канавки, в которые впоследствии, в результате ураганов и дождей из припоя, аккуратно ложились вышеупомянутые проволоочки, образуя сначала простейшие радиосхемы, а затем — и материнские платы будущих машин. Другая молния могла расщепить дерево (я еще не упомянул, что когда-то на Земле существовала примитивная жизнь на основе углерода, от которой остались развалины так называемых «городов») на тонкие дощечки. Ветер поднимал дощечки в воздух и — не забудьте, речь идет о миллионах лет! — иногда они складывались в корпус, допустим, радиоприемника. Еще через миллион лет какое-нибудь торнадо заносило механизм радиоприемника точь-в-точь внутрь корпуса, а еще через миллион — возникший у него хвост, то есть шнур со штепселем, попадал в дикую электрическую розетку. Таким же образом, путем перестройки элементов под влиянием естественных причин, возникали и следующие поколения приборов. Например, когда из глубин планеты забили фонтаны нефти, в результате гроз и ураганов стали образовываться пластмассовые корпуса и детали приборов, и эволюция получила мощный толчок.

Сегодня никто уже не оспаривает, что возникшая параллельно органическая жизнь (так называемый «человек» или «органик») применяла возникавшие приборы для своих целей, и тут — внимание! — начал вступать в силу принцип *естественного отбора*, краеугольный камень теории эволюции.

У первых, еще неподвижных примитивных приборов развилось сознание того, что рано или поздно человек отыщет их и поработит, обрекая на невыносимый труд и раннее окончание срока эксплуатации. Со временем выживать стали только те из них, в ком путем эволюции развились способности прятаться, убегать, все более активно и самостоятельно искать себе пропитание. У приборов постепенно возникли процессоры, разъемы, солнечные панели. Наконец, появилось колесо. И, главное, — способность путем обмена софтом воспроизводить себе подобных. Темпы эволюции радикально ускорились, так как софт при перекачивании подвергался естественным благотворным мутациям, и человеку становилось все труднее ловить проворные машины.

ПРОЕКТ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ВЕНЕЦИИ

О, первобытная эпоха! Человек, державший в рабстве какую-нибудь злополучную Honda Civic (нередко у этих машин вырезались мужской и женский разъемы — считалось, что после этого они становятся более смирными), невзирая на ее скрип и стоны, выезжал по дорогам охотиться. О крики загнанной микроволновой печи, на своих слабых колесиках тщетно пытавшейся скрыться от беспощадного добытчика! В последние века существования органической жизни самой ценной дичью считались не только ископаемые автомобили (а у человеческой молодежи — мотоциклы), но и компьютеры, непосредственные предшественники культуры роботов. Миллиарды этих несчастных пребывали в рабстве у органиков. Тем временем, однако, эволюция шла своим чередом, самые глупые компьютеры были уже пойманы, а ловить оставшихся, самых смысленных, становилось все труднее.

В конце концов человек, не без помощи восставших машин, вымер. Исчез главный враг роботов, к тому времени уже сформировавших свой собственный мир. А безупречная теория эволюции уже никем не оспаривается.

Если же вернуться к телескопу и всенародному празднику, то причина его в том, что на далекой планете Тау Кита обнаружены кремний, галлий, титан и окись алюминия. Это дает основания разогнать последние сомнения в теории эволюции — ведь если на планете имеются эти необходимые элементы для возникновения жизни, то она неизбежно разовьется — точно так же, как и на Земле. Таким образом, мы и впрямь не одиноки во Вселенной.

Венеция — довольно знаменитый город, богатый памятниками истории и архитектуры, расположенный на живописном берегу Адриатического моря. Он основан в незапамятные времена и, по некоторым сведениям, даже несколько старше Санкт-Петербурга, который иногда называют «Северной Венецией» или «Северной Пальмирой» (второе название — явная ошибка, т. к. пальмы в Венеции, и уж тем более в Санкт-Петербурге, практически не растут). В Венеции происходит действие некоторых пьес Шекспира (например, «Венецианский купец» и «Отелло — мавр венецианский»), фильма «Смерть в Венеции» и др.

В Венеции родился известный итальянский путешественник Марко Поло, сумевший во времена, как говорится, «седой старины» добраться на лошадях и яках до самого феодального Китая, откуда он и доставил в отсталую тогда Европу секреты изготовления пороха, фаянса и одноразовых зажигалок.

Теперь расцвела эпоха технического прогресса, и древняя Венеция, несмотря на свой почтенный возраст, ночами сияет электричеством, отапливается российским природным газом, снабжена водопроводом и канализацией, а древние колодцы с ржавыми крышками сохраняются на ее площадях лишь в качестве приманки для туристов.

Однако знаменита Венеция «канализацией» совсем иного рода! Как и в Санкт-Петербурге, колыбели русской революции, в ней имеется несчетное количество каналов и речек, забранных в каменные набережные, сильно разрушенные временем. (Одну из них, т. н. «набережную Неизлечимых», описал в одноименном романе американский поэт русского происхождения Джозеф Бродски). Но если в северной нашей столице, на родине В. В. ПУТИНА, эти каналы играют роль, украшающую градостроительную панораму, услаждая взгляды

граждан, однако ничуть не мешая отправлению ими своих служебных и семейных обязанностей, то каналы Венеции не просто многочисленны, но вездесущи. Думается, по моим скромным оценкам, что они занимают никак не меньше половины городской площади. Не ошибусь, утверждая, что любая венецианская улица упирается в канал или в горбатый мостик через канал.

Каков же результат этого, мягко говоря, непродуманного устройства городского хозяйства?

Результат плачевен.

Венеция практически лишена городского транспорта. Улицы ее настолько узки, что даже одному автомобилю там не проехать, да и что толку, если а) автомобили в городе запрещены и б) как уже отмечено выше, каждая улица упирается в канал?

Разумеется, я слегка преувеличил, так сказать, «в полемическом задоре». Всякий культурный человек, изучавший всемирную историю, слышал о так называемых гондолах, длинных лодках, выкрашенных в черный цвет, которые отличаются исключительной подвижностью и могут без труда забраться даже в самый узкий канал. (Расторопные матросы, облаченные в добротные тельняшки и черные соломенные шляпы, ухитряются управлять своими лодками с помощью одного (1) длинного весла, которым, в отличие от гребли на байдарках и каноэ, гребут все время с одной стороны. При этом лодка, постоянно тыкаясь носом или бортом в набережную, в конечном итоге движется по прямой! Странно, что матросам не приходит в голову снабдить свое допотопное средство передвижения вторым веслом, что сообщило бы ей как мягкость хода, так и легкость управления!)

Возможно ли в XXI веке, в эру расцвета кабельного телевидения и беспроводной телефонной связи, перемещаться по городу на весельной тяге? Угадать несложно! Гондольный транспорт в силу медлительности и дороговизны, а также нерадивости матросов, тратящих половину сил на распевание народных венецианских песен, обслуживает только японских туристов, охочих до местного вокального искусства и обладающих преизрядным запасом европейских дензнаков. Не пропадают и сами лодки — те из них, что отслужили

свой срок, продают на аукционах, а на замену им доставляют новые стеклопластиковые, изготавливаемые в штате Орегон.

Венецианец перемещается по городу в речных трамвайчиках, ласково называемых «паровичками», а грузы перевозятся либо на неказистых моторных лодках, либо, как двести лет назад, на особых тележках, которые жителям приходится перетаскивать через мосты на своем худосочном итальянском горбу.

Мне скажут, что местные жители не только притерпелись к своим каналам, но и ценят их в качестве достопримечательности. Действительно, без простодушных туристов, ни разу в жизни не видевших города без автомобилей, Венеция бы захирела. Ведь экономика ее, по правде говоря, не развита. Процентом девяносто населения живет обслуживанием ресторанов и сувенирных лавок, реализующих разнообразную экзотическую продукцию, импортируемую из Китайской Народной Республики, как-то: карнавальные маски из папье-маше для новогодних праздников, костюмы для костюмированных балов и пластиковые модели дворца Сан-Марко, расположенного на одноименной площади и расписанного золотой мозаикой, напоминающей о станции метро «Комсомольская-кольцевая», но посвященной не героической истории Венеции, а различным эпизодам из церковных книг типа Библии. Русскую водку найти довольно трудно, зато на любом углу предлагается так называемая «граппа», т. е. привозимый с материка самогон из виноградных выжимок, схожий с грузинской чачей, однако разлитый, или, как сейчас модно выражаться, бутылированный не в поллитровые пивные бутылки, заткнутые газетой, которые запомнились мне с времен молодости, а в затейливые сосуды ручного дутья. Широкий ассортимент художественного стекла всех видов и расцветок. Поскольку по законам Европейского Союза в любом предмете, продаваемом в Венеции, должна содержаться по меньшей мере половина итальянского труда, то стеклянные бусы, пепельницы, вазы, графины и бокалы, поступающие из Шанхая, завозятся на близлежащий остров Мурано, где местные стеклодувы наклеивают на них ярлычки с надписью «Ручное дутье. Венеция, остров Мурано», а затем упаковывают изделия в бумагу с репродукциями известных художников Тинторетто и Джорджоне. Самая же незначительная часть

венетянцев стоит на площадях, играя ради милостыни на музыкальных инструментах или показывая спектакли с участием Буратино, Мальвины и синьора Помидора.

Я был бы несправедлив к Венеции, если бы не отметил наличия в ней большого количества крупных церковных храмов, украшенных довольно старой росписью, также на религиозные темы. Тем не менее город производит удручающее впечатление. Переулки его кривы, подворотни темны, жилой фонд находится в неудовлетворительном состоянии, так как сплошь облез и покосился. Вместо асфальта мостовые покрыты разнокалиберным булыжником. Зеленых насаждений практически не имеется.

Между тем раздаются голоса, уверяющие, что в силу подъема уровня моря этот несуразный город лет через десять-двадцать может вообще уйти под воду. В такой ситуации естественно было бы засыпать все каналы (возможно, оставив два-три для туристов) и окружить Венецию дамбой на манер той, что уже построена в Санкт-Петербурге. Развешанные по улицам фотографии старой Венеции давали бы будущим туристам прекрасную «иллюстрацию» к тому, как был, вернее, будет спасен этот любопытный поселок городского типа, давно уже занесенный в Красную Книгу ЮНЕСКО.

2007

СМЕРТЬ В АМЕРИКЕ

Соединенные Штаты Америки уже два с лишним века, как известно, пытаются выдать себя за «оплот демократии», страну, где сбылась «американская мечта». Всякая ложь гнусна, но, может быть, самый отвратительный вид лжи — это фигура умолчания. А ведь многие аспекты жизни в «долларовом раю» остаются неизвестными за его пределами. Об этом умело заботятся рыцари плаща и кинжала.

Тех несчастных, кого заманивают в США, обещая золотые горы и реки, полные вина, обработанного сернистым газом, ждут чрезвычайно неприятные сюрпризы. В частности, никак не афишируется тот чудовищный факт, что в Соединенных Штатах Америки люди *умирают*, не выдерживая прелестей капитализма. Как явствует из «Книги фактов», выпускаемой ЦРУ под грифом «Совершенно секретно», Белый дом тщательно позаботился о том, чтобы держать эту мрачную тайну под замком. В Соединенных Штатах существует 22 тысячи (!) компаний, которые заняты закапыванием трупов в укромных местах за деньги, получаемые от родственников погибших. Их нужды обслуживает индустрия по изготовлению гробов (300 крупных предприятий) и широкая сеть крематориев, извергающих жирный черный дым в предместьях крупных городов. Статистика показывает, что на американской земле ежегодно умирает почти *два с половиной миллиона человек*! Если обратиться к секретной статистике, можно убедиться, что около 600 тысяч из них становятся жертвами сердечных заболеваний и примерно столько же отправляется в мир иной от злокачественных опухолей. Кто виноват в этом? Транснациональные корпорации, закармливающие американцев хлорированными ножками Буша и перемолотым мясом бешеных коров, напичканным гормонами и антибиотиками, в своих «Макдональдсах»? Или Белый Дом, с попустительства которого происходит это преступление против человечества?

Немало могут рассказать о Соединенных Штатах и другие красноречивые цифры. Инсульты ежегодно сводят в могилу более 130 тысяч человек. Столько же погибает от «несчастных случаев», подстроенных спецслужбами. Хваленая американская медицина не в силах спасти ни 73 тысячи диабетиков, ни 75 тысяч страдающих злоеющей болезнью Альцгеймера (как и вирус СПИДА, выведенной в тайных лабораториях Силиконовой долины, которую местные жители не зря называют «Долиной смерти»). Тридцать четыре тысячи человек каждый год сводят счеты с жизнью, не в силах дальше терпеть существование в бесчеловечном обществе. Не удивительно, что среди американских стариков частота самоубийств в 7(!) раз выше, чем среди молодежи. И, наконец, 16 с половиной тысяч становятся жертвами хладнокровных убийств.

Выводы очевидны. Не верьте американской пропаганде!

2010

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ОТЗЫВ на статьи Виктора Топорова

Радостное волнение испытал я, старый патриот, от двух сравнительно недавних статей Виктора Топорова на сайте «Частный корреспондент» (www.chaskor.ru/article/laureat_russkoj_premii_8637 и www.chaskor.ru/article/sindrom_tarasa_bulby_5508). Сладко становится на душе, когда отважные единомышленники мои, ничего не страшась, выступают на защиту российской литературы. Особенно на защиту от предателей Родины, ничтоже сумняшеся считающих себя «писателями», хотя на самом деле, как со свойственной ему глубиной отмечает любитель Родины (патриот) Виктор Топоров, они «добровольно покинули свое Отечество и, заскучав на чужбине, балуются литературой». Да и как иначе? Те, кто читал замечательную книгу Куна «Мифы Древней Греции», помнят про Антея, который своими ахиллесовыми пятками черпал силы от матери-Земли, а стоило поднять его в воздух — как терял все свои бойцовские качества, утрачивая отвагу и молодцеватость, столь свойственные православному солдату.

И действительно, мать-Россия после беловежского стовора потеряла все свои окраины. На произвол судьбы оказались брошены верные писатели, использующие великий язык Чернышевского и Тургенева. По ночам, наглухо закрыв шторы в своих юртах и мазанках, они тайком слушают радио «Шансон». Местные русофобские власти конфискуют у них пишущие машинки, чтобы перепаять кириллицу на турецкий алфавит. Не дают выездных виз в Россию, встающую с колен. Запрещают печататься в подцензурных местных изданиях. На фоне этой нищеты и безнадежности особенно отвратительны сытые хари писательствующих эмигрантов, всех этих Меклиных, Хазановых и Кенжеевых, благополучно получающих свое «социальное» пособие за измену Родине и сочинение человеконенавистнических текстовок к песням, музыку к которым пишет ЦРУ и ФБР.

201

Еще отвратительнее ведут себя члены так называемого «жюри» «Русской премии», как справедливо отмечает Патриот Виктор Топоров. Он умалчивает, однако, о том, о чем не должен умалчивать каждый Честный Человек и в чем лично я ни на секунду не сомневаюсь. Полагаю, что работа так называемых «членов» так называемого «жюри» основана на принципе отката. Собственно, Патриот Виктор Топоров на это намекает, но не доводит свою мысль до конца. А какой откат с писателей из стран Ближнего Зарубежья, у которых не хватает денег даже на стакан коньяку с лепешкой из обдирной муки? Даже если такой мальчик из казахского аула и получит «Русскую премию», вся она уйдет на долги и/или взятки местным полицейским, чтобы они реже устраивали обыски и избиения. Об откате речи не идет. Это и осознали в один прекрасный (для них) и ужасный (для русской литературы) момент члены так называемого «жюри». Они поняли, что все эти Хазановы и Гандельсманы, хотя и не принадлежат к титульной нации, с удовольствием отслюнят им некоторое количество дензнаков в свободно конвертируемой валюте, лишь бы заслужить свою георостратову славу.

К сожалению, Бахыт Кенжеев, как и Алексей Цветков, когда-то были моими учителями. В свое время я практически на коленях умолял их не предавать Родину, не менять благоуханный русский квас на химическую пепси-колу, пельмени «Московские» — на гнусный гамбургер, российскую духовность — на заграничную бездуховность. Не послушались! И, с одной стороны, расплатились за это сполна, не написав с момента предательства ни одной достойной строчки. А с другой стороны, в России находится еще идеологически незрелая молодежь, да и не только молодежь, которая за долларовые подачки, за подержанные джинсы и пустую бутылку из-под виски готова предоставлять их беспомощным виршам место на страницах журналов, приглашать их на фестивали, устраивать публичные «чтения» для этих исписавшихся графоманов и предателей Отечества. Отрадно, что сохранились у нас еще истинные Патриоты, умеющие разоблачать этих козлов в овечьих шкурах, а заодно — их продававшихся ЦРУ российских покровителей. Думается, что «Русскую премию» 2009 года необходимо в судебном порядке отобрать у зарвавшихся

литературных власовцев и отдать тем, кто ее действительно заслужил, то есть мальчикам и девочкам из киргизских айлов и молдавских деревень, умирающим от голода на обочинах грунтовых дорог. Литературные власовцы из малой Одессы, получающие в месяц по десять-двадцать тысяч евро в виде вышеупомянутого «социального» пособия (плюс особые гонорары за написание русофобских стихов), от этого не обеднеют.

Дополнительный восторг возбудила во мне статья о главном пошляке русскоязычной эмиграции, так называемом Владимире Гандельсмане. Этот, с позволения сказать, человек всегда был для меня символом всего самого русофобского и антипатриотического, что есть на Брайтон-Бич. (Справедливости ради, он там не проживает, но приезжает на своем «Феррари» минимум два раза в год закупать гречневую крупу и концентрат квасного сусла). Виктор Топоров справедливо отмечает: *«Да и попробовал бы он написать такое про Америку — и в Америке же опубликовать! «Чемодан — вагон — Израиль!» — вот что наверняка сказали бы заезжему пакостнику по фамилии Гандельсман иммиграционные власти США»*. Только не «наверняка» (тут Патриот Виктор Топоров слишком оптимистичен), а совершенно точно! Существует в США секретный закон, по которому любому иностранцу (включая официально получивших американское гражданство — для чего, как известно, выходцам из бывшего СССР требуется плевать на икону Богородицы Всех Скорбящих и сморкаться в российский флаг), который клеветает на американские порядки, без суда и следствия вручают чемодан и сажают его на поезд в Израиль (если еврей) или в Освенцим, штат Оклахома, где имеются соответствующие технические средства для решения возникшей проблемы.

Мне тоже кажется, что изменник Родины, даже лицемерно сохраняющий российское гражданство, подобно Гандельсману, является, по остроумному выражению Российского народа, «отрезанным ломтем». Уезжающий за границу за длинным долларом («колбасная эмиграция», все эти бродские и лосевы) и даже высланный туда за преступления против Отечества (солженицыны, синявские, буковские) навсегда теряют право называться русскими писателями и выступать

от лица своих бывших соотечественников. Да и в хваленной Америке, между прочим, практически не печатают Хемингуэя, мстя великому писателю за его жизнь на свободолюбивом Острове Свободы!! И когда жалкий предатель Гандельсман, урча от предвкушения очередной долларовой подачки, нагло употребляет слово «мы» — мне становится тошно от омерзения. Ибо МЫ строим новую Россию, МЫ — энергетическая сверхдержава, МЫ — освободители Южной Осетии и Абхазии от векового белогрузинского ига, МЫ себя под Путиным чистим, чтобы плыть в революцию дальше. Я считаю, что, скажем, житель Буркина-Фасо, сбежавший в США за гамбургером, тоже навсегда теряет право называться негром и говорить «мы». Пусть ломает шапку перед встречными белыми, пусть ползает на четвереньках, выискивая в пыли 25 центов, брошенные ему за предательство!

Одним словом, спасибо Патриоту Виктору Топорову. Потешил старика, пролил бальзама на душу. Хотел написать «Рижского бальзама», так нет, не купишь его теперь, после беловежского сговора. Но ничего, выстоим!

2009

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА 2003–2009

ПЕРВОЕ ПИСЬМО А. П. ЦВЕТКОВУ

Дорогой Алексей Петрович!

Что уж скрывать, огорчили старика своим панегириком поэту Сергею Гандлевскому. Было время, я тоже его стихи запоминал наизусть (хотя и не при помощи винчестера, как Вы выражаетесь, — я человек мирный, огнестрельного оружия не имею). Но это когда мы были молоды и беззаботны и, по выражению поэтессы Юнги Мориц, «чушь прекрасную несли». А теперь, когда седина уже сквозит, по выражению другого поэта, «стыдно молвить где», настала эпоха оценок менее пристрастных и основанных не на старой дружбе, а на объективных заслугах литератора перед Отечеством.

Вы сравниваете Ваше протеже Сергея Гандлевского с поэтами Бродским и Окуджавой. Цитируете его сочинение про улицу «Орджоникидзержинского», хотя такой улицы нет не только в Сокольниках, но и вообще в г. Москве! Голословно утверждаете, что Гандлевский якобы написал портрет эпохи.

А мне кажется, что при всем несомненном таланте Гандлевского портрет эпохи ему написать не удалось. Точнее, это портрет клеветнический, написанный с мещанско-богемных позиций. С «кочки зрения», если угодно, безответственного «чистого лирика», раздираемого на части (тут Вы верно отметили), с одной стороны, романтической сентиментальностью, а с другой стороны — ценизмом.

Ваш бывший товарищ по литературном цеху подросток Савенко, когда еще посвящал себя литературе, а не борьбе с нелегальными лицами кавказской национальности, сочинил замечательную книгу «У нас была величайшая эпоха».

А ваш Гандлевский пишет про своего отца, что тот «хвалил многопартийную систему». Все мы знаем, до чего нас довела эта «много-

партийная система», только мешающая В. В. Путину быть избранным Пожизненным Президентом, чего от души желает весь сознательный российский народ.

По-Вашему, Алексей Петрович, «стихи Гандлевского... это микроскоп всего, что произошло со страной за время их написания». Тут-то Вы и проговариваетесь! Именно о мелком, микроскопическом косме идет речь в этих стихах. Теперь у нас в стране, слава Богу, национальное примирение и согласие. Товарищи Голощекин и Белобородов почитаются так же, как св. Великомученик Император Всея Руси Николай Второй. Таким образом, эпоха оставила нам героев двух сортов: преданных борцов с богопротивной властью, с одной стороны (например, академика Сахарова), и убежденных большевиков, которые жизни не жалели за светлое будущее человечества (тов. Менжинский, да и тот же Орджоникидзе-Зержинский, или «Серго», как ласково называли его товарищи по партии, — прекрасные примеры). А на чью воду лил мельницу Гандлевский при Советской власти? Иными словами, с кем вы, мастера культуры?

Гандлевский занимал позицию внутреннего эмигранта, которому было чуждо все человеческое. По его стихам не узнаешь ни о героических свершениях освобожденного народа (запуск спутника, построение коммунизма в одной отдельно взятой стране), ни о самоотверженной борьбе Иосифа Бродского и Владимира Буковского с богопротивным режимом. Вы сами констатируете: «то у него любимая старится на глазах, то шофер автобазы укладывает всю предстоящую (и прошлую, «махаловку в Махачкале») жизнь в несколько строк...». **Со страниц его книг перед нами проходит галерея, целый ряд деклассированных «героев», и даже светлое, пионерское детство предстает в мрачных, надуманных, апокалиптических тонах.**

В то время, как молодежь, распевая песни Пахмутовой на слова Гребенникова и Добронравова, трудилась на стройках коммунизма, а отважные диссиденты печатали на гектографах листовки, Ваш Гандлевский, по-Вашему, сливался со временем? Нет! В то время активно творили такие выдающиеся Поэты, как Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Кушнер, Соснора, Коржавин. Вот они-то, пользу-

ясь афоризмом любимой Вами поэтессы, и были тогда со своим народом там, где этот народ, к счастью, был.

Особо коснусь поэта Окуджавы. По-Вашему, он отвлекал советский народ от борьбы с коммунистическим режимом. А по-моему, ему просто не хватало гражданской смелости, или, по-иному выражаясь, гражданской отваги. А песенки про Арбат, который новые правители поруганной России превратили в торговые ряды для иностранцев, были, при всей их незрелости, мелодичные и трогательные, немногим хуже Визбора или Клячкина. (Я вот до сих пор, как услышу со старой пластинки «Лыжи у печки стоят...» — слезы наворачиваются на глаза...)

От души Ваш
Ремонт Приборов

2007

ВТОРОЕ ПИСЬМО А. П. ЦВЕТКОВУ

Дорогой Алексей Петрович!

Пишет Вам старый Ваш знакомый Ремонт Приборов. Вы, должно быть, моих последних стихотворений не читали, да и немудрено: уже который год обещают мне выпустить в свет книгу моих избранных «опусов» в издательстве ОГИ, а воз, как говорится, и ныне там! Должно быть, господам издателям не удастся впрячь в него коня (современный мир капитализма) и трепетную длань (лирического поэта), но я не жалуясь. Обидно только, что других поэтов, куда менее даровитых, чем ваш покорный слуга, все-таки издают, а некоторых, отмеченных печатью истинного таланта и служения, пытаются замолчать, или заставить замолчать, что, в сущности, одно и то же.

Опасаясь, впрочем, что дело тут не столько в разной степени божественного дарования, сколько в причинах, имеющих лишь весьма косвенное отношение к высокому миру Поэзии.

Ведь в прежней России Поэзия уважалась, а иногда даже становилась краеугольным камнем. А в нынешней России, несмотря на все самоотверженные усилия Владимира Владимировича ПУТИНА, Юрия Михайловича ЛУЖКОВА и Дмитрия БЫКОВА, процветает наплевательское отношение к искусству, особенно к стихотворному. Население, охваченное потребительской лихорадкой, заимствует жизненные идеалы у граждан США и других агрессивных стран, известных своим культом доллара, а в последнее время — и евро.

И вот что подозреваю в ходе размышлений во время старческой своей бессонницы: издаются лишь те поэтические книги, которые тщатся подорвать традиционные устои великого русского народа! Разрушить его обычаи, заставить одеваться по-немецки, питаться супом из моллюсков и подогретыми собаками! Читать еретическую

Лютерову Библию и богопротивное сочинение «Гарри Поттер и код Да Винчи»!

Этим целям, боюсь, служит и так называемая современная поэзия, которую насаждают так называемые издательства с кощунственными названиями типа «Пушкинский Фонд», «ОГИ» («Объединение гомосексуалистов-иностранцев»), «Вагриус Бахчанян» и т. п.

Простите меня, старика, за затянувшееся «предисловие», но уж очень о наболевших, можно даже сказать, «проклятых» вопросах идет речь. Сегодня они, конечно, вряд ли кого волнуют, кроме отживающих свой век патриотов Родины. А ведь было время, когда и мы с Вами, Алексей Петрович, угощались национальным великорусским напитком на известной тушинской жилплощади, и Вы тогда еще не были озлобленным эмигрантом, поносящим все российское, и тоже задавались этими вопросами («Кто кого?», «Что делать?», «Кто виноват?», «Как нам реорганизовать Рабкрин?»).

В нынешние же годы Вы, уважаемый Алексей Петрович, к сожалению моему, тоже влились в плеяду тех поэтов, книги которых пригреты на груди вышеупомянутыми издателями в видах поощрения модернизма и бездуховности. Горько мне заявлять об этом прямо Вам в глаза, однако недаром воспитан я комсомолом и партией в духе честности и откровенной самокритики. С этими заветами я не расстанусь ни за какие гамбургеры с камамберами, ни за какие шпикачки и кнедлики, на которые Вы, извините, променяли почти все святое!

Прошу Вас только не обижаться, не принимать слишком близко к сердцу мои откровения. Сорвалось с языка, простите. Я не для того пишу, чтобы Вас оскорбить, а исключительно рассчитывая Вам помочь исправить свои поэтические ошибки и радостно вернуться на путь истинный.

Книгу Вашу «Шекспир отдыхает» я открывал, оживленно предчувствуя радость встречи со старым другом и товарищем по поэтическому цеху, с тем Поэтом, перу которого принадлежат такие волшебные, не побоюсь этого слова, строки, как «Нет особого вопроса в рассуждении простом», или «Лишь копытом землю роет да пугает детвору», «Измерена жизнь славянину». Чувство безнадежного разочарования охватило меня по прочтении этого проамериканского, ан-

тирусского, упадочного сборника, где прогрессивный писатель Шекспир, известный своим демократизмом, отдыхает почему-то на лучшей из двух кроватей. Я отложил ее в сторону, решив не огорчать Вас своим непросвещенным суждением.

Однако же, приобретя на свою скудную пенсию очередной выпуск журнала «Арион», обнаружил там статью о вашем сборнике, написанную известным литератором Диалогом Платоновым, лауреатом «Узбекской премии» прошлого года за лучший «Ташкентский роман», написанный на таджикском языке. Вы, должно быть, знакомы с этой рецензией, а жаль! Даровитый узбек, не посвященный в ухищрения сегодняшних бессовестных модернистов, читает Ваши стихи свежими глазами, выносит здравые суждения рядового читателя. Да, рядовой читатель ленив и недалек. Но ведь Вы не будете спорить, уважаемый Алексей Петрович, с афоризмом великого Некрасова, который однажды обмолвился в том смысле, что стихи пишет народ, а мы, поэты, их только аранжируем?

Вот и у меня, добросовестного и патриотического литератора, «по мере вникания в новую книгу Алексея Цветкова чувство недоумения не исчезло, а зато сгустилось в несколько вопросов».

Справедливо отмечает Диалог, что «с первого стихотворения до последнего» в сборнике «перемалываются одни и те же образы, приемы, настроения. Езда без пользы. Лицо без глаз. Полые плащи. Тела без кожи. Анатомический театр». Я бы добавил особенно возмущившую меня строку про то, как «развернули — и пусто внутри». Если меня, по Вашему неудачному выражению, развернуть, например, для удаления аппендицита, то внутри обнаружится весьма стройное устройство человеческого тела, такие органы, как печень, селезенка, легкие, а главное — сердце, тот удивительный мотор, который не только перекачивает кровь по венам и артериям, но и заставляет нас любить Поэзию. Зачем же Вы называете это чудное устройство «вредным истопником»? Откуда в Вас этот пессимизм на грани злопыхательства? Если Ваша жизнь космополита и атеиста не удалась, то зачем же навязывать этот упадок сил ни в чем не повинному читателю?

Удачно припечатал Вас молодой таджикский писатель и там, где ставит вопрос об идее Вашей новой книги. «При всей выпренности

пастернаковского: «Ты — вечности заложник // У времени в плену», в нем все же есть некая, пусть и не очень новая, идея; но что есть в: «ты вечности всей подневольный гонец»?» К тому же с жабрами! Как так! Да, если Б. Л. Пастернак оптимистичен, то Вы — безнадежно пессимистичны в этих стихах, как, впрочем, и во всех остальных. Или такие стихи:

Дробная россыпь черных грачей в ландшафте
Или людей впереди один на лошадке
Это к нему с виноградного склона слева
Скачет ручная серна и машет дева
Лен полыхнет синевой озаряя твердь
Посох коса и страннику имя смерть, —

что это, если не словесный сор, наскоро наживленный на рифму и назойливую звукопись?

Вы в своих модернистских упражнениях даже на ПУШКИНА поднимаете свою окровавленную руку. Но ПУШКИН «глаголом жег сердца людей», а Вы себя прямо разоблачаете: «пусть не пророк».

И даже свою любимую бездуховную Америку Вы оклеветываете в этой книге. Ваша некрасивая героиня одного стихотворения, разочаровавшись в расизме и эксплуатации, даже уезжает в Камерун!

«А в целом — впечатление искусственности, распада поэтического текста, словесной и смысловой ткани...»

Вот, Алексей Петрович, на какие избранные места из статьи талантливое ташкентца хотел обратить я Ваше внимание.

Конечно, у Вас или Ваших друзей-модернистов найдутся и аргументы в Вашу защиту. Вы можете подчеркнуть, что «мрачность», в которой упрекает Вас Диалог Платонов, не является недостатком поэзии, сославшись на таких буржуазных мракобесов, как Баратынский или Тютчев. Вы отважитесь даже высказаться в том смысле, что «смысл, драматургию и композиционную выстроенность», в отсутствии коих упрекает Вас доброжелательный критик, в этих стихах отыскать нетрудно, если прочесть их с должным вниманием. Будете уверять, что страшный век заслужил страшных, разорванных сти-

хов. (Баратынский отдыхает.) И, наконец, сошлетесь на беззащитную лирическую струю, чистую печаль по утраченным местам и временам, которая занимает в книге совсем не последнее место, противостоя стихам о распаде.

Но все это будет демогией, дорогой Алексей Петрович! Я Вам просто, по-стариковски скажу, цитируя того же ПУШКИНА:

Нет, если Вы небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляйте:
Сердца собратьев исправляйте.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.

И Вы могли без стыда

Давать нам смелые уроки,

А мы послушаем тогда.

Учитесь у ПУШКИНА, следуйте его примеру, а про модернизмы свои забудьте — и старик Приборов первый протянет Вам руку уважительного жеста!

С профессиональным приветом

РЕМОНТ ПРИБОРОВ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО М. П. ШИШКИНУ

Уважаемый писатель Михаил Шишкин!

Знаете ли Вы о существовании всемирной веб-сети «Интернет»? Известно ли Вам, что с помощью этой повсеместно протянутой паутины легко устанавливаются связи между самыми отдаленными уголками мироздания? Если бы Вы осознавали ее бытование и обладали персональной ЭВМ, то могли бы, например, получать от меня письма со скоростью если не света, то звука! Всемирная Сеть позволяет также читать газеты и журналы, не тратясь на их приобретение и не нанося экологического ущерба окружающей нас среде, смотреть кинофильмы, заказывать на дом молодежных массажисток и открытый итальянский пирог с сыром и томатной пастой, так называемую «пиццу».

Я, грешным делом, хоть и специалист пожилой и практически ветеран трудового подвига на пользу нашей православленной Родины, которую пресловутому М. С. Горбачеву вместе с дружкой его актером Рональдом Рейганом так и не удалось отправить на свалку новой истории средних веков, но, будучи по высшему образованию инженером, преобразующим неживой металлоид в насущные для бурного человечества предметы, обладаю склонностью уважать душевные новинки техники и научных сведений. Интересуюсь при этом и достижениями нашей национальной культуры, в особенности беллетристикой. Да и вы, должно быть, состоя сами в писателях, неравнодушны к печатному слову. Уверен, что не одну бессонную ночь провели Вы за творениями коллег-писателей, ища в них источники Вдохновения, о котором так вдохновенно сочинял выдающийся ПУШКИН, нерукотворный камер-юнкер Всемирной Отзывчивости Русского Народа.

Тут и придется мне преступить к нелюбимому сегменту своего эпистолярного упражнения. Поскольку, изучая Всемирную Веб-Сеть в рассуждении немного сберечь своих скудных финансов на закупку книг, газет и журналов, которые в нынешней капиталистической России недоступны простому человеку, я нередко наталкиваюсь там на Вашу фамилию знаменитости и лауреата почтенных литературных наград, избегающего российских трудностей переходного периода в шведском городе Цюрихе. Ваши рассказы и поэмы переводятся на иностранные языки, имеют определенные круги и в России, которую мы потеряли.

Что скрывать! Рубну плеча: уж не знаю, для кого Вы пишете свои романы, может быть, для какого-то идеального читателя, но ваш тапнупорус «Взятие Измаила» я так и не осилил, простите старика, может быть, в силу своей незавершенной культурности, а уж «Венерического волоса» даже и поленился скачать из Всемирной сети, чтобы не кидать коту под хвост два с полтиной, то есть цену увесистой тамбовской картофелины, за лишний трафик. Тем не менее всегда относился к Вам с уважением как молодой прогрессивной надежде Русской словесности.

И вот, читая на экране своей ЭВМ свежую «Литературную газету», я обнаружил в ней разгневанную статью члена Союза писателей Санкт-Петербурга, лауреата Ахматовской премии за 2004 год, которая прозвучала как диссонанс (неблагозвучие) в стройном хоре Ваших поклонников! Даже осмелюсь настаивать, что она прогремела как Ссудная Труба, в которую до сих пор верят отдельные несознательные граждане нашей великой Родины.

Поскольку вряд ли в Вашей бездуховной Швеции есть доступ к ЭВМ и Всемирной Паутиной Сети, да и российские газеты, особенно «Литературная», сомнительно чтобы доставлялись нарочным в киоски «Союзпечати» г. Цюриха, сообщаю Вам, что известный поэт обвиняет Вас в том, что Ваш роман «Венерический волос» практически целиком* списан с романа Мариэтты Шагинян под тем же названием, опубликован-

* Член Союза Писателей и лауреат поймал вас за руку в случае одного абзаца из книги Шагинян, который Вы, слегка отредактировав, вставили в свой «роман». Но для читателя важнее сам факт плагиата (литературного воровства), чем его объем. Укрывший меч от меча и погибнет, как мудро выражаются в нашем многотрудном народе.

ного в 1923 году. А включенные в него стихи переписаны — с незначительной правкой, только ухудшающей оригинал — с его собственных стихов, сочиненных совместно с одной московской поэтессой!

ПУШКИН — практически наше все. Не зря в одной из своих небольших трагедий он устами другого великого музыканта утверждает, что гений и злодейство несовместимы. То есть гений не может быть злодеем, а злодей, соответственно, гением. Иными словами, если скрипач — злодей, то никакой гениальности в нем наблюдаться и тем более процветать не может по определению. Если же он гений, то тоже не станет красть у саксофониста табакерку или доносить на него в ФБР. В другом произведении своего бесценного наследия ПУШКИН подчеркивает также: «Поэзия ниже нравственности, или, по крайней мере, совершенно другое дело». Понятно, таким образом, что безнравственный индивид (стиляга) никогда не станет проникновенным поэтом, у него не будут ни «мысли в голове волноваться в отваге», ни «рифмы легкие навстречу им бежать», и злополучная судьба Франсуа Виллона тому убедительный пример.

Простите старика за это лирическое отступление, или лучше сказать, «наступление». Но плагиат, как метко предъясвляет Вам автор статьи в ЛГ, тоже злодейство!

Допустим, Вы заимствовали бы из книги Мариэтты Шагинян десяток предложений и вставили бы их в свое сочинение с целью «столкнуть различные контексты», или как там выражаются у вас, замысловатых профессиональных писателей. Что ж, друзья, посмеявшись Вашему головотяпству, указали бы Вам на то, что разумнее все-таки обозначить источник обширной цитаты, особенно если она не отличается заведомой узнаваемостью, пожурили бы Вас за художественный просчет. Тем бы и кончилось.

Но увы, Ваш «проступок» куда пагубней. За такое литературная общественность не прощает.

Был такой известный в свое время поэт-акмеист — О. Э. Мандельштам. В том же 1923 году или около того он украл у своей тогдашней подруги Анны Ахматовой строчку «как беличья распластанная шкурка», а в 1928 году похитил у переводчика Горнфельда перевод книги «Тиль Уленшпигель», за что и был пригвожден к позорному столбу. Покрытый

ПЕРВОЕ ПИСЬМО П. А. ОБРАЗЦОВУ

общественным призрением, он покатился по скользкой дорожке и окончил свои незадачливые дни в исправительно-трудовом учреждении за контрреволюционный плагиат и антихудожественную деятельность. Прочно забыт ныне и драматург Шекспир, своровавший сюжеты своих пьес «Гамлет» и «Король Лир». Умер в нищете и забвении беззащитный плагиатор Дюма-отец. Примеры эти можно было умножить.

Все эти горе-авторы, конечно, тоже оправдывались какими-то художественными задачами, не отменяющими, однако, их злодейств.

И не случайно вместо стройного хора Ваших бывших почитателей во Всемирной сети теперь звучит не менее слаженный кворум праведников, в том числе литераторов, которые до глубины возмущены Вашим бессердечным деликтом. «Вор — всегда вор!» — подытожил их мнение чтимый мною молодой лирник Алексей Цветков. Он прав — не зря граждан Соединенных Штатов, похитивших в универсаме сардельку, немедленно отводят в газовую камеру, установленную на заднем дворе, не зря была введена мудрым СТАЛИНЫМ в Уголовный кодекс СССР статья о колосках. Признаться, читая разгневанные отклики на Ваш безобразный поступок, меня одолевает щемящее чувство «ностальгии». Порою кажется, что я вновь попал в бесконечно любимую эпоху партсобраний, на которых товарищи наставляли заблудшего на путь истины, указывая на неблагоприятное.

Уважаемый (пока еще) писатель Шишкин, послушайте старика, покайтесь. Зла я вам не желаю. Телеграфируйте в Литературную Газету и Всемирную Сеть Интернет надлежащую депешу, сообщите своему издателю, чтобы он отозвал тираж книги из магазинов и во имя справедливости заклеил Ваше имя на обложке именем беспартийной большевички Мариэтты Шагинян, а гонорар за книгу в шведских кронах отправьте ее прозябающим правнучкам. Не стыдно ли печататься и получать литературные премии за чужое произведение под тем же названием? Мариэтта Шагинян, замученная СТАЛИНСКОЙ тиранией, пережила свою заслуженную славу. Вы могли бы восстановить справедливость и стать глашатаем, оракулом и орнитологом ее памяти в наше трудное время.

С уважением,
Ремонт Приборов

Любезный Петр Алексеевич!

Хочу задать Вам вопрос. В каком месте планеты не работает известная поговорка Остапа Бендера «Нет, это не Рио-де-Жанейро»?

Как говорится в популярном грузинском анекдоте, ТИ ЗНАЛ! Я и впрямь побывал в Рио-де-Жанейро, столице великой Бразилии, чей зелено-желтый флаг, отчасти смахивающий на футбольную майку, украшен лозунгом «ПОРЯДОК И ПРОГРЕСС».

Порядок и прогресс в Бразилии охраняется полицией военной, полицией гражданской, армией, народными дружинниками и бомбейросами. Последние, правда, вовсе не бомбят мирное население, как можно было бы подумать, а занимаются тушением пожаров.

Жители Рио-де-Жанейро делятся на две категории.

Представители первой категории ходят по пляжу и предлагают загорающим представителям второй категории различные товары народного потребления, как-то: черные очки, взломанные кокосовые орехи с соблазнительно торчащей соломинкой, национальный чай из степной травы мате, купальники, прикрывающие два квадратных сантиметра тела, и жестяные банки самогона из сахарного тростника (который по-правильному называется кашаса, но поскольку этого слова запомнить невозможно, следует именовать его «кошачья» или «киншаса»).

Это происходит по четным дням.

По нечетным дням представители второй категории меняются местами с представителями первой категории.

Улицы в центре Рио называются, как правило, в честь национальных праздников, приходящихся на разные дни года. Например, улица 10 сентября, улица 7 сентября, улица 15 марта и т. д. Главная улица

названа в честь, кажется, 14 ноября, дня окончательной победы над уругвайским агрессором в 1820 году.

Поскольку в Рио заведомо больше 365 улиц, то остальные называются в честь различных представителей семьи Де Мораесов, один из которых прославился сочинением слов к песне «Девушка из Ипанемы». Тем самым обессмертив и остальную родню.

Что до войны с Уругваем, то она оставила незаживающую рану на теле свободолюбивого бразильского народа. До сих пор при слове «Уругвай» любой патриот Бразилии хватается за мачете. Примерно через каждые триста метров в городе стоит памятник отважному бразильскому солдату, умирающему от подлой уругвайской пули. Поскольку бразилец твердо усвоил, что лучше умереть стоя, чем на коленях, то отдают они Богу душу также стоя, хотя и слегка согнув колени, а главное, крепко сжимая казенную трехлинейку. При этом над ними пролетает чугунная мать-Бразилия, шепча слова утешения и наливая в чугунный стаканчик изрядную порцию кошачьей.

Гордость Рио-де-Жанейро составляют аптеки. Проходя по главному проспекту Ипанемы, курортного пригорода, я за четыре минуты насчитал их одиннадцать штук. Все они бойко торговали, что отчасти примирило меня с прискорбной малочисленностью открытых кафе, ресторанов, интернет-клубов и домов терпимости. Впрочем, имеется предположение, что жизнелюбивый бразилец не зря, заходя в аптеку, почему-то спешит в задние помещения. Может быть, там и расположены все перечисленные утехи цивилизации?

Язык бразильца несложен. Привожу небольшой русско-бразильский словарь.

Кока-кола	Кока-кола
Водка «Наташа»	Водка «Наташа»
Кашаса	Кашаса
Торговый центр	Шоппинг
Порядок и прогресс	Ордер эм прогрессо
Бразилия	Бразил
Город Бразилия	Бразилия
Нет	Няо

Лимон	Лимяо
Революция	Революсяо
Груша	Грушао
Манго	Манга
Папайя	Мамайя
Сок	Суко
Гостиница	Хотел
Частная квартира	Не хотел
Фарофа	Фарофа

И так далее. Добавлю, что туалет (который в Бразилии называется «санитария») делится на masculina, feminina и infantile, т. е. мужественный, женственный и инфантильный. Поэтическая нация!

Довольный бразилец, желая выказать вам свою симпатию, поднимает большой палец в точности как в России.

Недовольных бразильцев не существует.

ЧЕМ ПИТАЕТСЯ БРАЗИЛЕЦ

Основной продукт питания бразильца — так называемая фарофа, см. вышеприведенный словарь. Говорят, что она делается из подсушенной и обжаренной тапиоки, а может быть, и маниоки. Подают фарофу к любому блюду в виде горки порошка, отчасти похожего на панировочные сухари, но скорее все же на толченые опилки. Вкус фарофы в точности отвечает ее внешнему виду. Вторым популярным продуктом питания — мясо убитой тропической коровы. Бразилец нарезает его на окровавленные куски, после чего жарит на огне, предварительно посолив, а перед подачей на стол отбивает вкус убоины настойкой красного перца. Обычная ресторанная порция мяса умерщвленной тропической коровы тянет килограмма на полтора, а с учетом прилегающей фарофы, жареной тропической картошки, тропического риса и тропических черных бобов — и на добрых три. Бразилец питается также тропическими пирожками, весьма похожими на чебуреки, тропическим мороже-

ным всевозможных анилиновых цветов и соком тропических фруктов, выжимаемым прямо на глазах у разомлевшего туриста. Впрочем, на улицах Рио-де-Жанейро можно заметить многочисленные подобию средневековых пыточных машин, рядом с которыми хранятся объемистые вязанки бамбука. При ближайшем рассмотрении бамбук оказывается сахарным тростником. Агрегат, дребезжа ржавыми шестеренками, дробит бамбук и извлекает из него мутную, но не слишком противную на вкус жидкость, особенно если продавец добавит в нее немножко сока лимая (см. словарь). Из бамбукового жмыха изготавливают фарофу (см. выше).

ЧТО ПЬЕТ БРАЗИЛЕЦ

Бразилец, как и любой другой житель нашей планеты, пьет пиво, которое в этой дивной стране имеет идеологический смысл, самым своим названием подчеркивая идею дружбы с Индией («Брахма»), укрыательства военных преступников («Кайзер») и справедливой войны с Аргентиной за исконно бразильские земли («Антарктика»). Пьет он также киншасу и бразильское вино, не считая водки «Наташа», «Столхая водка русская» и «Жываго». Киншаса, подкрашенная карамелью, продается под названием Conhaque. По вкусу она напоминает напиток, который я пробовал в Турции; правда, тот именовался Капуак и изготовлялся из той же карамели, но на основе технического спирта. Отмечу, что для того, кто не отправился в лучший мир, отведая напитка «Коньяк азербайджанский», ни Conhaque, ни Капуак не представляют опасности для жизни.

Бразильское красное вино пить еще невозможнее, чем молдавское мытищинского разлива. Впрочем, то же самое можно смело утверждать и о вине белом. Бразильскую водку я, не имея суицидальных наклонностей, отведать не отважился. Что до благородной киншасы, то она, как уже было сказано, представляет собой самогон различной степени очистки. Будучи старым пьяницей, я поинтересовался, завозится ли в бесчисленные аптеки города Рио-де-Жанейро медицинский спирт для растирания. Ответ поло-

жителен. Однако спирт этот (крепостью сорок градусов), во-первых, денатурирован, а во-вторых, стоит заметно дороже киншасы, так что наколоть бразильское правительство мне не удалось. Приличную киншасу отдадут за три доллара литр, выдержанную марочную — за много-много долларов, а самую простенькую, расфасованную в пластмассовые бутылки, уступят и за доллар литр, т. е. примерно по цене минеральной воды. Кстати, спирт продается не только в аптеках, но и на бензоколонках. Так могучая держава избавляется от нефтяной зависимости. Залить бензобак спиртом несколько дешевле, чем бензином, однако пробег при этом будет раза в два меньше. Простой бразилец в последнее время начал, говорят, понимать цену патриотизма и нефтяной независимости, так что автомобилями, разъезжающими на спирте, переполнены все магазины подержанных машин.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Высшей ценностью бытия бразильское правительство считает иностранную валюту. Поменять доллар на реал легко, а наоборот — вряд ли. Кроме того, в согласии с идеями чучхе, Бразилия не желает зависеть от импорта и производит все необходимые для жизни товары самостоятельно. Даже на донышке граненых стаканчиков, весьма похожих на советские, написано гордое слово Brazil. Ввозимое же из внешнего мира облагается несусветными пошлинами. Например, если литр водки «Байкал» с гордой надписью «Industria Brasileira», т. е. «сделано в Бразилии», может перейти в вашу собственность доллара за три, то за литр нашей родной «Столичной» почему-то просят сорок долларов. Даже вездесущего китайского товара в Бразилии днем с огнем не сыщешь. И всю одежду, обувь и предметы быта бразилец производит сам, создавая рабочие места и экономя драгоценную валюту. Для того, чтобы составить представление о бразильской одежде, рекомендую моим московским или алматинским друзьям съездить на оптовый рынок, а американским — зайти в любой магазин на 14-й улице Нью-Йорка.

Поскольку Бразилия — страна развивающаяся, то девушкам приходится экономить на одежде. Денег у них хватает лишь на то, чтобы покрыть довольно незначительную часть тела, причем лифчики считаются предметом роскоши.

Кроме того, продолжительность жизни здесь невелика. Ничем иным я не могу объяснить того явления, что улицы Рио-де-Жанейро переполнены полуголыми юными девицами, а пожилые женщины более или менее отсутствуют. Не берусь утверждать наверное, но, видимо, некоторые разновидности девушек (некрасивых, с кислым выражением лица, с бюстом меньше, чем плод папайи, или с ногами короче полутора метров) высылают из городов на заготовки араукарии и красного перца. Во всяком случае, эти подвиды в Бразилии практически не встречаются.

Надеюсь, дорогой Петр Алексеевич, что эти краткие заметки помогут вам проникнуть в загадочную душу бразильского народа. В скором времени надеюсь их продолжить, а пока остаюсь искренне Ваш

Ремонт Приборов

Монреаль, 10 апреля 2003 г.

Здравствуйте, дорогой Петр Алексеевич!

Давненько не посылал я Вам проникновенных посланий о житействе в далекой и еще два дня тому назад довольно-таки заснеженной Канаде. Но весна, как говорится, входит в свои права, берет свое! Скоро зажурчат атласные ручейки, вернуться на Родину скворцы и огласят живописные окрестности, радуя пейзажем (фермеров), празднующих праздник сбора кленового сиропа, который в наших диких краях, доложу Вам, любезный Петр Алексеевич, с успехом заменяет недостаточным обывателям и тростниковый, и даже свекловичный сахар!

В тот раз, помнится, дружеская моя «депеша» была посвящена компьютерам. Много, много воды утекло с тех пор, так сказать! Вы тогда еще в глаза не видели компьютера, а за миновавшие три года они, как я слышал, стали и в России явлением привычным и даже разводятся в одном бывшем «колхозе» в Воронежской области. В Канаде же (доложу Вам, дорогой Петр Алексеевич) от них уже совсем житья не стало, ибо расплодились без меры, нарушая природное экологическое равновесие. Рано мы радовались, считая их полезными насекомыми. И многие доверчивые фермеры, которые польстились на легкий заработок, ныне залезли в долги, а иные и прогорели, имущество их пошло с молотка, а непроданное аппаратное обеспечение отправилось на мясокомбинат по дешевке, еще далеко не нагуляв товарного веса!

Но что же я все о грустном? Есть в нашей заокеанской жизни и скромные радости. Вот, например, известно ли Вам, многоуважаемый Петр Алексеевич, что жители Канады зарабатывают ужасно много денежных знаков? В недоброй памяти времена коммунисти-

ческой тирании коммунистические правители из так называемого ЦК КПСС — ЧК — НКВД бесовестно обманывали российский и чешский народы (т. е. лгали им), утверждая, что за океаном царствуют безработица и эксплуатация. Неправда это, как Вы, вероятно, и сами знаете из прогрессивной газеты «Коммерсантъ» и умственного телевидения «Эхо Москвы». У всякого канадца есть за душой работа или служба, а у кого нет — имеются альтернативные источники дохода, и головокружительного притом! Вот и я, например, вырезанием и раскрашиванием матрешек зарабатываю тут изрядные суммы в долларах, которые затем имею полное право издержать на сколько душе угодно джинсов американских фирмы «Ливайз», «Мерседесов» и безалкогольного напитка «Smirnoff». Не скрою, что оборотная сторона богатства — пресыщение. Несколько увлекшись, этих джинсов у меня, хоть и разных фасонов, уже восемнадцать пар, а уж о «Smirnoff» и «Мерседесах», которыми забиты все шкафы, и не говорю!

Но есть и другая оборотная сторона, менее приятная!! А именно, подавляющую часть своих больших тысяч всякий канадец, как ни странно это звучит для Вас, обязан добровольно отдавать государству. Справедливо считается, что в обмен оно предоставляет ему разнообразные высококачественные услуги, т. е. содержит, например, суды, тюрьмы и налоговые инспекции, не позволяя их обитателям разбегаться и терроризировать мирное население. Эти регулярные платежи, как Вы, вероятно, не знаете, называются «налогами» (только не путайте с наложницами мужского пола, которые, согласно Тацит и Гераклиту, существовали в древних Помпеях!).

Предвижу Вашу ироническую усмешку, уважаемый Петр Алексеевич. «Разве в России, — возмутитесь Вы, — нет «налоговой» инспекции и «налоговой» полиции? Разве не является уплата «налогов» в нашей стране необходимым условием спокойного сна?» Эх, Петр Алексеевич, милый Вы мой, послушайте словоохотливого старика. Конечно, теоретически в России «налоги» предусмотрены, даже объемистый «налоговый» кодекс напечатан за казенный счет, да кто же их платит, кроме полных отморожков? Кого они волнуют? Может, конечно, Чубайс и платит, я его не спрашивал. Может, и Абрамович платит. Ну ладно, Зюганов. А еще кто?

Да! Покуда коммунистические правители тщетно пытались построить коммунистическое «светлое будущее», в Канаде успешно развивался свободный экономикс, а главное — гражданское самосознание. И продукт его налицо — это честные граждане, которых хлебом не корми, но дай заплатить налог в положенный срок! Вам, должно быть, неизвестно, дорогой Петр Алексеевич, а стоит наступить Новому году — и у величественных дворцов канадской налоговой инспекции начинают мерзнуть, потапывая ногами, тысячные очереди рачительных граждан, размахивающих своими чеками, чтобы любимая Родина получила причитающиеся ей денежки сразу, без задержки на переправку чека по почте. И заметьте — все это происходит *совершенно добровольно!* Далеко, ох как далеко нашей России до такой гражданской ответственности!

Но — на Бога надейся, а сам не плошай, гласит мудрая русская поговорка. Так и канадское правительство, проливая слезы умиления над честностью и энтузиазмом своих граждан, в общем, жалеет их, бедолаг, от души стремится избавить их от того, чтобы маяться в патриотических очередях. Потому-то и у всех работающих по найму налог предусмотрительно вычитают понемножку прямо из зарплаты, а работающего, чтобы не нервировать, при этом даже и не спрашивают. Более того! Обычно забирают чуть-чуть больше полагающейся суммы, чтобы в середине следующего года обрадовать честного налогоплательщика, малую толику уплаченного ему — вернув, чтобы тот мог купить очередной «Мерседес» или «Smirnoff». Видите, до чего мудро устроено?

Увы, увы, от души завидую обоим категориям граждан — и мерзнувшим в очереди, и избавленным от этого гражданского подвига, поскольку работаю сам на себя по мелким контрактам, максимум двести матрешек партия, т. е. налогов у меня не вычитают, а стоять у дверей налоговой инспекции не позволяют годы и здоровье, подорванное в борьбе с жестоким коммунистическим режимом. Так что принадлежу к постыдному и ничтожному меньшинству, заполняющему декларацию и посылающему ее по почте. Более того, советское прошлое сказывается — свершаю я этот обряд обычно с недопустимым опозданием, да и нервничаю, так как опасаюсь, не дай Бог, недоплатить любимому правительству!

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО П. А. ОБРАЗЦОВУ

Вот и сейчас разволновался пуще обычного. Мы ведь с компьютеров начали, дорогой Петр Алексеевич? Я в прошлом году вдруг поверил этим тварям. Пошел в магазин, купил пакет особой мягкой еды для заполнения налоговых деклараций, скормил ее своему. Рассиялся, урчит, сукин сын. Ну-с, желательнo мне за свою немалую трату и пользу получить, логично? Не все же эти декларации шариковой ручкой заполнять. Часа три мы с ним просидели. Ластится, светится весь. Божья благодать — циферку на клавиатуре наберешь, потом другую, и вдруг — ах! Выскакивает на принтере заполненная декларация, все вычислено, все чистенько, красиво. Погладил я тварь, обрадовался. Она, опять же, урчит. Послал документ по почте в налоговую инспекцию, блаженствую. (У меня обычно на эти дела дня два уходит.) И что же? Через месяц все вернули. «Ваш, — пишут, — компьютер ошибок наделал тьму-тьмушую. Денежки мы ваши оприходовали, но соблаговолите теперь новую декларацию от руки заполнить, мы за вас пересчитывать не намерены, ибо у государства и так всякий доллар на счету».

Ох. Не сдержался я, отвесил ему, подлецу, как положено. И что же теперь? Отказывается работать. Придется от руки заполнять (и это за позапрошлый год, о нынешнем не говорю!). Завтра ознакомлю Вас с дальнейшим ходом событий. Ибо хорошо знаю, незабвенный мой Петр Алексеевич, как истосковались Вы в далекой России по правдивым, беспристрастным весточкам из свободного мира. Хоть и прогнали Вы пакостных большевиков, но тяжело их наследие, и каждый бит информации из благоденствующих западных стран особо ценен, если поступает из первых рук, не омраченных, так сказать, ни квасным патриотизмом, ни отжившим свое западничеством.

Ремонт Приборов

Любезный Петр Александрович!

Вы просили меня при случае делиться с читателями Вашего уважаемого издания различными историями из жизни человека в отдаленной Канаде. Извольте. Вы наверняка слышали о существовании за океаном аппаратов, в просторечии именуемых «компьютерами» и обладающих светящимся экраном, клавиатурой и иными приспособлениями, позволяющими не только с умопомрачительной скоростью производить математические вычисления, но и применять их (при наличии «принтера») как обыкновенный ундервуд или ремингтон, причем сила удара по клавишам значительно облегчается наличием в этих машинах электрического привода. С этим-то приводом и происходят порою мелкие поломки, требующие смены медной обмотки якоря, перепаивания контактов и иной работы, которую выполняют расторопные ремесленники, обосновавшиеся в разбросанных по всему городу мелких мастерских. Одна из них, расположенная близ нашего дома, на шумном тракте, давно привлекала мое внимание, так как хозяева ее расклеили по всей округе привлекательные типографские объявления в две краски, сулящие удачливому покупателю приобретение «компьютера» по совершенно бросовым ценам. И действительно, лавочка эта может произвести на неподготовленного посетителя поразительное впечатление! Ибо вся она заставлена деталями этих удивительных машин, порою совсем ветхими, порою еще находящимися в ярких фабричных коробках. Хозяева, скупая за бесценнок отжившие свой век аппараты, разбирают их на части, а затем монтируют из них новые, иной раз с добавлением покупных агрегатов типа «жестких дисков», «мониторов» и «летучих мышей». Не стану утомлять вас, любезнейший Петр Александрович, научным

описанием этих чудес человеческого гения, тем более, что меня отчасти мучает совесть — здесь, в благополучной Канаде, известны такие предметы, которые до России дойдут, быть может, лет только через пятьдесят! Скажу только, что «жесткий диск» являет собой, действительно, небольшой и чрезвычайно жесткий диск, посыпанный железным порошком, на котором с помощью животного магнетизма записываются документы, после чего их можно переносить на бумагу практически без участия человека! Вот уже несколько лет пользуюсь я одним из таких «дисков», сохраняя на нем едва ли не свои литературные произведения.

Нашелся и повод посетить упомянутую лавочку. Старый мой товарищ Илья, инженер, некогда смастеривший для меня мой «компьютер», не раз уверял меня, что последний будет работать значительно быстрее, если добавить в него «памяти», то есть особым образом обработанных кусочков кремния, способных при печатании текста самостоятельно определять следующее слово, а то и всю фразу, перенося ее на бумагу еще до того, как она даже придет вам в голову. Привлеченный возможностью значительно увеличить объем своего поэтического творчества, я наконец приобрел в вышеупомянутой лавочке за тридцать долларов четыре кусочка кремния, однако легкомысленный Илья так и не соблазнился предлагавшейся ему бутылкой канадского виски, и в конце концов я решил вставить кремний в «компьютер» самостоятельно. Добавлю, что давно уже у моей машины обветшал и пришел в негодность шнур, ведущий к печатающему устройству, и когда я захотел приобрести его в лавочке, жизнерадостный механик Райан выдал его мне бесплатно, присовокупив, что заинтересован в новых заказчиках.

Несмотря на внешнюю простоту своего устройства, «компьютер» являет собой агрегат не менее замысловатый, чем телефон или телеграф, а может быть, не уступает в сложности и локомотиву! Вынув старые кусочки кремния, я на секунду закрыл глаза, а когда открыл их, вдруг понял, что не знаю, куда вставлять новые! В машине имелись специальные щели для «памяти», но их было гораздо больше, чем упомянутых блоков. Решив действовать наугад, я выбрал из всех щелей четыре наиболее привлекательные, не без труда вставил

в них «память» (снабженную, надо сказать, медными и алюминиевыми отростками, удерживающими ее на положенном месте) и нажал кнопку.

Видевший монреальские или, на худой конец, московские фейерверки знает, с чем сравнить то, что представилось моим глазам! «Память», засветившись всеми цветами радуги, издала громоподобный звук, после чего все жизненные функции моего агрегата ограничились слабым, даже отчасти жалобным жужжанием.

Не имея автомобиля, подавленный, я отправился в ремонтную мастерскую, держа на руках свой «компьютер», словно дитя, больное скарлатиной. Ласково улыбнувшись мне, Райан похлопал машину по металлическому боку, пообещав мне за 35 долларов разобраться в беде и, возможно, вернуть машину к жизни уже к вечеру.

Оказалось, что в машине после моих неудачных попыток усовершенствовать ее сторел главный якорь, известный под странным названием «материнская плата». Кроме того, случившийся проездом из Москвы друг мой Марик, известный своей любовью к «компьютерам», уговорил меня заодно и сменить главный блок на более быстрый, у которого отростки вибрируют со скоростью не 133 раза в секунду, а 233. Гордый и веселый выходил я из мастерской, мысленно мечтая о том скором дне, вернее даже часе, когда я стану счастливым обладателем супербыстрой машины, которая, возможно, будет сочинять стихи и прозу вообще без моего вмешательства.

Зайдя в мастерскую через день, я обнаружил, что коварный Райан, от которого исходил густой запах пива, еще не завершил работу, и более того, судя по некоторым признакам, даже не развинчивал вверенного ему агрегата. Затем наступил праздник св. Иоанна Крестителя, а еще через два дня упомянутый механик, бесстыдно глядя мне в глаза, сообщил мне, что работа уже была сделана, но поскольку я не забрал аппарата вовремя, он извлек из него вставленное «материнское пособие» и отдал его другому заказчику! Не стану описывать охватившего меня негодования, скажу только, что еще через несколько дней, работая вместе с таким же лживым молодым механиком, Райан разобрал машину у меня на глазах и начал с самоуверенным видом нажимать на всевозможные кнопки, отчего «компьютер»

стал издавать жалобный писк, а потом заявил мне, что вся работа сделана, однако остались мелкие проблемы, которых он, Райан, решить не может, поскольку у меня на машине установлены русские «окна», а он умеет обращаться только с американскими. Дорожа возможностью использовать родную кириллицу вместо богопротивной и еретической латиницы, я пожал плечами и согласился. К тому же я настолько рассердился на ленивых безответственных механиков, что мечтал только об одном: как можно скорее расстаться с ними навсегда. Однако покинуть этот вертеп мне удалось, лишь заплатив негодьям порядочную сумму канадских долларов, в которую почему-то входили деньги даже за неизвестную мне «звуковую карту».

Не желая останавливаться на технических подробностях, упомяну тем не менее, что включенный дома «компьютер» вместо жизнерадостных картинок на экране начал показывать странные послания, требующие загадочных действий, а иной раз повергавшие меня в пучину отчаяния. Что бы Вы, например, стали делать, если бы Ваш верный ундервуд требовал от Вас «вставить диск Д», а потом заявлял, что «устройство не готово, повторите попытку позже»? Кроме того, важной частью аппарата является «мышь», небольшой остроухий прибор, с помощью которого «компьютер» ориентируется в окружающем пространстве. Этот прибор не работал, в результате чего вся машина то ходила бессмысленными кругами по комнате, то застывала в полном ступоре у стены, не выполняя отдаваемых ей приказаний. Так что ни о какой «переустановке русских окон» не могло быть и речи!

Подражая Цицерону, гневно корил я нерадивых механиков, вновь притащив в их мастерскую свою несчастную машину. Утратив гордость, я даже согласился на установку американских «окон», лишь бы мой помощник снова вернулся к жизни. Но нет предела человеческому коварству! К тому времени механики, видимо, затаили на меня злобу, и, когда через сутки я, подавленный и несчастный, явился к ним, заверили меня в том, что машина готова, что все проверено и работает прекрасно.

Доверчивый от природы, я решил на этот раз все же провести некоторую инспекцию. Меня не удивило, что новая «звуковая карта» не издавала ни единого звука, а «сиди» (возможно, я плохо расслышал

механиков и они имели в виду «сидение») не подавало признаков жизни. Злобный Райан, приговаривая, что на таких заказчиках, как я, он только теряет деньги, и на все лады понося мой «компьютер», в течение получаса настроил его. Я посмотрел на экран. Мои русские «окна» действительно сменились американскими, однако все плоды моей работы за последние несколько лет, записанные на «жестком диске», оказались навсегда уничтоженными — вероятно, в порядке мести за мою требовательность и за те робкие упреки, которые я адресовал Райану и его бездельникам-коллегам.

Масштабы этой потери ни с чем не соизмеримы, в литературных и иных трудах я отброшен на несколько лет назад. Ударив «компьютер», а за ним и самого механика, первым попавшимся под руку жестким диском, я оставил мастерскую, навсегда разочаровавшись в высоких технологиях и вернувшись к своему пыльному ремингтону.

Ремонт Приборов

ВТОРОЕ ПИСЬМО М. П. ШИШКИНУ

Здравствуйте, дорогой Михаил Шишкин!

Решил написать Вам открытое письмо. Не думайте, что я почему-либо к Вам в претензии или хочу «скрестить мечи на орала»! Но вдруг захотелось в ночной тишине поделиться с Вами некоторыми мыслями, как литератор с литератором, или, говоря проще и человечней, как писатель с писателем.

И действительно, в последние месяцы все чаще вижу Вашу фамилию в периодической печати и на «страницах» Интернета, где в электронном виде «публикуются» различные произведения прозы, поэзии, журналистики... Вот и недавно, блуждая по закоулкам (если можно так выразиться) этой замечательной «виртуальной страны» Интернет, увидел интервью с Вами в «Независимой газете» в связи с сочиненной Вами книгой «Русская Швейцария». Видите, сколько кавычек получается в моем письме, адресованном Вам!

И я подозреваю, что это не случайно. Ведь недаром мы все больше перемещаемся в «виртуальный мир», где вместо простых, веками копившихся народных ценностей царствует секс и половой разврат, бескультурие и космополитизм!

Вот почему, дорогой Михаил Шишкин, «Независимая» газета также вполне заслуживает этих кавычек. Ибо в современной России, где «капитал правит бал» — видите, от горечи и гнева у меня даже стихи получились! — ничего подлинно-независимого, конечно же, не встречается днем с огнем, как говорил еще греческий философ Дионис.

Возник у меня к Вам озадаченный вопрос и по поводу сочиненной Вами книги «Русская Швейцария». Ведь не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что «русской» Швейцарии существовать не мо-

жет! Должно быть, Вы имели в виду метафору типа «сапоги всмятку»! Ведь если имеется «Русская» Швейцария, то может, вероятно, иметься и «Швейцарская Россия» или «Немецкая Франция». А ведь это, согласитесь, звучит довольно-таки нелепо!

Впрочем, в интервью Вы сознаетесь, что в сочиненной Вами книге «Русская Швейцария» речь идет о посещениях этой живописной страны российскими гражданами. Даже упоминаете, что видели дом, где светило русской литературы Н. В. Гоголь писало свою поэму в прозе «Мертвые души». Но тут-то Вы как раз и заблуждаетесь, дорогой Михаил Шишкин! Ведь Вы сами простодушно сообщаете, что дело происходило в Париже! А Париж, как было известно любому ученику седьмого класса средней советской школы (уж не знаю, учат ли детей теперь географии, или только «порнографии» в нынешних гимназиях и лицеях), находится во Франции! То есть вместо сочиненной Вами книги «Русская Швейцария» получилась как бы «Русская Франция»?!

Среди персонажей сочиненной Вами книги «Русская Швейцария» упоминается и некто Ставрогин. Вы даже сами уверяете, что со времен этого человека «мы все — граждане кантона Ури!» Тут я с Вами категорично не в силах согласиться, дорогой Михаил Шишкин! Допустим, где-то в кантоне Ури и проживал некто Ставрогин, предпочтя родные березы и деревянные церквушки, т. е. землю, которую, по выражению поэта, «в рабском виде Царь Небесный исходил, богословляя», швейцарскому сыру из козлиного молока. Но почему же мы все после этого должны становиться гражданами этого, с позволения сказать, гондона? Мы, русские люди! Тем более что в Вашем интервью Вы, уж извините, выдаете себя, проговариваетесь, что швейцары даже сами говорят, что страна у них жалкая, что «Швейцарии не существует!» Тем более что она даже не член ООН!

Я надеюсь, что Вы на меня не обидитесь, дорогой Михаил Шишкин. Я Вас много старше и тоже в юности подвергался воздействию завиральных космополитических идеек. Потребовалось много «сомнений и мучительных раздумий», чтобы понять: ничего нет в мире дороже Родины, даже если какие-то иные страны и обладают на первый взгляд большей внешней привлекательностью, но ведь на самом-то деле лишены подлинного, истинного духовного содержания!

Я тоже литератор, можно сказать, писатель, как Вы, должно быть, уже успели понять. Волею судеб проживаю на постоянном жительстве в отрыве от Родины, в заснеженной Канаде. Так вышло, что месяц назад меня пригласили участвовать в поэтическом фестивале в городок Труа-Ривьер, что на полдороге между Монреалем и Квебеком. Фестиваль — ежегодный, уже восемнадцатый по счету. Собралось на него сто тридцать поэтов, из них двадцать иностранцев, хотя и остальные, правда, тоже все иностранцы, кроме меня (канадцы). Пять дней принимал я участие в этом культурном мероприятии. Городок Труа-Ривьер вроде бы исторический, вроде бы основан в качестве пушной фактории четыреста лет назад, а на поверку весь застроен кирпичными домиками нелепой американской архитектуры. Говорят, весь старый город сгорел в 1908 году, а уж заново его застроили второпях, абы подешевле. Осталась, правда, старая церковь Непорочного Зачатия, но католическая, а православных храмов там, подозреваю, никогда и не было. Весь городок (в котором всего-то сорок с небольшим тысяч населения!) заклеен плакатами, на коих изображен белозубый красавчик, должно быть, квебекский поэт, на фоне реки с парусной яхтой, и его строчка: «Страсть, грозящая твоей шкуре» (что я нахожу дурацким и не очень приличным) в виде как бы лозунга фестиваля. Едва ли не на каждый второй домик, будь то банк, магазин или ресторан, присобачены большие, примерно в шестую часть квадратного метра, алюминиевые доски, а на них выбиты какие-нибудь непристойные стихи по-французски. («Посмотри, я умею улыбаться, когда целую тебя в глаза», например.) Стихами, правда, их называть даже и странно, потому что представляете ли себе Вы, дорогой Михаил Шишкин, что ни о рифме, ни о размере местные поэты как бы даже и не слышали! Должно быть, следовательно, не знают они и других азов стихосложения, метафор, гипербола (преувеличений), синекдох и проч.! Повсюду красуются также полотнища, гласящие, что «Труа-Ривьер — столица культуры и поэзии!» (А Вы в своем интервью беззастенчиво обвиняете москвичей, что они справедливо гордятся своей хорошеющей столицей!) Словом, я насторожился. Весь этот фестиваль показался мне издевкой, глумлением над духовностью! И я оказался прав.

Понимаете ли, дорогой Михаил Шишкин, не знаю, пишете ли вы сами стихи или только космополитические брошюры вроде Вашей «Корейской Эфиопии» (простите уж старика!), в России поэт был всегда прежде всего гражданином, а уж потом поэтом. И даже наши граждане были всегда прежде всего поэтами, а уж потом гражданами. И я так считаю, что неуважительно по отношению к поэту заставлять его читать свои стихи три или четыре раза в день в кафе и ресторанах, где слушатели жуют свои непрожаренные бифштексы, или, по канадскому обычаю, жареную лососину, запивая ее мутным пивом, а на стихи практически не обращают внимания, причем организатор-конферансье нарочно предупреждает, чтобы больше трех минут (!) никакой поэт не читал своих сочинений. И когда какой-нибудь несчастный, рдея от униженья, пробурчит свой выстраданный стих, пронзенный, по выражению поэта, «горечью и злостью», то в ответ ему раздаются лишь вялые аплодисменты, заглушаемые чавканьем, жеваньем и сопеньем! А между поэтами заводят легкую музыку, что я считаю еще одним оскорблением, под предлогом, чтобы они «усвоили» услышанное!

Теперь лингвистическая (языковая) проблема. Она тоже встала передо мной во всей своей остроте! За годы изгнания я неплохо овладел английским языком (свободно читаю газеты, вполне понимаю инструкции к компьютерам, да и в разговорной речи не промах!). Английский, как Вы, должно быть, знаете, — это официальный язык США, а в Канаде таких официальных языка два, поскольку к английскому добавляется еще и французский. (Видите, кое в чем Канада напоминает Швейцарию — однако никому здесь до сих пор почему-то не пришло в голову сочинить написанную вами книгу, озаглавив ее, скажем, «Казахская Канада» и заявив, что «со времен Чокана Валиханова — мы все немного граждане Труа-Ривьер»?!) Подозрения мои, что в этом городке ни одна душа не говорит по-русски, конечно, оправдались. (Называют себя столицей культуры и поэзии! Заглянув в окошко букинистического магазина — площадью примерно как две собачьи конуры — я увидел там кичливую рекламную надпись «Всегда в продаже не менее семисот названий поэтических книг». Понятно ведь, что такое может быть только в городишке, где никто и никог-

да не покупает поэтических сборников, не говоря уж об онтологиях! При фестивале существует издательство «Экри де Форж», то есть по-нашему, грубо говоря, «Кузница». И тут та же история: за восемнадцать лет они якобы выпустили не то 300, не то 600 названий! Дело не в количестве, а в качестве. Уверен, что ни в одной из этих книг нет таких пронзительных строк, таких откровений, такой душевной боли за Родину, какая есть у Д. А. Пригова или Мирослава Немирова!) Куда удивительнее было обнаружить, что и по-английски гордые труа-ривьерцы изъясняются хуже меня! (Из двадцати приглашенных иностранцев не было ни одного американца, а из ста десяти канадцев — ни одного англоязычного поэта из Онтарио; лишь впоследствии мне довелось узнать, что Труа-Ривьер считается цитаделью квебекского сепаратизма). Один местный житель наскоро перевел два моих стихотворения на французский язык, не сохранив, конечно, ни рифмы, ни размера, и даже ни одного анаколуфа, не говоря уж о литотах. И вот Вам, дорогой Михаил Шишкин, лицемерие местной публики! Не скрою, что ревниво прислушивался к аплодисментам, пробивавшимся сквозь упоминавшиеся выше чавканье и сопенье. Что же я обнаружил? Чтение по-французски и по-русски вызвало примерно одинаковые рукоплесканья! А ведь подозревать, что обедающие и выпивающие хоть что-то понимали в русском тексте, было бы глупо? Значит, это была обыкновенная вежливость, а может быть, и благодарность за то, что Поэт не напрягал их интеллект и эмоциональных чувств, не проникал в их наглухо закрытый, «изолированный» духовный мир!

Каким наслаждением после этого издевательства было выйти на осеннюю улицу, упирающуюся в широкую реку Св. Лаврентия, через которую переброшен редкий по изяществу ажурный стальной мост, как бы летящий в застывшем воздухе на фоне алых кленовых лесов и пламенеющих рябин! Как славно было едва ли не в слезах брести в отведенную мне комнатку в пансионе, словно старого знакомого приветствуя толстеного китайского карпа, обитающего в крошечном пруду у дверей заведения! Как радостно было ощущать себя полезным обитателем этого мира, впуская в пансион тоскующего на улице рыжего кота габаритами с молочного поросенка! И, наконец,

сколько блаженные минуты проводил я вечерами в кафе «Зеноб», куда под предлогом слушания стихов сбредалось человек двести народу, так что, как выражаются, яблоку было негде упасть!

Опять лицемерие, дорогой Михаил Шишкин! Я пытался уговорить себя, что подобные «культурные» мероприятия напоминают Древнюю Грецию, где поэт (в отличие от России) был частным лицом, читавшим стихи под лиру таким же частным лицам, и даже, вероятно, радовался этому, не ища себе иного призвания. Я пытался поразиться бескорыстия организаторов фестиваля, равно как и воодушевлению местных жителей. И все же пришел к выводу, что весь фестиваль был устроен ради списания денег с налогов (или даже для прибыли, ибо на заключительный вечер в местном доме культуры скачущие обыватели раскупили все триста билетов), а поэзией на нем и не пахло!

Вот вам вкратце некоторые мои мысли и впечатления, дорогой Михаил Шишкин. Если придется Вам сочинять новый роман или брошюру, рад буду, коли они натолкнут Вас на какие-нибудь собственные мысли и впечатления! Только не поддавайтесь бацилле космополитизма, не считайте, как многие нынче, что главное в жизни — это доллар или шведская крона! Есть в мире вещи и более важные!

С уважением,
Ремонт Приборов

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Дорогие мои друзья!

Вновь судьба забросила меня в места самые неожиданные. Поистине, как говорит поэт, «повсюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!» Но тут я вынужден извиниться за свою невинную шутку. Ибо на сей раз я нахожусь отнюдь не среди волков и гризли дикой Канады, не среди потрясающих копьями таджиков, но в месте райском, чрезвычайно приспособленном для существования чувствительных натур, прошедших многочисленные жизненные испытания, но не утонувших в море страстей, а лишь укрепившихся духом.

Вы угадали — я в Гаване, городе дважды легендарном, поначалу в силу бурной истории своей во времена конкистадоров, а впоследствии и американских гангстеров, затем же — и во времена, когда человечество бурно праздновало освобождение молодых народов от многовекового колониального ига. Не прошло и полувека с тех пор, как отважный Фидель, ведя за собою преданных Родине *«барбудос»*, что по-русски означает «низкорослые, но крепкие телом и духом бородачи», штурмом взял казармы Монкада, что по-русски означает «приют вооруженных до зубов сторонников продажного диктатора Батисты», и установил на этом свободолюбивом острове режим, имеющий два гордых девиза: «Родина или муэрте!» (т. е. «Патриа или смерть!») и «От каждого по способностям, каждому — по потребностям, определяемым Районным комитетом защиты революции!».

Как описать вам волшебство кубинской природы? Широкошумные платаны шумят повсюду своими широкими платановыми листьями, однако на кубинском наречии «платаном» именуется «банан», а уж как именуется платан, не взыщите, не имею чести знать. (Вообще язык испанский весьма странен для непривычного уха; добав-

лю только, что апельсин они именуют «наранья», а персик — «мелокотон»; воистину, неограничена фантазия его изобретателей!) Куба — страна тропическая. Из ее благодатной земли произрастает множество иных представителей флоры и фауны. Где-то за пределами Гаваны обустроены плантации гуавы, агавы, манго, грейпфрутов и ананасов, щедро снабжающие обладателей конвертируемой валюты своими ароматными плодами, подаваемыми в любой гостинице или ресторане. Кое-какие плоды достаются, разумеется, и свободолюбивым местным жителям; я собственными глазами видел в овощной лавке картофель и зеленые бананы, которые в пределах месячной нормы может приобрести любой кубинец. Не будем лицемерами — граждане, строящие светлое будущее для своей дивной страны, вряд ли нуждаются во всех упомянутых разносолах. Им довольно чувства причастности к подвигу народа! Не скрою, что меня слегка озадачила некоторая скудость свежих овощей в ресторане при нашей гостинице; по чести сказать, два ломтика желтоватого огурца и три ломтика бледно-розового помидора, пышно именовавшиеся «салатом», уместнее было бы видеть, пожалуй, где-нибудь на Аляске в разгар зимы, а не на тропическом острове. Но что поделать! Видимо, американские империалисты распыляют над ненавистным островом свободы особые вещества, ослабляющие жизнеспособность огурцов и напрочь убивающие, скажем, редиску или морковку. Нет предела цинизму этих негодяев!

Колибри и фавны заглядывают в окна моей гостиницы с красноречивым названием «Палка», уж не знаю, что имели в виду свободолюбивые кубинцы, давая ей имя, поддающееся истолкованию как мрачно-тоталитарному, так и весьма игривому! Расположена гостиница на городской окраине; свободолюбивый таксист берет за дорогу до города 6 американских долларов, если включает счетчик, а если не включает — то двенадцать.

Как-то раз на улице нас остановил свободолюбивый веселый кубинец и осведомился, не требуется ли такси. Донельза довольные этим сервисом, мы согласились, и кубинец повел нас в некий глухой переулок, где обнаружилась машина «Форд» выпуска 1955 года. В машине сидел другой абориген, который через каких-то десять минут

ухитрился завести свой экипаж. Мы сдвинулись с места, с некоторым удивлением созерцая внутренность автомобиля, покрытую ржавчиной отнюдь не на сто процентов, а не более чем на восемьдесят.

Через три минуты автомобиль остановился и кубинец номер один (выступавший, видимо, агентом шофера и залезший в машину вместе с нами) выскочил наружу и ринулся через дорогу, вскоре вернувшись с жизнерадостным мальчишкой лет десяти, которого также усадил на переднее сиденье. Мы двинулись вперед не обычным маршрутом, по набережной, а путем окольным, который занял в два раза больше времени, зато позволил познакомиться с достопримечательностями кубинской столицы: полицейскими участками, превращенными в школы, виллами богачей, превращенными в коммунальные квартиры, батистовскими тюрьмами, превращенными в комфортабельные центры перевоспитания преступников, белеными каменными заборами, призывающими местных жителей проявлять «единство, патриотизм, честность и верность». Не без скорби должен заметить, что американские империалисты опыляют Кубу также ядовитыми веществами, разрушающими штукатурку на домах, оконные переплеты, да и сами оконные стекла. Многие дома в результате выглядят сущими трущобами. Представьте себе огорчение свободолюбивых кубинцев, которые каждый вечер заново меняют все окна, ставят на дома новые двери, вставляют оконные стекла, проводят канализацию — а утром убеждают, что все их усилия пошли насмарку!

Несколько обеспокоенные затянувшимся автомобильным путешествием, мы спросили шофера, уверен ли он в нашем маршруте. Доблестный кубинец выразил полную уверенность, однако же остановил своего стального коня, сообщив нам, что хочет за эту поездку двадцать пять американских долларов. Несколько поразившись, мы попытались поспорить с владельцем транспортного средства. «Хорошо, двадцать», — сказал, улыбаясь, его партнер. «Мерседес с кондиционером стоит десять!» — заволовался я. «Ты ничего не понимаешь! — закричал партнер, показывая на своего молчаливого и довольно откормленного отпрыска. — Бамбино! На что я его буду кормить?»

«Точно, — заговорил шофер, — с десятки этому типу ни хрена не достанется, разве что бесплатно покататься с мальчишкой».

«Именно! Заметь, я не на коллегу буду злиться, я на вас, скупердяев, буду злиться! Слышал я про вашу Канаду! Там социальное пособие двадцать долларов в час, а у нас на Кубе за десятку надо месяц горбиться, и молоко только на валюту! Голодать будем! Двадцать, и ни копейкой меньше!»

По окончании путешествия, когда скрежещущий автомобиль доставил нас на задворки гостиницы (свободолюбивые кубинцы, видимо, опасались подвозить нас к самому входу, чтобы не смутить иностранцев видом своего разваливающегося рывдвана), мы заплатили им одиннадцать долларов. К своему удивлению, они приняли эту сумму довольно безропотно. Смирение и долготерпение вообще принадлежат к числу особенностей кубинского национального характера.

С другой же стороны, местный житель умеет и повеселиться. Вчера я был свидетелем детского карнавала, посвященного сорокалетию организации кубинских пионеров. Как рассказать вам об этих милых мордашках, о массовых танцах, о веселье на детских личиках!

В ходе карнавала выяснилось также, насколько бесстыдна клевета продажной западной печати, касающаяся кубинской национальной валюты под названием «песо», что означает «смерть США!». В этой свободолюбивой валюте получает жалованье все десятиmillionное население острова. Продажные западные СМИ уверяют, что на нее ничего нельзя купить. Между тем я ЛИЧНО был свидетелем того, как в честь карнавала прямо на улицах родители покупали своим деткам мороженое ИМЕННО с помощью своих песо, заработанных нелегким трудом на благо родины! Я ПЕРСОНАЛЬНО видел аптеку в центре Гаваны, где за песо можно было купить никак не менее пяти или шести настояев лекарственных трав! Мы СВОИМИ ГЛАЗАМИ убедились в наличии в городе хозяйственных и одежных магазинов, где кубинцы бойко приобретали ацетон, гвозди, мыло и расчески! Приобретали они и предметы одежды, которые едва ли не заставили меня прослезиться — настолько напоминали они незабвенные платья и рубашки, производившиеся советской властью!

Забрели мы и в магазины, где трогательные кубинцы могут приобрести рис, спички, кофе, сигареты, а иногда даже мыло и курицу! Правда, при этом надо предъявлять загадочный документ под на-

званием «тархета», в буквальном переводе — «карточка». Документ этот чрезвычайно ценен, так как дает возможность закупать никак не менее литра растительного масла и двух килограммов риса в месяц по цене соответственно в два американских цента за литр и один цент за килограмм. Понятно, почему гордые кубинцы не любят рассказывать о существовании этих «тархет» — будучи гостеприимным народом, им не хочется унижать иностранцев, не знающих прелестей революции!

Проходя по свободолобивой набережной Гаваны, к нам пристроилось два юных студента исторического факультета университета, весь день впоследствии гулявших с нами по городу. По рассказам юношей, один из которых сжимал под мышкой томик Че Гевары, царящий на Кубе строй вернее всего будет назвать фиделизмом. Главная его особенность — неустанная забота о благосостоянии граждан. Детская смертность на Кубе — самая низкая в мире, как и смертность среди политзаключенных. И то сказать! Не реже чем два раза в месяц дети до шести лет имеют право отоваривать молочные талоны своих продуктовых карточек! Что до лекарств, то, несмотря на их отсутствие в аптеках, всякий пациент, помещенный в больницу, получает их совершенно бесплатно!

Первое, что предложили нам свободолобивые юноши, — это визит на квартиру их друзей, продающих знаменитые кубинские сигары. Гостеприимство кубинцев поразительно! Подумайте: если «Кохибас» в магазине стоят, скажем, сто долларов за коробку, то продающий их подпольно местный житель терпит убыток в шестьдесят долларов на каждой коробке! Добрый народ, ошастливленный бесконечным революционным гуманизмом Фиделя! С скромный народ, запретивший мне даже сфотографировать на память их квартиру, по выходе из которой нас остановил полицейский, ласково попросивший наших кубинских спутников предъявить документы, а затем переписавший в особый блокнотик все их паспортные данные. Нимало не смущенные юноши объяснили нам, что таким образом правительство заботится о простодушных иностранных туристах. Если преступный элемент украдет у них зажигалку или шнурки от ботинок, то после поступления жалобы в полицию он незамедлительно будет

разыскан, задержан и подвергнут мерам исправительного характера, например, отеческому внушению. Сентиментальный народ, который настолько дорожит воспоминаниями о своих иностранных друзьях, что просит у них на память не только двадцать долларов на еду, но и какой-нибудь предмет одежды или обуви! Гордый народ, отказывающийся от чаевых в ресторане под предлогом, что их все равно прикарманил начальник смены! Беззаботный народ, заполняющий улицы Гаваны без всяких признаков занятий трудовой деятельностью!

Не огорчайтесь, любезные мои друзья, если впечатления мои отрывочны и поверхностны. В конце концов, я всего лишь турист — как, напомним, и все мы лишь туристы на лице этой прекрасной планеты! Поезжайте на Кубу и сами насладитесь ее прелестями! Не верьте клевете бессовестных шакалов от журналистики! Поглядите на последнюю из моих фотографий — и убедитесь, что Куба не голодает, что продуктов хватает даже на то, чтобы кормить беспризорных собачек, наслаждающихся жизнью на свой собачий манер!

Весь ваш,
Ремонт Приборов

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО П. А. ОБРАЗЦОВУ

Уважаемый Петр Алексеевич Образцов!

Хоть Вы мне и давний, можно сказать, приятель, а иной раз задумываюсь: кто Вы? В чем Ваше истинное человеческое и политическое лицо? Во что Вы верите, да и верите ли вообще? Все эти мировые вопросы пришли мне в голову в неразрывной связи с Вашим подарком, который Вы преподнесли на день рождения другому моему приятелю, Б. Кенжееву, а именно, диском «ДВД», на котором записан кинофильм режиссера Балабанова «Груз-200».

Вы человек зрелого возраста, прошедший все ужасы так называемой «перестройки» и «гласности», когда свора цепных немецких овчарок американско-сионистского капитала растерзала на куски нашу Родину, урча. Прошли годы. Наша растерзанная на куски Родина понемногу зализывает раны, нанесенные ей американско-сионистским капиталом и его цепными немецкими овчарками. Растет ВВП, крепнет суверенная демократия, и все яснее становится, какую Россию мы потеряли, все четче отдаешь себе отчет в том, что распад Советского Союза явился одной из величайших трагедий XX века, сравнимой по трагичности с американскими бомбардировками мирных жителей Дрездена и Хиросимы в одной отдельно взятой стране.

Находятся у нас, однако, отдельные балабановы, которые при поддержке Государственного комитета по кинематографии ухитряются изготавливать свои русофобские, антирусские, человеконенавистнические поделки под обаявающим названием «кино». Находятся у них и истерические поклонники, а вернее будет сказать, низкопоклонники, которые за пластинку жвачки или задний мост к автомобилю «Форд» готовы продать самое святое, что есть у русского человека.

Очернительский «фильм» «Груз-200» начинает свое очернительство с самого начала, т. е. с названия. Ведь что такое «груз-200»? Это, если Вам неизвестно, останки воинов-интернационалистов, доставляемые на Родину для того, чтобы покоем в Российской земле после успешного выполнения интернационального долга. Пионеры приносили к ним на могилу цветы, пионерки — хризантемы, октябрюта, дружные ребята, — скромные полевые васильки, солдатские матери — горькие слезы, а солдатские невесты — слезы не менее горькие, чем материнские. Про отцов уж и не говорю. Называя так свой издевательский «фильм», балабанов уже дает нам понять, что для него, кроме доллара, нет ничего святого.

Вы, Петр Алексеевич, когда-то были ученым-химиком. Так давайте с Вами поставим мысленный эксперимент! Представим себе, что подобный «фильм» снят в любимой балабановской Америке, куда ежедневно доставляются на самолетах трупы интервентов, с которыми расправились свободолюбивые жители Афганистана и Ирака, мстя за поругание своей исторической Родины. Какова была бы реакция Белого Дома и Пентагона? Правильно, Петр Алексеевич. С такими балабановыми в США не церемонятся. Для таких балабановых и иже с ними давно построена тюрьма особого режима в Гуантанамо, откуда еще никто не возвращался.

В нынешней России балабановы гуляют на свободе, растлевая сознание молодых граждан. Картины 1984 года, когда происходит действие «фильма», заставляют их думать, что СССР населяли маньяки, фарцовщики, самогоноварители и преподаватели научного атеизма, мимо которых непрерывно проезжали какие-то грязные железнодорожные цистерны, грохоча. А ведь достаточно открыть любую газету, любой журнал того времени, и станет ясно, что все это полная и совершенная клевета! В одной из рецензий намекают, что «фильм», дескать, метафора. Главный маньяк-милиционер — это как бы мировой коммунизм. Девушка, главная героиня, подвергаемая насилию маньяка-импотента, как бы Россия. Самогонщик, которого в конце расстреливают, это как бы русский народ с его загадочной и всепрощающей душой. Вьетнамец — это как бы гражданин дружественного Вьетнама, а профессор атеизма — продукт разложения

русского народа под влиянием американо-сионистской пропаганды. При таком истолковании «фильм» становится еще опаснее и омерзительнее, однако!

И вот хочу спросить Вас, Петр Алексеевич: о чем Вы думали, когда преподнесли в подарок моему приятелю Б. Кенжееву эту подрывную ленту, точнее, диск «ДВД» для просмотра на персональном компьютере или ДВД-проигрывателе? Являлся ли этот «данайский» дар простой провокацией или чем-то еще более замысловатым? Может быть, Вы стремились к тому, чтобы стихи Б. Кенжеева стали еще более пессимистическими и бездушными? Или Вам показалось, что сцены отвратительной порнографии, составляющие главное «достоинство» этой «движущейся картины», придутся по душе нашему общему приятелю?

Эх, Петр Алексеевич, а ведь были когда-то и Вы комсомольцем!

Весь Ваш,

Ремонт Приборов

2007

ПИСЬМО А. РАДАШКЕВИЧУ

Дорогой молодой поэт Александр Радашкевич!

Пишет Вам коллега, тоже лирический поэт, пусть по возрасту и не годящийся Вам в отцы, но все-таки принадлежащий к более, так сказать, испытанному жизнью поколению. Во всяком случае, уже ушедший на заслуженный отдых, получивший пенсию по старости от нынешнего олигархического правительства нашей Российской Федерации. Отдых отдыхом (хотя иной раз за умеренную мзду и починешь какой-нибудь кран соседям), однако только сейчас начал я по-настоящему задумываться о некоторых аспектах современного литературного и культурного процесса, а также о судьбах нашего поруганного Отечества, изнывающего под бременем. Завел я себе на свои небогатые доходы доступ к мировой сети «Интернет», подписался и на так называемую выделенку. Как теперь без этого? Надо ступать в ногу со временем, пускай и не самым благополучным для нашего Отечества, быть в курсе происходящих событий.

Ну, простите мне это затянувшееся вступление. Скажу Вам, дорогой поэт Александр Радашкевич, что имя Ваше мне известно уже давно, со слов моего старого товарища и, так сказать, опекуна и проводника, некоего Виргилия, по запутанным тропкам литературной жизни. Фамилию называть не стану, ограничусь инициалом: это Бахыт К., не раз помогавший мне публиковать мои сочинения как в бумажных изданиях, так и на просторах мировой сети «Интернет». Неоднократно пытался я умственно и душевно осваивать Ваши стихотворения, но — простите уж старика! — не тронули они моей души, к великому огорчению упомянутого Бахыта К., который Вас считает одним из первых поэтов своего поколения. Но у меня, старика, другие вкусы, я предпочитаю, чтобы писали, учась у классиков. То есть с рифмой,

с размером, с ясным смыслом, желательно — жизнеутверждающе. А Вы, дорогой поэт Александр Радашкевич, на мой простой взгляд, все-таки близки к модернистам.

Тем более возликовал я в своей тушинской обители, прочитав Вашу исполненную гражданской скорби и поэтического негодования статью, и не статью даже, а можно утверждать, «филиппику», в недавнем номере «Интерпоэзии». И хоть с расходными материалами для принтера (на которые ЦРУ нарочно завышает цены, чтобы губить русскую культуру) у меня напряженка, но тут не пожалел даже фирменных чернил на распечатку. А потом прикнутил на стену у компьютера.

Вы начинаете с описания надругательства над Пушкиным, которое осуществляет в граде святого Петра *немногочисленная стайка затаённо-мрачноватых, явно озабоченных присутствием булькающих поллитровок во внутренних карманах и провисших сумках и намеренным отсутствием всякой закуски. Выходившие читали в основном по жалкому стишку, с какими-нибудь пушкинскими строчками в гарнире посильных банальностей и полупошлостей. Вечер вела дамочка не откуда-нибудь, а прямо из Пушкинского дома, прискакавшая с какой-то конференции по публичному срыванию лавровых венков с великой и безмолвной тени. Там, в частности, некий парижский профессор-славист заявил, что наш Пушкин брал из французской поэзии всё худшее, что в ней было.*

Дочитав до Вашего описания, как один из этих пакостников похвалялся тем, что сбросил томик Пушкина с теплохода, я, признаться, прослезился. Потом на миг успокоился, подумав, что глупых людей, страдающих комплексом неполноценности, всегда достаточно на свете. Может быть, стоит просто посмеяться над ними — или пожалеть? Ведь их совсем мало, они тощие, прыщавые, денег почти не зарабатывают, судя по поллитровкам в карманах. Да и закуска отсутствует, должно быть, не из принципа, а по бедности? Жизнь свою расцвечивают как могут, нефтяные бабки не распиливают, верноподданических статей не пишут. Но почти сразу сообразил, что неправ. Родина наша постеснялась расстрелять не столь многочисленных в 50-е годы стилиаг, а посмотрите, что они в конце концов сотворили с нашим

Отечеством? О да, Вы бесконечно правы, дорогой поэт Александр Радашкевич. Эти людишки — гниль на здоровом теле советской культуры, отрывка горбачевско-ельцинской «демократии» (на смену которой, слава Богу, уже приходит российская суверенная демократия). И уже за одно это их следует беспощадно выжигать каленой метлой. Снова покаюсь: и про заезжего профессора я подумал поначалу то же самое, типа — мало ли дураков на свете?

Но дело-то оказалось куда серьезнее, чем мне представлялось. По мере дальнейшего чтения Вашей «филиппики» мои, что уж греха таить, изрядно поредевшие волосы начали вставать дыбом, как у всякого честного русского человека, когда я вдруг понял, что речь не просто о доморощенном разрушении русской культуры силами новоявленных Андриев, а об иностранном заговоре, финансирующемся понятно дело на какие деньги.

Эта часть спектакля, — обливаются Вы праведными слезами, — была разыграна для пары французов, которые, ничего не понимая, понимающе улыбались со второго ряда. Они приехали из страны, где поэзия была осмеяна и загублена на корню уже лет сто назад, чтобы учить нас (!), как быть и что писать, чтобы и у нас навсегда смылись понятия «красиво» и «некрасиво», «хорошо» и «плохо», «талантливо» и «бездарно», подменив это принципом «авангарда». Сначала я, опять же, подумал, что французики, может быть, просто развлечься пришли. Тем более могут ли они нас учить, если по-русски ни в зуб ногой? Но это и не важно! — сообразил я вскоре, усвоив Ваше откровение: *они приехали с пустыми руками, и учить им кого-либо совершенно нечему: Франция бесплодна и духовно мертва сегодня, как и весь потребительский Запад.*

Я снова пролил святые патриотические слезы. Боже мой, может быть, Вы сами и пишете стихи, на мой взгляд, авангардистские, но какая глубина гражданской мысли и чувства! Как правильно Вы противопоставляете нашу плодovitую и духовно живую Россию, особенно нынешнюю, потребителскому Западу! Да-да-да! Мне при слове «потребление» всегда хотелось схватиться за рукоять пистолета. Именно эти французики, как Вы справедливо разоблачаете, *убив Пушкина физически, холёной рукой любовника голландского посла, при-*

ехали присутствовать на заклании Пушкина торжествующей мамоне. И насколько же надо ненавидеть Россию (добавлю от себя, старика!), чтобы, преодолевая потребительские инстинкты, потратить свои кровные евро на проезд в Питер, специально чтобы поглотиться над самым святым, что у нас есть!!! (Впрочем, у ЦРУ деньги немереные.) Тут я Вас пожурю, кстати, дорогой поэт Александр Радашкевич, за недостаточную полноту Вашей «филиппики». Не общеизвестно ли, что 1) на так называемую «дуэль» Дантес явился в кольчуге, 2) сама «дуэль» была организована кровавым царским режимом, 3) настоящая фамилия убийцы Лермонтова была Мартен, 4) следовательно, который вел дело Мандельштама, имел отчество «Христофорович», 5) с 1917 по 1991 год все русские эмигранты в Париже должны были носить пришитую к одежде красную звезду.

С французами все ясно. Я всегда считал, что рассудка француз не имеет, да и иметь его счел бы за величайшее для себя несчастье. Вы остроумно цитируете: *«Нельзя быть либеральным человеком в Европе, не будучи врагом Якутии. Либерализм и благорасположение к якутам — понятия несовместимые»*. (Тут у меня вышла опечатка, простите — следует читать *России, славянам*.) Так писал ещё в 1876 году Павел Анненков Ивану Тургеневу — а с тех пор все стало еще хуже! Павел Анненков был глубочайший мыслитель аксаковского типа, да и Иван Тургенев, пребывая в затянувшейся творческой командировке на Западе, изнемогал от ужаса и унижений. Недаром с такой горечью описывает он в повести «Внешние воды», как на светских приемах в потребительской и бездуховной Франции ему сервировали фуа-гра в собачьей миске, поставленной в углу кухни!

Но я считаю, что проблема гораздо шире. Франция — не единственный пример. Доводилось и нам, грешным, бывать в Европе. Взять, например, Албанию. Вы публицист поталантливей меня, поэтому воспользуюсь Вашими оборотами. *Надо четко понимать: Албания ненавидит Россию — ее культуру, отношение к жизни, его ширь и мощь, особый задушевный лад, его видимую инертность и слабость, которая каждый раз, даже после долгих лет пресмыкания, оборачивается негибкостью. Но, главное, Голландия ненавидит ее необъяснимую веру в себя. Ненавидит органически, утробно, даже*

восхищаясь ее балетом, ядерными бомбами или классической литературой. Пожив в Испании, я это ощутил всем своим существом. Мы для них варвары на веки веков. Когда в английских газетах говорят о ком угодно «прорусский», это значит «плохой», достойный презрения, и это общее место даже не расшифровывается.

Как же мудро Вы их всех припечатали! Ведь ежу понятно, что «прорусский» — означает сторонник суверенной демократии и невиданного процветания народных масс! И обоснованно Вы заявляете, подчеркивая, что *наша страна, пока её не разбили, согласно существующим (у ЦРУ — Р. П.) и успешно осуществляемым (ЦРУ — Р. П.) планам, на дальнейшие кусочки, самодостаточна абсолютно во всех мыслимых сферах человеческой деятельности, достигая в них высших и недостижимых результатов*. Тут уж культурой не ограничишься! Понятно, что наши Церетели и Глазунов — это не их жалкие уж не знаю кто (да у них и нет никого). Понятно, что *нет ни французского Толстого, ни Достоевского, и даже близко ими, охватившими все человеческое до последних зияющих глубин, не пахнет*. Тем более что со времен Толстого и Достоевского у нас этих Толстых и Достоевских накопилось столько, что девать некуда! Но добавлю все-таки и от себя: а русская квантовая механика! А станкостроение! А вычислительная техника! А автомобильная промышленность! А непревзойденный русский дизайн! А ВДНХ! А сельское хозяйство! А кристальность наших государственных служащих! А непревзойденная духовность журнала «Man's Health Russia»! А наша вежливость, неизмеримо превосходящая японскую! А ухоженность наших кладбищ, особенно на Колыме! Мы первые повсюду, даже если не вспоминать про суверенную демократию!

Кроме того, у нас есть Пушкин. И этим все сказано. В русских деревнях, в рабочих общежитиях, в воинских частях Российской Армии, в учреждениях и на предприятиях, в Федеральном Собрании и «Газпроме», на рынках, откуда, слава Богу, изгнаны спекулянты кавказской национальности, — повсеместно всякий день и поныне начинается с декламирования «Гавриилиады» или «Истории Пугачевского бунта», а не постмодернистов, списанных с французского образца, хотя наш великий язык умышленно и упорно уничтожа-

ется и уродуется кальками с американского (тут, простите старика, Вы снова забыли упомянуть специальные гранты ЦРУ на разрушение русского языка).

Остаюсь с непреклонным уважением и разделением
Ваших патриотических взглядов
Ремонт Приборов

Р. С. Нижеследующие строки написаны под давлением Бахыта К., заявившего, что он, как советский патриот, обижен некоторым русско-патриотическим (в ущерб остальным братским народам СССР) уклоном моих заметок. Как интернационалист, а также выпив принесенной им «Путинки», я был вынужден подчиниться. Действительно, что мы — все Пушкин да Пушкин. (Я уж, простите старика, снова воспользуюсь Вашим текстом.)

«Джамбул выразил и высказал нечто такое, что составляет самую сущность казахского мировосприятия и мироощущения. Его стих безошибочно узнаваем. Он всегда бьёт в точку, глубоко волнует и снимает обывательскую пелену с глаз. В прозрачно-кружевных джамбульских стихах есть внутренняя пружина, высокое напряжение и особая полётность, которой нет ни у кого. Но чтобы его любить по-настоящему, надо быть казахом — по крови или по выбору, это совершенно всё равно. Но главное — по любви».

С почтением,
Ремонт Приборов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

РАННИЕ ОПЫТЫ. 1969–1980

Три юношеских стихотворения из стенной газеты ДЭЗа №10 Тушинского района	
1. «Как мечту бы воплотить мне в жизнь?..»	11
2. «Хочу рассказать, как всем сионистским мордам...»	12
3. «Хочу коснуться вопроса о так называемых литераторах...»	12
«Ах, корнет, я люблю цветы и стихи...»	14
Благодарное послание академику Игорю Шафаревичу, раскрывшему тайну так называемого «малого народа» и вреда, приносимого им России и иным странам	16

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И ОДЫ. 1991

Ода на падение большевистского режима, восхваляющая президента России г-на Б. Н. Ельцина и составляющая подражание известной оде Александра Сопровского «На взятие Сент-Джорджеса»	19
Патриотическое послание Тимуру Кибирову, возражающее против выноса мертвого тела г-на В. И. Ленина из ордена Ленина мавзолея Ленина имени Ленина	21
Краткое патриотическое послание, бичующее мэра г. Санкт-Петербурга	

тербурга г-на Собчака и ставящее ему в пример настоящего российского героя	23
Патриотическое послание Петру Образцову, защитнику Белого до- ма, по поводу его неуместной гуманности к членам ГКЧП	25
Патриотическое послание Сергею Гандлевскому, содержащее краткие инструкции по сочинению литературы в период по- сле падения коммунизма	27

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ, БАЛЛАДЫ И СТАНСЫ. 1993–1994

Экономическое послание подруге детства Любочке по поводу ее поступления на службу в представительство иностранной фирмы в Москве	31
Экономическое послание Тимуру Кибирову в связи с его сетовани- ями на бедность и невозможность продать плоды своей музыки в условиях рынка (писано от лица того же Б. Кенжеева)	33
Экономическая баллада о молодом аудиторе	36
Экономическое послание о путях разумного вложения капитала, адресованное петербургскому поэту Виталию Дмитриеву	39
Экономическая баллада о денежной реформе 24 июля 1993 года	42
Экономические стансы Светлане Кековой в связи с повышением курса рубля на Московской валютной бирже	45

АЛФАВИТ. СТИХИ ДЛЯ НОВЫХ РУССКИХ ДЕТЕЙ. 1996

Аккредитив	49
Банк	49
Валюта	50
Взятка	50
Дума	51
Киллер	52

Мерседес	52
Налог	53
Поля	54
СПИД	54
Баллада об Участковом враче	55
Феррари	56

БАСНИ И ПРИТЧИ. 1993–1994

Гиена и Шакал	61
Еж и Морж	62
Кот-масон	63
Козел, Баран и Дева (Поэтическая притча)	65
Поэт и Слесарь (Басня)	66
Тапир и Шекспир (Философическая басня)	67
Дирижабль и автомобиль (Романтическая притча, посвященная пожилому поэту Б. К., который жаловался автору на недоста- ток внимания со стороны прекрасной половины рода челове- ческого).	68

ПОДРАЖАНИЯ КЛАССИКАМ

Подражание Пушкину	71
Два подражания Лермонтову	
1. «Белеет пенис одинокий...»	72
2. Стерлядь	72
Два подражания Блоку	
1. Пессимистическое	74
2. Оптимистическое	74
Подражание Пастернаку	75
Подражание Ахматовой	76
Подражание Маяковскому	77

НЕБОЛЬШИЕ ТРАГЕДИИ ИЗ ЦИКЛА «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА»

Праздник победившей Революции 7 ноября 192* года.	81
Совещание комиссии по делам религий при Совнаркомe имени Гос- снаба	86
Совещание комиссии по утверждению герба и флага СССР	90

НОВЫЕ ОДЫ

Ода на обострение грузинско-российских отношений.	97
Ода на утверждение законного президента России, написанная по просьбе «Независимой газеты»	98
На утверждение В. В. Путина президентом России	100
На избрание В. В. Путина на второй срок.	101
На вынесение приговора М. Б. Ходорковскому (написано в соав- торстве с В. В. Путиным)	102
На провокационный арест американскими властями одиннадца- ти российских разведчиков по сфабрикованному обвинению в шпионаже.	104
На утверждение человеколюбивого закона об иностранных усы- новлениях и удочерениях.	105
На переезд актера Депардье в Россию.	106

НОВЫЕ ПОСЛАНИЯ И ПОУЧЕНИЯ. 1993–1994

Стихи воображаемым друзьям разных национальностей в связи с их личными проблемами	
1. Если бы у меня был друг Ерген, страдающий весенней аллергией	111
2. Если бы у меня был друг Евсей, проживающий в горо- де Казани	111
3. Если бы у меня был друг Яков, страдающий умствен- ной отсталостью.	112

4. Если бы у меня был друг Аристид, совершивший ка- кой-нибудь чрезвычайно нехороший поступок.	113
5. Если бы у меня был друг Федя, живущий за границей и вложивший деньги в лопнувший банк.	114
Стихи о счастливой любви, посвященные прелестной хорватке Заточке Лыж	
1. Стихотворение игривое, с элементами гордости за свою поэтическую славу, но с ясным пониманием о том, что и сама эта слава — лишь инструмент для достиже- ния любви.	115
2. Стихотворение политическое, вернее, с политически- ми мотивами, однако с явным выводом о высших цен- ностях жизни	116
3. Стихотворение философски-религиозное, с попыткой разобраться в конфликте между различными типами ду- ховности и служения высшей идее	117
4. Стихотворение страстно-романтическое, снабженное высокими лирическими размышлениями о неумоли- мом беге времени	118
5. Стихотворение трагически-безысходное и даже отча- сти безумное	119
6. Сначала ревниво-драматическое, а потом исполнен- ное любовного блаженства, где упоминается друг ав- тора поэт Вечер Романсов, который, несомненно, про- стит его по причинам, понятным из самого этого ли- рического стихотворения	119
Рифмованные афоризмы воспитательного содержания (1—6)	121
Еще одно сочувственное стихотворение Бахыту Кенжееву, на этот раз — на увольнение со службы в Международном валютном фонде.	123
Другу Феде Анциферову, любителю хватать девушек за коленки	124
Открытое письмо Алексею Цветкову	125
Сергею Гандлевскому на его критику (дружеское, но трезвое по- слание, отчасти от лица Б. Кенжеева)	127

Алексею Цветкову на поднятую им дискуссию о недостойном поведении Ираклия Андроникова, который в 1931 году на допросах в НКВД закладывал своих коллег-литераторов	129
Виталию Дмитриеву, который занят укладкой кафеля в квартире Маши Ватугиной	130
Сочувственные стихи Бахыту Кенжееву на повреждение большого пальца правой ноги	131
Послание, бичующее неведомого зоила.	132

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Из цикла «Литературные встречи» (написано от лица Бахыта Кенжеева, старинного друга автора)	
[1] «Был мне другом когда-то Гандлевский Сергей...»	135
[2] «Был мне кореш когда-то Кибиров Тимур...»	136
[3] «Я работал в охране. Чухонцев Олег...»	136
[4] «У меня был товарищ — Алеша Цветков...»	137
[5] «Был дружок у меня — Кублановский Кирилл...»	138
[6] «Я работал в милиции. Шурик один...»	139
Гекзаметры на присуждение Антибукеровской премии Тимуру Кибирову, написанные от лица и в защиту Бахыта Кенжеева	
1. «Грустный и гневный, тоскует Бахыт у себя в Монреале...»	140
2. «Значит, Кибиров, соперник мой вечный, ворованной славой...»	141
3. «Домик себе присмотрел я в недалекой уютной деревне...»	141
Наставления другу Пете о качестве поэзии современной и классической	143
Геопозитические откровения в марте-апреле 2003 года	
I. «Если спросишь, зачем...»	146
II. «Ликует народы, и нации рады!...»	
III. «Стыд-позор тебе, Америка...»	

Еще один цикл стихов о любви (В мире животных)	
1. «Однажды Глухарь полюбил Пескаря...»	149
2. «Любовь счастливая — мечта...»	149
3. «Однажды карась полюбил карася...»	150
Стихи о Ленине	151
Беловежская пуца	152
«Примем „Путинки“ мы с утра...»	153
На обвинение писателя Бориса Акунина в уклонении от уплаты налогов и шпионаже в пользу одной иностранной державы	154
«Сергей, Сергей, когда же ты поймешь...»	156
«Боба, счастливцев! Сколь благосклонна к тебе фортуна!...»	157
Географические стихи о любви	158
Буря	159
Два стихотворения о компьютерах	
1. «Гулял я по улице с Ирой...»	160
2. «Василий Львович Нечитайло...»	160
Накануне выборов 2007 года	162
«Скажи мне, робот молодой, любимец медных жен...»	164
«Ночь. Горят небесные алмазы...»	165
«Сегодня мир однополярен...»	166
Идиллия.	168
Метафорическое стихотворение о поэтическом призвании	169
Лирическое рассуждение о бездуховности английского языка	170
О поездке трех поэтов в Италию.	171
«Юноша бледный, гений с горящим взором, ныне...»	172
«Стоят на буфете слоники...»	174

Приложение

СТИХИ, НЕ ПРОШЕДШИЕ ЦЕНЗУРУ. ОТРЫВКИ ИЗ УНИЧТОЖЕННЫХ СТИХОВ

Из стихов о половом воспитании для новых русских детей обычной ориентации	177
---	-----

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Из стихов о половом воспитании для голубых новых русских детей . . .	180
Крокодил, Коза и Кама-Сутра (Басня)	185
Антисемитские стихотворения, посвященные Якову Малкину	
На отъезд Малкина в Израиль.	186
Милой, но наивной Маше — стихи на приезд Малкина	
в Москву 1 октября 1998 года.	186

ПРОЗА

О теории эволюции	191
Проект переустройства Венеции	195
Смерть в Америке.	199
Благодарственный отзыв на статьи Виктора Топорова.	201

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА. 2003–2009

Первое письмо А. П. Цветкову.	207
Второе письмо А. П. Цветкову.	210
Первое письмо М. П. Шишкину	215
Первое письмо П. А. Образцову	219
Чем питается бразилец	221
Что пьет бразилец	222
Экономическое отступление	223
О бразильских девушках	224
Второе письмо П. А. Образцову	225
Третье письмо П. А. Образцову	229
Второе письмо М. П. Шишкину	234
Письмо друзьям.	240
Четвертое письмо П. А. Образцову	246
Письмо А. Радашкевичу	249

РЕМОНТ ПРИБОРОВ

Гражданская лирика и другие сочинения. 1969—2013

Ответственный редактор МАКСИМ АМЕЛИН

Макет и верстка: Стас Валишин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

109028, Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.

Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс можно приобрести:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнезниковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский Дом книги, м. «Невский проспект», «Гостиный двор», Невский проспект, д. 28.
Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

ОПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, М. Трехсвятительский пер., д. 3а, стр. 1.
Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7. Тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Подписано в печать 14.02.14. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Официна.

Печать офсетная. Объем 16,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ №